

ВЕСТНИК

НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2025. Том 23, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

История лингвистической мысли

- Палкин А. Д. Речевой этикет русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX веков на примере переписок А. А. Шахматова

5

Теоретическая лингвистика

- Анисимов В. Е. Иерархическая система в семиотическом пространстве исходного и локализованного кинотекста (на материале французского кинодискурса)

22

Лингвокультурология и социолингвистика

- Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А., Яковлева Е. А. Артионим как перевод изображения в поэтику названия, или Принципы нейминга

34

- Ульяницкая Л. А., Скрынник Е. С. Лексико-грамматическая интерференция русского и английского языков в интернет-общении

50

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Оленеводческая лексика якутского языка (сравнительно-сопоставительный аспект)

63

- Иванова И. Б. Атрибутивные конструкции со значением улахан ‘большой’ в якутском языке

77

Компьютерная и прикладная лингвистика

- Андреев С. Н., Бубнова Н. В., Павлова Л. В., Романова И. В., Гавенко О. Ю., Шашок Н. А. Комплексная лексикографическая цифровая модель репрезентации локального текста (на примере Армянского текста русской поэзии)

87

- Клеванова А. О., Скребцова Т. Г. Лексическая сочетаемость в описаниях органолептических свойств вина (дистрибутивный и кластерный анализ)

102

Психолингвистика

- Каменева В. А., Рабкина Н. В., Коломиец С. В. Концепт «здравье» в языковом сознании подростков 13–16 лет с врожденным пороком сердца и их сверстников без данного заболевания в анамнезе

120

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 2

<i>Кашилева К. К., Краснощекова С. В. Освоение прямого дополнения при изучении взрослыми русского языка как иностранного</i>	130
Рецензии	
<i>Мартыненко И. А. Рецензия на книгу: de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG, 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057</i>	145
<i>Тимофеева М. К. Терминологическая основа науки о языке</i>	150
<i>Информация для авторов</i>	156

ВЕСТНИК
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2025. Volume 23, № 2

CONTENTS

History of Linguistic Thought

- Palkin A. D.* Speech Etiquette of Russian Scientific Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th centuries as exemplified by A. A. Shakhmatov’s correspondence 5

Theory of Language and Applied Linguistics

- Anisimov V. E.* Hierarchical System in the Semiotic Space of the Original and Localized Film Text (based on the material of the French film discourse) 22

Linguoculturology and Sociolinguistics

- Mukhametgareeva N. M., Yusupova Z. A., Yakovleva E. A.* The Artionym as a Translation of Image into the Poetics of a Name, or the Principles of Naming 34

- Ulianitckaia L. A., Skrynnik E. S.* English-Russian Language Interference in Online Communication: Lexical and Grammatical Aspects 50

Cognitive Studies and Intercultural Communication

- Danilova N. I., Diachkovskiy F. N.* Yakut Reindeer Breeding Vocabulary (a contrastive aspect) 63

- Ivanova I. B.* Attributive Constructions with the Adjective ULAKHAN Meaning “Big” in the Yakut Language 77

Computer and Applied Linguistics

- Andreev S. N., Bubnova N. V., Pavlova L. V., Romanova I. V., Gavenko O. Yu., Shashok N. A.* The Integrated Lexicographic Digital Model of the Representation of a Local Text (using the example of the Armenian text of Russian poetry) 87

- Klevanova A. O., Skrebtssova T. G.* Lexical Co-occurrence in Descriptions of Organoleptic Properties of Wine (distributional and cluster analysis) 102

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 2

Psycholinguistics

- Kameneva V. A., Rabkina N. V., Kolomiets S. V.* Concept of Health in Linguistic Consciousness of Teenagers 13–16 years old with Congenital Heart Disease and Their Conventionally Healthy Peers 120

- Kashleva K. K., Krasnoshchekova S. V.* Direct Object Acquisition in the Speech of Adult L2 Russian Learners 130

Reviews

- Martynenko I. A.* Book Review: de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG. 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057 145

- Timofeeva M. K.* The Terminological Basis for the Science of Language 150

- Instructions for Contributors 156

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)

Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)

Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)

Secretary Darya A. Savostyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

The journal is published quarterly in Russian since 1999

by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 811.161.1'276.5

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

**Речевой этикет русской научной интеллигенции
рубежа XIX–XX веков
на примере переписок А. А. Шахматова**

Алексей Дмитриевич Палкин

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

p-alexis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Аннотация

Рассмотрению подвергаются стилистические особенности эпистолярного жанра русской научной интеллигенции на примере писем А. А. Шахматова и его коллег. Письма были написаны на рубеже XIX–XX вв., на переходном этапе между двумя империями, и отражают научные интересы, общественно-политические взгляды и быт авторов переписок. Показано, что этикет написания писем подразумевал подчеркнутую вежливость, как то: непременное обращение на «Вы» с большой буквы, передача поклонов или приветов родственникам, избегание негативных эпитетов и позитивные оценки даже при описании ситуаций отрицательного характера. Бранная лексика или демонстрация ярко выраженных негативных эмоций используются в исключительных случаях. Как правило, свое негодование авторы писем предпочитают выражать при помощи знаков пунктуации (восклицательные знаки, многоточия). Эпистолярный жанр русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. является уникальным в своем роде образцом корректности и доброжелательности коммуникативных актов. С уходом из жизни авторов рассмотренных писем ушел в прошлое и соответствующий стиль. Помимо собственно стилистики сообщений, обращают на себя внимание особенности быта и условия жизни людей того времени. Содержание исследованных писем свидетельствует о том, что и до поворотного 1917 г. и после русская научная интеллигенция жила небогато. Авторы писем неоднократно писали о своем стесненном финансовом положении, хотя необходимо признать, что после 1917 г. условия их жизни заметно ухудшились. Именно на этот последний период приходится наибольшее количество лексем с негативной коннотацией и именно в этот период мы начинаем отмечать появление бранной лексики в текстах некоторых авторов. Тем не менее показательно, что в России интеллигенция, которая в идеале должна быть двигателем прогресса, ни при какой власти той эпохи не воспринималась всерьез.

Ключевые слова

русская научная интеллигенция, А. А. Шахматов, переписка, эпистолярный стиль

Для цитирования

Палкин А. Д. Речевой этикет русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX веков на примере переписок А. А. Шахматова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 5–21.
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

Speech Etiquette of Russian Scientific Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th centuries as exemplified by A. A. Shakhmatov's correspondence

Alexei D. Palkin

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

p-alexis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Abstract

The article dwells on stylistic features of the epistolary genre of Russian scientific intelligentsia with A. A. Shakhmatov's and his colleagues' letters as a case of study. The letters were written at the turn of the 19th–20th centuries – the pivotal stage between the two empires – and demonstrate the corresponding authors' scientific interests, social-political views, and their daily round. It is made clear that the etiquette of writing letters assumed empressement, namely: infallible form of address with the capital letter "You", sending one's regards and love to relatives, avoiding negative epithets, and making positive assessments even while describing negative circumstances. Swear words and demonstration of salient negative emotions were used by way of exception. As a rule, the authors' outrage was expressed through punctuation (exclamation marks, dots). The epistolary genre of Russian scientific intelligentsia of the turn of the 19th–20th centuries is a unique specimen of communicative acts civility and benevolence. With the authors' death, the respective letter-writing style became obsolete. Apart from the messages' stylistics, details of daily round and living conditions characteristic of the time concerned are taken into consideration. The content of the letters in question testifies to the fact that both prior and after the milestone year of 1917, Russian scientific intelligentsia lived in meager conditions. The authors wrote ever and again about their scanty financial situation, although it should be admitted that after 1917 their living conditions deteriorated significantly. It was that latter period that saw the greater part of negatively connotated lexemes and the first usage of swear words in the texts by certain authors. Nevertheless, it is noteworthy that Russia's intelligentsia of the period – that, ideally, was to ensure the nation's progress – was not taken seriously by either of the authorities in power.

Keywords

Russian scientific intelligentsia, A. A. Shakhmatov, correspondence, style

For citation

Palkin A. D. Speech Etiquette of Russian Scientific Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th centuries as exemplified by A. A. Shakhmatov's correspondence. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 5–21. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

Введение

Данная статья выросла из нашей ранее опубликованной статьи о Ф. Ф. Фортунатове [Палкин, 2023]. В ней мы указали, в частности, на то, что Ф. Ф. Фортунатов был первым ученым, предложившим максимально точную морфологическую классификацию языков мира. Мы по-прежнему настаиваем на том, что именно его классификация из пяти групп языков, а не введенная на подиум классификация В. фон Гумбольдта [Humboldt, 1836] из четырех групп, является наиболее удачной. Все учебники по типологии и все соответствующие разделы в учебниках по общему языкознанию нуждаются в ревизии и как минимум в упоминании имени Ф. Ф. Фортунатова в связи с разработанной им классификацией.

Изучая влияние Ф. Ф. Фортунатова на развитие научной мысли в России, мы неминуемо обращаем внимание на его учеников, одним из наиболее заметных среди которых является А. А. Шахматов. В связи с этим мы решили обратить внимание на личность А. А. Шахматова как на одного из продолжателей дела Ф. Ф. Фортунатова, при этом мы сделаем акцент не на научных трудах ученого, а на сравнительно недавно опубликованных его переписках с коллегами, среди которых и сам Ф. Ф. Фортунатов, и норвежский русист О. Брок, и другие.

Когда пишешь об истории жизни некоторого ученого, обычно хочется написать, что ученый этот был выдающимся и внес неоценимый вклад в развитие науки. Мы отойдем от этой

традиции и просто констатируем, что по сути А. А. Шахматов был хорошим ученым со своими достоинствами и недостатками. Это замечали, в частности, его современники, чему свидетельством критическая записка В. М. Истриной, которую он направил лично А. А. Шахматову 09.03.1900: «Приступив ближе к знакомству с Вашиими статьями по летописям, я постоянно встречаю замечание «продолжение следует». Это останавливает сделать проверку Ваших выводов, так как считаешь решение данного вопроса незаконченным, тем более, что у Вас есть странная манера в апреле отказываться от того, что сказали в марте. Ввиду этого приходится желать окончить Ваши начатые статьи. Самое лучшее было бы, если бы Вы переработали вновь и издали в одной целой книге. Не сделаете ли Вы эту попытку? В теперешнем виде Ваши выводы представляют большую трудность как для усвоения, так в особенности для критических замечаний» [Шахматов, 2018. С. 757–758]¹.

Однако отдадим должное таланту А. А. Шахматова. Ему принадлежит плеяды важных работ, которые представляют большой интерес для ряда лингвистических направлений, прежде всего сравнительно-исторического языкознания (среди них «К истории сербско-хорватских ударений», 1888; «Историческая морфология русского языка», 1957; «Исследования в области русской фонетики: История звуков «о» и «е» в русском языке», 2015; «Учение о частях речи», 2006; «Сказание о призвании варягов: исследование», 2011 и др.).

Переписки А. А. Шахматова подтверждают хорошо известный факт о том, что Ф. Ф. Фортунатов, имея россыпь гениальных идей, публиковался сравнительно редко, по каковой причине не мог претендовать на всемирное признание. Вот что писал А. А. Шахматов Ф. Фортунатову 07.05.1894: «Что бы сказал Соссюр, если бы знал Вас лично, а не по одним малочисленным Вашим статьям! В сущности, например, о литовском ударении у Вас ничего нет напечатанного. Мне приятно, когда иностранцы путем кропотливых и глубокомысленных исследований, которые должны увековечить их научную славу, приходят к тому, к чему Вы уже давно пришли. А скоро то же будет с русскими с тою лишь разницей, что постоянно возможно будет подозрение в пользовании Вашиими лекциями или словесными указаниями» [Шахматов, 2018. С. 88].

Именно из переписок А. А. Шахматова мы узнаем о том, что у истоков реформы русского правописания стоял Ф. Ф. Фортунатов. Данная реформа часто отождествляется с именем А. А. Шахматова, вложившего немало сил в это предприятие. Однако вот что пишет сам А. А. Шахматов в письме О. Броку от 26.05.2017: «Нам пришлось на днях довершить дело, начатое Филиппом Федоровичем (Фортунатовым. – А. П.) – реформу правописания. Горячо взялось министерство народного просвещения...» [Шахматов, Брок, 2021]. На протяжении нескольких лет А. А. Шахматов с группой единомышленников и при государственной поддержке трудился над реформой правописания, но, как мы понимаем из приведенной выше цитаты, всей этой реформы могло и не состояться, если бы не гений Ф. Ф. Фортунатова. Работа над данным проектом была завершена очень своевременно – всего за несколько месяцев до октябряского переворота, ввергшего страну в нищету и поставившего всех – в том числе ученых – на грань выживания. Испытаний большевизмом А. А. Шахматов не перенес и скончался в 1920 г. в результате сильно пошатнувшегося здоровья после пары голодных лет и холодных зим².

Научное наследие А. А. Шахматова исследовано достаточно тщательно. Приведем одну цитату: «Шахматов оставил заметный след в истории отечественной лингвистики: его работы по проблемам происхождения русского языка, развития русского литературного языка, по изучению русских диалектов на широком славянском фоне, по синтаксису современного русского языка до сих пор актуальны, самобытны и оригинальны и свидетельствуют о богатой интуиции ученого, об уникальном его методологическом подходе – исторический принцип тесно переплетался в его исследованиях с психологическим подходом. Шахматов остался и един-

¹ Показательно, что в конце письма В. М. Истрин посчитал необходимым принести извинения за критику: «Вы простите меня за резкость» [Там же. С. 758].

² Трагическая судьба семьи Шахматовых заключается еще и в том, что вдова и все три дочери А. А. Шахматова погибли в 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде.

ственным в истории отечественной лексикографии создателем концепции словаря-тезауруса русского языка: словаря, в который должны были быть помещены все слова русского языка, употребленные хотя бы раз в русском языке за всю историю его существования» [Вовина-Лебедева, Сиренов, 2015. С. 5].

Итак, в данной статье научная деятельность А. А. Шахматова будет рассмотрена опосредованно. Немалый интерес представляет то эпистолярное наследие, которое оставил этот учёный и которое спустя столетие было опубликовано и стало доступно для анализа. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение речевого этикета, характерного для научной интеллигенции того периода – периода во всех смыслах революционного, периода перехода от авторитарной власти самодержавной Российской Империи к не менее (если не более) авторитарной власти Советского Союза, которая базировалась на другом принципе – однопартийности политической системы, воплощавшей диктатуру пролетариата. Этот этикет со всей очевидностью отличается от принятого в повсеместно распространившейся электронной переписке, ставшей отличительной особенностью обмена информацией в первой половине XXI в.

Наше исследование будет основано на двух изданиях переписок А. А. Шахматова со своими коллегами [Шахматов, 2018; Шахматов, Брок, 2021]. Изучению подлежат все письма, вошедшие в эти издания, за исключением писем О. Брока, которого чисто технически невозможно отнести к представителям русской научной интеллигенции, как заявлено в названии статьи.

Переписки русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. можно разделить на три основные сферы: а) обсуждение вопросов личной жизни; 2) обсуждение научных и педагогических вопросов; 3) обсуждение общественно-политических вопросов.

Взяв за основу три этих пункта, мы рассмотрим особенности переписки того времени на основе стилистического анализа. Это возможно постольку, поскольку тексты исследуемых писем опубликованы по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей оригиналов [Вовина-Лебедева, 2018. С. 26]. Кроме того, чтение переписки наших предшественников позволяет судить о том, как они жили, к чему стремились и как оценивали происходящее вокруг. Некоторые из этих оценок представляются нам столь важными, что мы считаем необходимым как минимум обратить на них внимание. Однако сначала расскажем о стандартной структуре исследованных нами писем.

Структура исследуемых писем

Нашему рассмотрению подверглись переписки А. А. Шахматова с О. Броком, Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным, а также переписка Ф. Ф. Фортунатова с О. Броком.

Важно отметить, что при написании писем все учёные придерживались схожей структуры письма, хотя встречались и разночтения.

Во-первых, факультативным являлось указание на место написания письма. Некоторые адресанты четко обозначали город написания или даже точный адрес, другие полностью игнорировали. Во-вторых, предпочтительным являлось обозначение даты написания письма, однако иногда дата не ставилась. Чаще всего отсутствие даты наблюдаем у В. М. Истрина, что впоследствии составило сложности для исследователей, так как датировка писем имеет важное значение для понимания содержания переписки. Вот что пишет одна из составительниц издания о переписках А. А. Шахматова относительно того, какая работа была проделана для датировки недатированных писем В. М. Истрина А. А. Шахматову: «Некоторые недатированные письма В. М. Истрина оказалось возможным датировать именно по ответным письмам А. А. Шахматова, который всегда ставил даты. В противном случае дату иногда можно было восстановить по контексту, а иногда – по событиям, упоминаемым в письмах, например, по упоминанию дат «по старому стилю», названию Петербурга Петроградом и пр. А. Е. Жуков обратил внимание на то, что в письмах революционных лет приводятся цены на продукты,

поэтому у него получилось расставить письма в хронологическом порядке по возрастанию цен...» [Там же. С. 24]. Как известно, в период 1917–1919 гг. цены на продукты в России неуклонно росли.

Вне зависимости от того, ставились место и дата написания письма или нет, письмо следовало начать с обращения адресату. Этому правилу все авторы писем следовали неукоснительно, причем, как правило, это обращение было подчеркнуто уважительным. Приведем примеры:

«Многоуважаемый Олаф Иванович!» [Шахматов, Брок, 2021. С. 155]. Так обычно А. А. Шахматов начинал свои письма к О. Броку. Отца О. Брука звали Johan, и в то время считалось естественным русифицировать отчество. Встречались и другие варианты приветствия: «Многоуважаемый и дорогой Олаф Иванович!» [Там же. С. 219]. Так начиналось письмо Ф. Ф. Фортунатова О. Броку от 22.12.1909. Или более простой вариант: «Дорогой Алексей Александрович!» [Шахматов, 2018. С. 290]. Так Ф. Ф. Фортунатов написал А. А. Шахматову в письме от 01.12.1901.

За приветствием всегда следует основной текст письма. Это может быть как один абзац, так и достаточно развернутый текст в зависимости от замысла автора. Общей чертой всех исследованных текстов является почеркнутая вежливость. Обращение к адресату допускалось исключительно на «Вы», причем непременно с большой буквы. Также обращает на себя внимание практически полное отсутствие бранной лексики. Даже при описании катастрофических событий представители научной интеллигенции того времени считали необходимым придерживаться правил речевого этикета, по крайней мере такова картина в эпистолярном жанре. Исключения редки. Для иллюстрации приведем письмо В. М. Истрина А. А. Шахматову, написанное в тот период, когда терпение уже было на пределе: «Где Перетц и Кондаков? Вы сообщаете, что заболел Лаппо-Данилевский. Не сомневайтесь, что мы все переболеем и раньше времени помрем... все во славу советской власти, будь она проклята» [Там же. С. 848]. Да и здесь бранная лексика выглядит весьма невинно.

Подчеркнуто вежливое общение рассматривалось как само собой разумеющееся. Вот что писал В. Н. Перетц А. А. Шахматову 11.08.1907, напоминая о причитающемся ему гонораре за статью:

«Извините, что бесцеремонно прошу Вас о деньгах, за лето зело поиздергался. Мне кое-что следует из «Известий» за «Новые данные для истории украинской лирики». Оттиски я получил еще в июне...

Еще раз простите, что так бесцеремонно обращаюсь к Вам, но я предпочитаю прямо адресоваться с просьбою, чем ждать, когда вспомнят» [Там же. С. 848].

Кроме того, нормой было извиняться за задержку с ответом на письмо, например: «Не браните меня за то, что задержался с ответом» [Шахматов, Брок, 2021. С. 247]. Так значится в письме от 18.03.1912.

Далее обратим внимание на концовку. В случаях, когда участникам переписки были знакомы члены семьи друг друга, правилом хорошего тона считалось в заключительной части письма передать им или от них поклон либо привет (в конце XIX в. предпочитали передавать поклон, а в начале XX в. в моду стал входить привет). Вот примеры из писем А. А. Шахматова О. Броку. 28.06.1901 он писал: «Жена и все Ваши старые знакомые просят Вам поклониться» [Шахматов, Брок, 2021. С. 125]. 26.04.1911: «Жена и я шлем поклоны» [Там же. С. 236]. 06.12.1896: «Поклон от жены и меня Вам и Вашей супруге» [Там же. С. 85]. Вот пример из письма В. Н. Истрина А. А. Шахматову: «Кланяйтесь Наталье Александровне» [Шахматов, 2018. С. 855]. Однако возможны и другие варианты прощания: «Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку» [Шахматов, Брок, 2021. С. 226].

Как мы уже отмечали, в XX в. начали передавать приветы. Так, 11.08.1907 В. Н. Перетц написал А. А. Шахматову следующее: «Привет многоуважаемой Наталье Александровне» [Шахматов, 2018. С. 502], имея в виду жену А. А. Шахматова. Такой оборот все-таки являлся, скорее, исключением из правил. Вместе с тем можно было обойтись совсем без поклонов

и приветов, как это сделал В. Н. Истрин в письме А. А. Шахматову: «Жду от Вас ответа» [Там же. С. 757]. Была зафиксирована и такая концовка письма:

«Искренне предан.

В. Истрин» [Там же. С. 762].

Просто и без изысков.

Аналогичный пример: «Искренне преданный Вам И. Замотин» [Шахматов, Брок, 2021. С. 266].

В конце письма указывается имя автора письма, причем с точкой на конце. Далее возможно указание даты написания письма. Вот как это может выглядеть:

«Не забывайте преданного Вам

А. Шахматов.

3 августа 1896 г.» [Там же. С. 84].

Иногда указывается и адрес адресанта:

«Ваш А. Шахматов.

СПб. 6 декабря 1896.

Знаменская, Литовский переулок, 7» [Там же. С. 85].

Изредка адрес мог указываться в начале письма в правом верхнем углу:

«Петербург, Кабинетная 20, кв. 7

4 декабря» [Там же. С. 378].

Оборот «с уважением», принятый в современной переписке, на тот момент не использовался. Вместо него предпочитали следующие выражения. 25.10.1902: «Искренне Ваш А. Шахматов» [Там же. С. 156]. 25.11.1910: «Искренне преданный А. Шахматов» [Там же. С. 233]. 04.12.1902: «Душевно преданный Вам А. Фортунатов» [Там же. С. 379]. Обратим внимание на то, что всякий раз инициалы для личного отчества не указывались. Оптимальный формат подписи: инициал имени + фамилия полностью.

Как принято и сейчас, в редких случаях авторы писем использовали постскрипту. Вот пример из письма А. А. Шахматова О. Броку от 10.11.1902: «PS: Тетя и сестра на днях приехали сюда и поселились в нашей старой квартире» [Шахматов, Брок, 2021. С. 156]. Всякий раз использовалось именно латинское сокращение.

Теперь, когда мы разобрали структуру письма, уместно будет перейти к содержательной стороне исследуемых переписок, разделив их на различные темы общения. На конкретных примерах мы покажем, как ученых при обсуждении вопросов любого характера не покидала присущая им подчеркнутая вежливость и непременная сословная тактичность.

Обсуждение вопросов личного характера

Когда вопросы личного характера имеют ярко выраженный положительный контекст, подчеркнутая вежливость представляется вполне естественной, хотя, возможно, в наши дни степень вежливости в письме А. А. Шахматова О. Броку от 03.08.1896 современные стилисты могли бы признать чрезмерной: «Действительно мы уже вернулись в деревню после заграничной поездки. Неужели я не поблагодарил Вас за ложечки, которые мы получили накануне свадьбы? И я, и жена тронуты Вашим вниманием: не знаем, как и выразить Вам свое сожаление, что недостаточно времени во время путешествий помешало мне написать Вам несколько строк. Теперь все губаревские, то есть тетя Ольга Николаевна, обе сестры, жена и я поздравляем Вас со вступлением в брак и радуемся вместе с тем тому, что наконец Вы получили заслуженное. Теперь Вы в Норвегии наш представитель, не официальный, конечно, а нравственный» [Там же. С. 82–83]. При этом о личных достижениях говорится буднично – без какой-либо похвалы в свой адрес. Вот как 28.12.1898 А. А. Шахматов сообщил О. Броку о рождении сына: «Знаете ли, что в сентябре у меня родился сын в Губаревке. <...> Теперь я в полном смысле сделался

отцом семейства» [Там же. С. 101]. Последняя фраза объясняется тем, что ранее у А. А. Шахматова родилась дочь. Как видим, полноценным отцом семейства он стал считать себя только после рождения сына. Из этого заключаем, что сыновья имели более весомую ценность для родителей того времени, чем дочери.

Гораздо более эмфатические выражения были использованы 12.07.1902 А. А. Шахматовым по случаю визита О. Брука к нему в деревню. Это не значит, что заграничный друг ему дороже сына. Все дело в нормах речевого этикета того времени: «Все наши губаревские знакомые вспоминают о проведенных Вами у нас днях, как о прекрасном, полном интереса и нравственного удовлетворения времени. Мы все жалеем, что не убедили Вас подарить нам еще два-три дня. Быть может, зато такое свидание повторится» [Там же. С. 150]. Обратим внимание на использование слова «свидание» в значении «встреча». Опять же сопоставим с этим более нейтральное описание собственных успехов. Вот отрывок из письма от 25.10.1902: «Недавно в нашей жизни случилась большая перемена: мы переехали в казенную квартиру в здании Академии у Дворцового моста. Квартира прекрасная и обширная, в сущности, даже слишком роскошная для частного человека. Зато жена в полном наслаждении, и детям лучше. У меня теперь большой кабинет, и мне кажется, что я стал себя чувствовать здоровее» [Там же. С. 155].

Обсуждение негативных событий преподносится в подчеркнуто нейтральных тонах. В том же письме от 12.07.1902 А. А. Шахматов пишет О. Броку: «У нас наступили холода, но сухие, без дождя. Дня три как стоит теперь невыносимая жара. Овощи и подсолнечники истреблены какими-то невиданными червями, отродившимися от лугового мотылька, до сих пор не удостаивавшего нас своим посещением» [Там же. С. 150–151]. Характерно, что фраза «удостаивать своим посещением» употреблена применительно к насекомому-вредителю. Складывается впечатление, что столь активно рекламируемое в современной психологии «искусство пофигизма» [Manson, 2016; Дмитриева, 2021] было хорошо знакомо нашим предкам.

Вот еще один характерный пример из письма А. А. Шахматова О. Броку от 22.12.1909, где в одном абзаце в едином стиле повествуется о радостных и печальных событиях: «Мы с женой чрезвычайно тронуты Вашим вниманием. Нам было очень приятно полюбоваться Вашими детскими. Доставим Вам наших, как только они снимутся. Теперь они засели надолго дома: у них ветряная оспа» [Шахматов, Брок, 2021. С. 219]. Приведенный отрывок звучит несколько архаично с точки зрения построения предложений, однако не следует считать, будто все предложения того периода отличались подобной стилистикой. Вот отрывок из письма А. А. Шахматова, в котором никакой архаичности не прослеживается: «Вы спрашивали меня о Куприне: это несомненно талант, но, кажется, выдыхающийся. Его последние произведения мне не нравятся» [Там же. С. 220]. В то же время подчеркнем, что речевой этикет того периода предполагал снижение негативных коннотаций. Характерно письмо А. А. Шахматова О. Броку от 26.09.1914, в котором он сообщает о смерти Ф. Ф. Фортунатова. Очевидно, что для А. А. Шахматова это сильнейший удар, однако обратим внимание на появление слова «счастлив» в череде лексем с отрицательной коннотацией: «Сообщаю Вам тяжелое известие: скончался Филипп Федорович 2 сентября старого стиля в 2 часа утра от удара. <...> Был счастлив успеть к похоронам. <...> Чувствую себя подавленным обрушившимся несчастьем» [Там же. С. 278].

Еще более удивительным для современного читателя представляется следующий пассаж от 09.08.1917, когда А. А. Шахматов вначале сообщает О. Броку о том, что все хорошо, а потом пишет, как все плохо: «У нас было и продолжает быть очень хорошо. Только сильная засуха напомнила знакомый Вам 1891 год. Разница та, что земства нет, закупать хлеб некому, и мы перед опасностью острой нужды, голода. Деньги у населения есть, в даровом хлебе никто не нуждается; но купить негде» [Там же. С. 348]³.

³ Данный пассаж перекликается с современными нормами английской вежливости. Как известно, на вопрос «How are you?» в английском дискурсе принято отвечать утвердительно, даже если дела обстоят не очень хорошо [Fox, 2005. P. 44].

Следующее письмо А. А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову и его жене от 31.05.1890 непосвященные умы могли бы рассматривать как чрезмерно пафосное, однако для стиля того времени это было нормой: «Очень я о Вас и Юлии Ивановне соскучился, и, если бы была возможность, хоть на один день поехал к Вам, к тому же не имею совершенно никаких известий о Вас, кроме того, что Щепкин послал о Вашем переезде на дачу. Все время думаю о Вас, а последние две недели особенно, с тех пор как стал изучать Ваши лекции и пользоваться ими...» [Шахматов, 2018. С. 38–39]. Видимо, такой пафос – не только вопрос стилистики, но и более выраженная степень доверительности между учеником и научным руководителем по сравнению с нашим веком скоростей. Всякая деятельность была в большей степени увязана с обстоятельствами семейной жизни. Показателен ответ Ф. Ф. Фортунатова на это послание А. А. Шахматова, который датирован 08.06.1890: «Спасибо Вам за Ваше письмо. Как видите, я не слишком медлю с ответом, хотя должен признаться, что если бы не Юлия Ивановна, постоянно напоминающая мне о том, чтобы я не откладывал писем к Вам, то, пожалуй, по скверной привычке я оттянул бы мой ответ еще на некоторое время» [Там же. С. 39].

В биографии А. А. Шахматова есть любопытный эпизод, когда в начале 1890-х гг. он неожиданно для всех отказался от преподавательской и активной научной деятельности и принял должность земского начальника в родной ему Саратовской губернии. Попытки Ф. Ф. Фортунатова переубедить его успеха не имели. В свободное от основной работы время А. А. Шахматов занимался написанием диссертации, которая была успешно защищена в 1894 г. Прежде чем объявить Ф. Ф. Фортунатову о своей решимости остаться в должности земского начальника, А. А. Шахматов не мог не написать следующий текст (03.02.1891): «Дорогой Филипп Федорович! Ваше письмо таково, что душевно покоен я был бы лишь в том случае, если сейчас же телеграфировал Вам о том, что согласен на все, на всякие условия только для того, чтобы оправдать Ваши относительно меня надежды и заслужить преподаванием в Университете Ваше неоценимое ко мне расположение. <...> Одно слово такого человека, как Вы, значит для меня очень и очень много. Чувство любви и уважения к Вам – вот что постоянно сопровождало мои занятия наукой, постоянно оживляло их. Вы для меня не только руководитель и учитель: Вы воплощаете в себе ту самую науку, около которой сосредоточились все мои интересы и симпатии» [Там же. С. 46]. Но дальше А. А. Шахматов твердо сообщает, что хотя бы на год желает погрузиться в жизнь русского крестьянства, чтобы лучше понимать дух русской культуры и через него русский язык, который он исследует.

Когда дело дошло до защиты А. А. Шахматовым диссертации, для какового мероприятия тогда использовался термин «диспут», он в схожих выражениях просил Ф. Ф. Фортунатова стать его оппонентом. Вот отрывок из письма от 06.02.1894: «Мне писал Александровский, что мои оппонентом может быть Миллер, который еще собирается готовиться к диспуту. Меня ужасно огорчает мысль, что Вы отказываетесь принять в диспуте моем участие: я Ваш и только Ваш ученик, а Вы будто этого не признаете» [Там же. С. 77].

Обсуждение научных и педагогических вопросов

Начнем описание обсуждения научных и педагогических вопросов с примера вынужденного отказа А. А. Шахматова О. Броку в публикации его статьи. 06.12.1896: «Мне очень грустно ответить Вам по поводу Вашей статьи, что, пожалуй, ее можно было бы печатать и теперь, если бы она была обработана по языку. Но, к сожалению, Вы больше обратили внимания на глубину содержания, чем на внешнее изложение...» [Шахматов, Брок, 2021. С. 84]. Такая форма отказа кардинально отличается от стандартных форм отказа, получивших распространение в XXI в. А вот пример рекомендации получить финансовую поддержку для публикации статьи. Письмо от 12.03.1897 между теми же корреспондентами: «У Вас появилась очень хорошая новость: представьте Ваши обе статьи по малорусскому на конкурс. Напишите заявление непременному

секретарю Императорской Академии Наук о том, что Вы имеете честь представить такое сочинение на соискание премии графа Д. А. Толстого по II Отделению Русского языка и словесности» [Там же. С. 90]. Здесь обращают на себя внимание несколько необычное для современного языка употребление слова «новость» в значении «возможность» и предложение адресату написать о том, что он «имеет честь» представить статью. Для читателя XXI в. такой оборот выглядит достаточно непривычно. Еще один пример архаичного оборота из письма В. Н. Перетца А. А. Шахматову от 28.11.1899: «...апатия какая-то напала и работа нейдет» [Шахматов, 2018. С. 417].

Подчеркнутая вежливость отличает письма делового характера в той же степени, что и личную переписку. 16.08.1911 Ф. Ф. Фортунатов писал А. А. Шахматову: «Много благодарю Вас за Ваши письма и присылку оттиска Вашей статьи; правда, половину ее я читал в Известиях Академии» [Там же. С. 391]. Показателен оборот «много благодарю», не характерный для современного русского языка. Процитируем похожий текст, написанный 20.11.1897 В. Н. Перетцем А. А. Шахматову: «Только сегодня, зайдя в библиотеку, я получил оттиски Ваших статей, любезно Вами оставленные для меня. Искренне благодарен Вам за них» [Там же. С. 413].

В письме А. А. Шахматова О. Броку от 28.09.1897 мы обнаруживаем, что для исследуемого периода было недостаточно просто написать о собственных успехах – необходимо было по возможности выразить признательность адресату: «При Вашей поддержке я давно уже получил благодарность. В последнее время я занят литературными вопросами, а именно исследованием о происхождении наших летописей. Но все живее чувствую потребность начать большой труд по истории языка» [Там же. С. 95].

Следующее письмо А. А. Шахматова О. Броку от 28.12.1898 показывает, что чрезмерные извинения за, например, задержку с ответом, считались в то время нормой: «Благодарю Вас за Ваше письмо и прошу извинить меня за то, что так неаккуратен с прочим. Но, между прочим, тут замечается и то чувство неловкости, которое я все время чувствую, пока не была, наконец, напечатана Ваша статья» [Там же. С. 101]. В данном случае можно предъявить автору претензию к тавтологии, однако она только подчеркивает естественность и аутентичность текста. Сравним с тем, что А. А. Шахматов пишет О. Броку по поводу другой его статьи в письме от 25.12.1902: «Давно я Вам не писал и даже еще не поблагодарил за присылку прекраснейшей работы по сербскому языку. Прочитал ее с наслаждением» [Там же. С. 155]. Использование превосходной степени выглядит для эпистолярного жанра рубежа XIX–XX вв. обыденным явлением. Извиняться за задержку с ответом было свойственно не только А. А. Шахматову. Судя по всему, это была именно норма эпистолярного жанра. В письме О. Броку от 04.12.1902 Ф. Ф. Фортунатов счел нужным не просто принести извинения, но и объяснить причину своей занятости: «Простите, что до сих пор не писал Вам, но после праздника, неожиданно для меня устроенном мне моими учениками, я растерялся и долго не мог справиться с непривычным для меня делом, а именно я должен был написать несколько десятков писем» [Там же. С. 379].

Образ совести играл важное место в мировидении русской научной интеллигенции того времени. 21.08.1908 В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову с просьбой содействовать его переходу на работу в Санкт-Петербургский университет, закончив письмо следующим образом: «Итак, повторяю: если была бы возможность и – не против Вашей совести – я просил бы Вас напомнить обо мне моим наставникам и товарищам по Университету» [Шахматов, 2018. С. 467]. Также обращает на себя внимание использование условного наклонения при оформлении просьбы.

Приводимый далее отрывок из письма А. А. Шахматова О. Броку от 27.03.1905 [Шахматов, Брок, 2021. С. 175–176] нам интересен тем, что предлог «благодаря» использован в том контексте, в котором в современной письменной речи следует применять предлог «из-за»: «Рукопись Вашу получил, но мне даже совестно теперь, что торопил Вас (больше, впрочем, мысленно). У нас все пошло так ненормально, что не могу представить, когда типография примется за набор Вашей статьи. В ней лежит ряд срочных работ, все идет неаккуратно, бла-

годаря, главным образом, волнениям среди рабочих, неожиданным забастовкам, предъявлению непомерных требований и т. д.» А. А. Шахматов продолжает эти рассуждения выводом, который весьма характерен для любых революционных потрясений: «Жизненная волна захватила и нас, стоявших всегда вдалеке, в стороне от жизни. Она потребовала от нас новых работ и, конечно, мы делаем все, что возможно. Недавно мы составили обширную записку о правах малорусского языка, где решительно настаиваем на его уравнении с великорусским. <...> Совершенно не успеваю работать на себя. Даже в эгоистических интересах наших – это скорейшее возвращение законности и твердого порядка, иначе мы пропадем в борьбе и растратим понапрасну силы» [Там же].

О проблемах с типографией А. А. Шахматов упоминал достаточно часто. Вот что он писал О. Броку 27.07.1910 – в период относительного затишья всяких общественных волнений – по поводу задержки выхода из печати статьи последнего: «Типографию не очень вините. Виноваты те сотни тысяч заказов, с которыми ей приходит иметь дело и которые рвут ее на части. Подумайте! Типография изготавливает казенных заказов 2500 листов в год. Кроме того, есть и частные заказы. Но, конечно, мы все страдаем» [Там же. С. 226]. В XXI в. слово «казенный» стало низкочастотным, тогда как на рубеже XIX–XX вв. оно было достаточно употребительным. Также укажем на необычную форму глагола «приходит», каковую в приведенном контексте любой современный корректор не задумываясь исправил бы на «приходится».

Ожидаемо научные вопросы переплетались и с общей обстановкой в стране, и с педагогической работой. Вот что писал А. А. Шахматов О. Броку 31.10.1908: «Сегодня была моя вступительная лекция в Университете. Именно это обстоятельство, точнее, напряженная подготовка к курсу, заставила меня изучить Вашу последнюю работу. Честь Вам и слава за нее. И вместе с тем я живо сознал всю необходимость иметь **вторую часть** Вашего исследования для русской науки. Прошу Вас займитесь ей. Труды Ваши будут вознаграждены. Фортунатов и я, мы решительно заявляем, что Вы получите соответствующий гонорар (32 рубля за лист). Чем скорее пришлете свою работу, тем лучше. Буду ждать ее с сильным нетерпением» [Там же. С. 206]. Здесь хочется обратить внимание на оборот «честь и слава»: в XXI в. сказали бы «честь и хвала». Интересно и употребление глагола «сознал», тогда как в современном языке более естественным для данного контекста представляется глагол «осознал».

Здесь же приведем пример, приближающийся к нормам деловой переписки. 05.05.1913 И. И. Замотин писал О. Броку: «С большим удовольствием исполню Ваше желание и сейчас посылаю еще два экземпляра книги о Достоевском. Прошу Вас этот экземпляр переслать по адресу от меня в дар в знак уважения к норвежскому переводчику сочинений Достоевского...» [Там же. С. 266].

Из следующего отрывка мы можем понять, что нападки на ученых были распространены в России и в «докоммунистический» период. Вот что пишет А. А. Шахматов О. Броку 02.04.1914 (заметим, все в том же нейтральном стиле): «Тревожит меня атака националистов и черносотенцев на Академию. Нас обвиняют в «мазепинстве». Вы, конечно, можете без моих оправданий понять, что обвинение это нелепо. Вместе с оттисками посвященной Вам статьи (оттиски еще не получены) пошлю Вам мою статью на украинском языке. Из нее Вы увидите, можно ли причислять меня к мазепинцам.

Готовлю научно-критическое издание *Несторовой летописи* и временно отошел от лингвистических занятий.

Слышали ли Вы, что Бодуэна приговорили к тюрьме на два года за брошюру политического содержания?» [Там же. С. 273].

Напомним, что в то время «мазепинством» именовалось украинское национальное движение. Данный термин активно использовался властями Российской империи для обозначения сторонников украинского сепаратизма, каковой рассматривался как крайне нежелательное явление.

Обвинениям в «мазепинстве» подвергался и В. Н. Перетц. В его случае проявляются индивидуальные различия в использовании речевого этикета. Тогда как для А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова бранная лексика была недопустимой при написании писем, В. Н. Перетц (правда, находясь в крайне дурном расположении духа в связи с несправедливыми обвинениями) считал возможным называть своих недругов гадами. Вот отрывок из его письма А. А. Шахматову от 15.04.1914: «Посылаю Вам вырезку из «Киевлянина». Из нее усмотрите, в каком соусе мы живем. В хулиганском «Киеве» – там еще проще: всех выгнать, а кого – поименовано полностью, без церемоний. Моя же фамилия снабжена еще и красноречивым добавлением «еврейского происхождения», сугубо подчеркивающим мою якобы вредоносность! Положительно люди сошли с ума – или заврались до истерики! А как Вам нравится г. Яворский? Этого гада долгое время питала Академия наук и, может быть, впредь будет питать... по Вашему мягкоксердечию и терпимости» [Шахматов 2018. С. 571]. Цитированное письмо сопровождалось газетами, которые В. Н. Перетц послал А. А. Шахматову для ознакомления. Негодование автора выражается не только бранным словом «гад», но также красноречивой пунктуацией – восклицательными знаками и многоточиями. Здесь же выделим архаичный глагол «усмотрите», который в наше время посчитали бы стилистической ошибкой.

Следует заметить, что в итоге для В. Н. Перетца все закончилось удачно: несмотря на оголтелую критику, он был избран ординарным академиком Академии наук. Получив известие об этом, 26.04.1914 он написал А. А. Шахматову: «Трудно себе представить, какое бремя свалилось с моей души. Я мучился сомнениями ужасно. И всего отвратительнее было злорадство черной сотни, которая уже торжествовала. Какие злобные людишки. Всем я обязан Вам. <...> Вы выручили в беде и за это вечное спасибо» [Там же. С. 575]. Как видим, А. А. Шахматов благоволил В. Н. Перетцу и поддерживал его. Последний в своих письмах использовал соответствующую лексику для того, чтобы подчеркнуть свою благодарность. Однако рядом встречаем словосочетание «злобные людишки» по отношению к тем, кто организовал на него гонения.

Следующие два отрывка свидетельствуют о том, что научно-лингвистическая интеллигенция того времени жила небогато, и многие были вынуждены считать каждый рубль для поддержания достойного образа жизни. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову 25.01.1902: «Если возможно ассигновать 800–900 руб. из остатков будущего года с уплатой за работу в феврале 1903 г. – то лучшего я и желать не смею» [Там же. С. 426]. Оборот «желать не смею» обращает на себя особое внимание своей архаичностью. Следующий пример еще более красноречив. В письме тех же корреспондентов от 26.04.1904 В. Н. Перетц пишет по поводу командировочных, которые было решено выделить участникам съезда, в котором он планировал участвовать: «Не скрою, первая бумага вызвала очень грустные ламентации, особенно со стороны некоторых членов, но долженная сегодня оживила упавший дух и обрадовала всех приглашенных, ибо дала возможность ехать делегатами и получить командировочные. Смешно, но провинциальному профессору трудно при обычном гонораре собрать 100–150 руб. на поездку, не лишая семьи необходимого. О себе – и говорить не приходится» [Там же. С. 437]. Интересен употребленный В. Н. Перетцем оксюморон в форме эвфемизма «ламентации», который не характерен для современного дискурса, однако еще больший интерес представляет тот факт, что большинство представителей научной интеллигентии дореволюционного периода жили от зарплаты до зарплаты. Абсолютно прав П. И. Смирнов [2020], обнаруживающий между царской Россией и Советским Союзом гораздо больше сходств, чем различий. В данном случае речь о том, что и в царское время, и в советское научная интеллигентия за редким исключением не могла рассчитывать на высокие официальные доходы.

Что касается событий положительного характера, то о них допустимо было отчитываться в превосходных тонах: «Я очень счастлив, что Вы теперь член нашей Академии. Это давнишний долг наш, представителей русской науки, перед Вами. Избрание Ваше встречено большим сочувствием в разных ученых кругах. Для Вас такое избрание имеет ту выгоду, что Вы получаете право получать все наши издания. При требовании считайтесь только с трудностью пе-

ресылки и с нелепым распоряжением, воспрещающим вообще всякую пересылку книг за границу. Нельзя ли доставлять Вам книги через норвежское посольство?» [Шахматов, Брок, 2021. С. 342]. Написанное 24.01.1917, это письмо является ярким примером того, как тактично реагирует А. А. Шахматов на ситуацию, когда в ситуации предреволюционного кризиса и войны государственное управление стало демонстрировать свои худшие стороны.

После октябрьского переворота 1917 г. жизнь стала совсем сложной, но в своих письмах А. А. Шахматов по-прежнему не демонстрирует уныния: «Несмотря, однако, на нашу тяжелую действительность, у меня, как и многих, сильная жажда к работе. Усиленно занимаюсь синтаксисом и, ввиду накапливающегося материала, начинаю мечтать об историческом очерке синтаксиса. Читаю соответствующий курс в университете. Над университетом висят грозные тучи» [Там же. С. 357].

Из всего сказанного не следует, что абсолютно все обороты были выдержаны в подчеркнуто вежливой либо оптимистичной форме. В ходе обсуждения чисто научных вопросов можно было обходиться без излишних эпитетов. В частности, вот что писал Ф. Ф. Фортунатов О. Броку 02.04.1893: «Я не совсем понял, что именно Вы называете «резким» ударением в русском языке; точно так же и Корш не понимает этого. Разъясните мне это, пожалуйста» [Там же. С. 368]. В данном случае кроме слова «пожалуйста» других вежливых оборотов не обнаруживается, что также является вариантом нормы для эпистолярного жанра того времени. Однако здесь мы уже можем говорить об индивидуальном стиле автора. А. А. Шахматов в письме Ф. Ф. Фортунатову от 12.09.1882 счел необходимым, предваряя разбор форм существительных в различных евангелиях, проявить максимальную тактичность: «Спешу исполнить Ваши поручения...» [Шахматов, 2018. С. 31].

Обсуждение вопросов общественно-политического характера

Последние годы жизни А. А. Шахматова пришлись на период великой нестабильности российского государства, когда за провальной русско-японской войной последовала революция 1905 г., а через несколько лет началась Первая мировая война, за которой последовал октябрьский переворот 1917 г. и большевистский террор. Все эти события активно обсуждались в переписках русской научной интеллигенции того времени, из которых мы видим, что они принимали происходящие события близко к сердцу. Тем не менее даже при всех этих удручающих обстоятельствах выработанные традиции речевого этикета авторами сохранялись.

Вот отрывок письма А. А. Шахматова О. Броку от 27.03.1905: «Как все мрачно, как пока мало надежды на мирное разрешение всей необъятной смути! А наши дела на востоке, Мукден и Порт-Артур! Многие мечтают о победе, а я – только о мире! Победа заведет нас в Манчжурию, пожалуй, в Корею и даже в самый Китай: мы будем расти и своим ростом, потребностью роста оправдывать всякие внутренние безобразия» [Шахматов, Брок, 2021. С. 176]. Как мы видим, максимум, что позволил себе автор данного текста, – это поставить восклицательные знаки. Никакой бранной лексики или оскорблений не обнаруживается. Это яркая особенность индивидуального стиля А. А. Шахматова.

Из письма А. А. Шахматова В. М. Истрину от 25.02.1914 мы узнаем, что выезд за границу законным способом в царской России был не проще, чем при советской власти: «Вы пишете, между прочим, о возне с паспортом. Никакой возни Вам бы не было, если бы Вы обратились в Правление Академии, ибо для поездки за границу Вы должны получить разрешение от министра, а разрешение испрашивается Правлением» [Шахматов 2018. С. 840].

Приведем другой яркий пример. В. Н. Перетц по поводу действий царского правительства в начале Первой мировой войны писал следующее А. А. Шахматову 17.10.1914: «Какой результат имела агитация «Нового времени»! Выселяют немцев – стариков, женщин, младенцев! Сейчас узнал, что выселяют одно семейство, где живет в качестве квартирантки моя ученица

В. П. Адрианова, и она потерпит в чужом пиру похмелье – останется без крова да еще и с **кучей книг**… Это тоже малое удовольствие. Выселяют сорок лет жившего в России булочника в нашем дому, старуху бонну… до нелепости все это невероятно ненужно… <…> А те, кому следовало бодрствовать, сторожить берега – опять проспали неприятельский флот. Да существует ли в Черном море флот? Не раскрыли ли его?» [Там же. С. 588]. Снова мы видим восклицательные знаки и многоточия для выражения своего негодования.

Военное время обрушило на научную интеллигенцию России новые, неожиданные для них хлопоты. В письме от 25.04.1916 А. А. Шахматов пытается узнать о судьбе одного из пропавших на фронте русских солдат. Здесь интересно, что в письме упоминается «чин военно-пленного» (именно так – через дефис). В XXI в. лексемы «чин» и «военнопленный» никак не могут сочетаться: «Поржезинский просит через меня Ягича узнать о судьбе прапорщика 281-го Новомосковского полка Сергея Николаевича Горбова, который пропал без вести 31-го мая 1915 года (старого стиля). Вопрос, значит, в том, значится ли Горбов в чине военно-пленного (авторская орфография сохранена. – А. П.) в Австрии» [Шахматов, Брок, 2021. С. 326].

Из письма В. Н. Перетца А. А. Шахматову от 25.12.1914 мы узнаем об абсурдных гонениях на проживающих в России немцев⁴ и о его возмущении такими действиями. Опять же для выражения этого возмущения используются исключительно восклицательные знаки: «Сообщаю дополнительно, что я узнал сейчас от двоюродного брата профессора Кнауэра: вчера у него произвели обыск, и хоть ничего компрометирующего не нашли, сделали опись его книгам и рукописям (воображаю, что пристав и К° поняли в его санскритских рукописях!) и вчера же взяли под арест» [Шахматов, 2018. С. 597]. Любопытно, что после неудач на фронтах Первой мировой царский режим стал искать новых врагов внутри страны, свидетельством чему следующие строки от 03.01.1915: «Новый год дал нам еще новые доказательства несовершенства человеческой природы, выражаясь деликатно. «Літературно-наковий Вестнік» – единственный «толстый» украинский журнал закрыт за «фонетику», ибо другого ничего не было» [Там же. С. 603]. В последнем случае мы видим, что, несмотря на все свое возмущение, В. Н. Перетц использует эвфемизм «несовершенство человеческой природы» для смягчения эмфатичности высказывания. Опять же, необходимо констатировать подчеркнутое стремление к вежливости.

В то же время из откровений того же В. Н. Перетца мы узнаем, что далеко не все представители русской элиты придерживались вежливого стиля в общении. В письме от 07.01.1915 мы узнаем о нелицеприятной беседе автора с губернатором Петрограда. В. Н. Перетц заключает: «К сказанному выше добавлю, что все, что он отвечал мне, было произнесено в столь грубом тоне, что трудно передать» [Там же. С. 603]. Из этого можно заключить, что подчеркнутая вежливость была свойственна преимущественно представителям научной интеллигенции, но не представителям других слоев населения, в том числе и не представителям власти. Заметим, это еще дореволюционная Россия.

В письме В. Н. Перетца от 02.01.1916 обнаруживаем россыпь архаичных выражений: «Я крепко «сел в бест» и, вероятно, выйду из заточения не ранее 8-го или 9-го, и то, если полегчает мороз. Схватил вторично инфлюэнцу на торжественном заседании: повредило непривычное декольте (сиречь фрак)» [Там же. С. 625]. Интересно, что выражение «сесть в бест», означавшее в те времена «залечь на дно», сейчас стало использоваться в интернет-сленге в значении «взяться за что-то увлекательное». Мы видим, что значение выражения кардинально изменилось. Слова «инфлюэнца» и «сиречь» ушли из повседневного употребления.

Депрессивные настроения русской научной интеллигенции в послереволюционный период четко прослеживаются в письме В. М. Истрина А. А. Шахматову от 26.07.2018 (по новому стилю), написанному в связи с расстрелом Николая II: «Несчастная судьба России была связана с личностью Николая; не посмотрит ли теперь судьба на его печальную гибель как на ис-

⁴ Справедливости ради заметим, что гонения были отмечены и в других странах, вступивших в войну с Германией.

купление; и не настанет ли теперь поворот на лучшее? Ведь нам нужно немногое: порядок и спокойствие, чего при большевиках никогда не будет» [Там же. С. 840]. Для обозначения новой власти В. М. Истрин также использовал слово «товарищи», закавычивая его, чтобы было понятно, о каких «товарищах» идет речь. Вот отрывок из его письма А. А. Шахматову от 01.07.1918: «Мы живем пока сносно. Вот уже два месяца не выдают у нас никакого продовольствия, и мы живем только благодаря мешочникам. Мы лично могли кое-что купить: муки и круп, так что если не отберут «товарищи», то до сентября просуществуем. Однако каждую неделю приходится взвешивать запасы и проверять, сколько съели и сколько осталось» [Там же. С. 838]. Еще более жуткое свидетельство эпохи обнаруживаем в другом письме В. М. Истриня А. А. Шахматову, написанном 13.04.1919 из Серпухова: «Пасха у нас унылая; ничего нет: ни муки, ни мяса, ни яиц. Рабочие у нас волнуются, но их беспощадно расстреливают» [Там же. С. 853]. Однако сразу после этого пассажа идут традиционные поздравления с праздником. О должном этикете представители русской научной интеллигенции не забывали даже в самые трудные минуты.

А. А. Шахматов в свою очередь ярко описывает в письме В. Н. Перетцу от 09.02.1919 те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться с приходом новой власти: «Положение здесь очень тяжелое. Завтра хороним Лаппо-Данилевского. Серьезно захворали Латышев и Рыкачев. Вы правы, что здесь прямо-таки опасно для жизни. Работа идет, конечно, нескоро. Все не находим времени из-за хозяйственных забот. Прислуги у нас нет, и мы только теперь, думаю, понимаем, какую сильную обузу с нас снимали «культурные» условия прошлого времени» [Там же. С. 681]. Здесь точно подмечено, что постоянный физический труд не способствует научному прогрессу. Кто-то в обществе должен выполнять хозяйственные работы, а кто-то – двигать вперед развитие научной мысли. Совмещать и то, и другое проблематично.

Заключение

Стилистический анализ переписки русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв., дополненный тематическим анализом, показал высокую степень вежливости, являющуюся отличительной чертой эпистолярного жанра того времени. Помимо многочисленных шаблонных лексических оборотов, предполагающих подчеркнуто вежливое отношение к адресату, авторы писем склонны демонстрировать подчеркнутый оптимизм даже в тех случаях, когда ситуация выглядит удручающей. Негативные эмоции выражаются значительно реже, чем позитивные. В случае необходимости для выражения своего возмущения, негодования и т. п. авторы пользуются соответствующей пунктуацией – восклицательными знаками и многоточиями.

К проблеме вежливости/невежливости часто обращаются как в кросскультурных, так и в монокультурных исследованиях [Колар, 2024; Ларина, Харлова, 2015; Муравьев, Ольшевская, 2019; Россихина, Икатова, 2022; Соловьева, 2019]. В данной статье мы затронули этот аспект на монокультурном материале.

При этом не следует игнорировать и индивидуальный стиль авторов. Бранная и оскорбительная лексика практически отсутствует в письмах, но в исключительных случаях (в состоянии повышенной эмоциональной напряженности) некоторые адресанты допускают для себя использование таковой, что, однако, является редким исключением.

Ожидаемо в письмах тех лет мы обнаруживаем большое количество архаичных для сегодняшнего эпистолярного жанра слов и речевых оборотов. Поступательная эволюция языка предполагает его изменение, которое на отрезке в 100 лет становится уже достаточно заметным.

В данной статье мы также не могли пройти мимо тех событий, участниками и свидетелями которых были авторы переписки. Из писем русской научной интеллигенции мы узнаем не только о том, какие собственно научные вопросы их занимали и как продвигался их творческий поиск, но и об их бытовых проблемах и сложностях, удачах и успехах. В переписках

обсуждаются как особенности быта того времени, так и отношение авторов писем к текущим событиям.

В частности, проанализированные письма опровергают досужие суждения о том, будто в царской России жизнь была на высоком уровне, но вдруг нагрянувшие революции ввергли страну в нищету. Переписка показывает, в частности, что даже привилегированные представители научной интеллигенции столичных городов не могли представить, что долгожданные перемены окажутся столь негативными, что многим они будут стоить жизни, в том числе и некоторым авторам исследованных нами переписок.

Нацеленная на научный поиск жизнь интеллектуальной элиты закономерно переросла в работу о собственном выживании.

Все это время они – как могли – стремились сохранить свое достоинство, что ясно прослеживается в их текстах по нормам речевого этикета, которых было принято неукоснительно придерживаться в научных кругах. С русской научной интеллигенцией рубежа XIX–XX вв. ушла в прошлое эпоха высокого эпистолярного жанра. Если когда-то будет опубликована деловая переписка автора данной статьи, то она будет иметь жалкий вид по сравнению с тем слогом и тактом, который демонстрировали А. А. Шахматов и его коллеги.

Список литературы

- Вовина-Лебедева В. Г.** А. А. Шахматов и его избранная переписка // Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 11–26. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным.
- Вовина-Лебедева В. Г., Сиренов А. В.** Предисловие // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого; отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 3–5.
- Дмитриева О. А.** Пофигизм в современной русской лингвокультуре (по данным национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) // Языковые образы: Лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сб. науч. тр. по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра филол. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко; ред. кол.: Алефиренко Н. Ф. и др. Белгород, 2021. С. 64–70.
- Ларина Т. В., Харлова М. Л.** Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 2. С. 5–16.
- Муравьев Н. А., Ольшевская М. Ю.** Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 78–89.
- Палкин А. Д.** Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 5–16.
- Россихина М. Ю., Икатова И. И.** Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 6–20.
- Смирнов П. И.** Постижение России. Взгляд социолога. СПб.: Алетейя, 2020. 574 с.
- Соловьева И. В.** Социокультурный статус формулы извинения *pardon* в английском языке по данным корпусных баз // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 125–133.
- Шахматов А.** К истории сербско-хорватских ударений. Варшава: Типография Михаила Земевица, 1888. 71 с.

- Шахматов А. А.** Исследования в области русской фонетики: История звуков «о» и «е» в русском языке. М.: URSS; Ленанд, 2015. 317 с.
- Шахматов А. А.** Избранная переписка: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 942 с. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным.
- Шахматов А. А.** Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 399 с.
- Шахматов А. А.** Сказание о призвании варягов: исследование. М.: URSS; Либроком, 2011. 82 с.
- Шахматов А. А.** Учение о частях речи. М.: URSS, Ленанд, 2006. 270 с.
- Шахматов А. А., Брок О.** Переписка. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2021. 430 с.
- Fox K.** Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2005. 424 p.
- Humboldt W. v.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 511 S.
- Kolar K.** Politeness as a linguistic concept in the Croatian and English languages – a comparative analysis // NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2024. Vol. 22, no. 1. P. 5–16.
- Manson M.** The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life. New York: HarperCollins Publishers, 2016. 224 p.

References

- Dmitrieva O. A.** Whateverism in Russian linguoculture (according to figures from the national corpus of the Russian language and Internet sites). In: N. F. Alefirenko et al. (eds.), *Yazykovye obrazy: Lingvokreativnye simvolы etnokulturnoi dukhovnosti. Sbornik nauchnykh trudov po itogam 5-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiyu Zasluzhennogo deyatel'a nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora filologicheskikh nauk, professor N. F. Alefirenko*. Belgorod, 2021, pp. 64–70. (in Russ.)
- Fox K.** Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London, Hodder & Stoughton, 2005, 424 p.
- Humboldt W. v.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836, 511 S.
- Kolar K.** Politeness as a linguistic concept in the Croatian and English languages – a comparative analysis. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22 (1), pp. 5–16.
- Larina T. V., Kharlova M. L.** Impoliteness and rudeness in interpersonal interaction of Americans. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13 (3), pp. 5–16. (in Russ.)
- Manson M.** The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life. New York, HarperCollins Publishers, 2016, 224 p.
- Muravyev N. A., Olshevskaya M. Yu.** Approaches to the composition of lexical minima in Russia and abroad: problems and prospects. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17 (1), pp. 78–89. (in Russ.)
- Palkin A. D.** Filipp Fedorovich Fortunatov: An underestimated talent. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 13 (3), pp. 5–16. (in Russ.)
- Rossikhina M. Yu., Ikatova I. I.** Politeness theory: In search of effective research methodology in Western sociopragmatics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20 (1), pp. 6–20. (in Russ.)

- Shakhmatov A.** On the history of Serbian-Croatian stresses. Warsaw, Tipografiya Mikhaila Zmeevicha, 1888, 71 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Doctrine of parts of speech. Moscow, URSS, Leland, 2006, 270 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Historical morphology of the Russian language. Moscow, Uchpedgiz, 1957, 399 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Research into Russian phonetics: History of the sounds “o” and “ye” in the Russian language. Moscow, URSS, Leland, 2015, 317 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Selected correspondence in 3 v. V. 1: Correspondence with F. F. Fortunatov, V. N. Perets, V. M. Istrin. Saint-Petersburg, DMITRII BULANIN, 2018, 11–26, 942 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Narrative of the Summoning of the Varangians. Moscow, URSS, Librokom, 2011, 82 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A., Broch O.** Correspondence. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovykh, 2021, 430 p. (in Russ.)
- Smirnov P. I.** Perception of Russia. A sociologist’s insight. Saint Petersburg, Aleteya Publishing House, 2020, 574 p. (in Russ.)
- Soloveva I. V.** Language corpora data as the source of sociocultural information about *Pardon apology*. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17(1), pp. 125–133. (in Russ.)
- Vovina-Lebedeva V. G. A. A.** Shakhmatov and his selected correspondence. In: Shakhmatov A. A. Izbrannaya perepiska: in 3 vol. Vol. 1: Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Peretsem, V. M. Istrinym. Saint-Petersburg, DMITRII BULANIN, 2018, pp. 11–26. (in Russ.)
- Vovina-Lebedeva V. G., Sirenov A. V.** Introduction. In: Krylova O. N., Priyemysheva M. N. (eds.), Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statei k 150-letiyu so dnia rozhdeniya uchenogo. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, pp. 3–5. (in Russ.)

Информация об авторе

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Alexei D. Palkin, Doctor of Philological Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 19.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 06.12.2024

The article was submitted 19.08.2024;
approved after reviewing 27.11.2024; accepted for publication 06.12.2024

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-22-33

**Иерархическая система в семиотическом пространстве
исходного и локализованного кинотекста
(на материале французского кинодискурса)**

Владислав Евгеньевич Анисимов

Московский государственный институт международных отношений

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Москва, Россия

anisimov.vladislav.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6006-3965>

Аннотация

Цель данной статьи – описать иерархию исходного и локализованного кинотекста на материале французского кинодискурса. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена несущественной изученностью иерархии дискурса, в частности, кинодискурса и его отдельных составных частей. В статье описывается иерархическая система подпространства исходного (ИКТ) и локализованного (ЛКТ) кинотекста в рамках изучения иерархии кинодискурса. В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки и количественного подсчета. Был проведен всесторонний анализ иерархии исходного и локализованного кинотекста на материале французских кинофильмов периода 1962–2024 гг. как на уровне малоформатных (кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер), так и на уровне полноформатных текстов (кинофильм) французского кинодискурса и их вариантов, локализованных на русский язык. ИКТ выступает в качестве более высокого уровня иерархии во всех текстах французского кинодискурса и является базовым текстом при создании ЛКТ в случае с кинозаголовком, синопсисом, слоганом, постером и трейлером кинофильма, поскольку существование ЛКТ без ИКТ данных единиц становится невозможным. В качестве дополнительного критерия определения иерархии ИКТ и ЛКТ в случае кинозаголовка и слогана становится семантическая связь с замыслом авторов кинофильма, подтверждающая вывод о более высоком положении ИКТ в иерархии. В случае с созданием нового слогана кинофильма в прокате другой страны нами была выявлена невозможность установления иерархии между ИКТ и ЛКТ ввиду потери семантической составляющей ИКТ с ЛКТ. Анализ иерархии ИКТ и ЛКТ кинофильма показал более высокое иерархическое положение исходного кинофильма по отношению к локализованной версии в связи с более полным семантико-прагматическим содержанием и воздействием исходного кинофильма на зрителя и более полноценной передачей им исходного замысла авторов кинофильма. Результаты исследования могут быть использованы при анализе исходного и локализованного текста в различных типах дискурса и создании учебных материалов по дискурс-анализу для студентов лингвистических направлений.

Ключевые слова

кинодискурс, кинотекст, иерархия кинодискурса, исходный текст, локализованный текст

Для цитирования

Анисимов В. Е. Иерархическая система в семиотическом пространстве исходного и локализованного кинотекста (на материале французского кинодискурса) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-22-33

Hierarchical System in the Semiotic Space of the Original and Localized Film Text (based on the material of the French film discourse)

Vladislav E. Anisimov

MGIMO University,
Moscow, Russian Federation

anisimov.vladislav.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6006-3965>

Abstract

The purpose of this article is to describe the hierarchy of the original and localized film text based on the French film discourse. The relevance of the research is due to the insufficient study of discourse hierarchy, namely, film discourse hierarchy and its distinctive components. The paper describes the hierarchical system of the source subspace film text (SFT) and that of the localized film text (LFT) within the framework of film discourse study. Methods of observation, description, discourse analysis, comparison, continuous sampling and quantitative calculation have been implemented. A comprehensive analysis of the hierarchy of the SFT and LFT based on the French films of the period 1962–2024 has been carried out both at the level of small-format (film title, synopsis, slogan, poster, trailer) and at the level of full-format texts (film) including their equivalents localized into Russian. The SFT acts as a higher level of hierarchy in all the French film types of discourse and serves as the basic text for creating a LFT in the case of a film title, synopsis, slogan, poster, and trailer of a movie since the existence of LFT without SFT of these units appears to be impossible. As an additional criterion for determining the hierarchy of SFT and LFT in the case of a film title and slogan, we consider a semantic connection with the film author's idea (message), which confirms the conclusion about the SFT higher position in the hierarchy. If a new movie slogan is created at the box office of another country, we find it impossible to establish a hierarchy between SFT and LFT due to the loss of the semantic relation of SFT to LFT. The analysis of the SFT and LFT hierarchy of the film showed a higher hierarchical position of the original film in relation to the localized version due to a more complete semantic and pragmatic content and the impact of the original film on the viewer and a more complete transfer of the authors' original idea to them. The results of the research can be used in the analysis of the source and localized text in various types of discourse and the creation of educational materials on discourse analysis for learners of Linguistics.

Key words

film discourse, film text, hierarchy of film discourse, source text, localized text

For citation

Anisimov V. E. Hierarchical System in the Semiotic Space of the Original and Localized Film Text (based on the material of the French film discourse). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 22–33. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-22-33

Введение

Современный этап развития языкоznания характеризуется повышенным интересом к анализу дискурса как многоаспектному явлению. Дискурс выступает предметом ряда наук, основными из которых являются лингвистика, семиотика, социология, социолингвистика, литературоведение, антропология, философия и психология. Актуальным для данного исследования представляется рассмотрение дискурса с позиции семиотики, где указанный феномен изучается в качестве знаково-символического культурного образования [Родина, 2018. С. 102]. В сфере семиотики дискурс «выступает как одна из моделирующих систем, как когнитивная структура, стремящаяся к автономии» [Красина, 2004. С. 7].

Несмотря на всесторонний анализ феномена дискурса, малоизученным остается вопрос его иерархической структуры. Начало рассмотрению данного вопроса было положено в конце XX в. в трудах зарубежных ученых [Pitkin, 1977; Stoll, 1996, Grosz & Sidner, 1986; Polanyi, 1988; Van Kuppevelt, 1995], где основными предметами изучения были организация текста или речи внутри дискурса как системы и анализ оппозиции иерархической и линейной структур дискурса. В современных зарубежных исследованиях затрагивается вопрос иерархии дискурса в части применения уже сформулированных положений по отношению к более

узкоспециализированным вопросам (см., например, [Dachkovsky, Stamp, Sandler, 2023]). Иерархия дискурса рассматривается в работах отечественных исследователей преимущественно с лингвистической точки зрения. А. А. Кибrik говорит о глобальной и локальной структурах дискурса как полярных уровнях единой иерархической структуры дискурса [Кибrik, 2009. С. 2]. Предпринимаются попытки изучить иерархию конкретных дискурсов [Безруков, 2024].

В рамках данной работы нами предлагается подвергнуть анализу иерархию отношений исходного и локализованного текстов в рамках семиотического пространства французского кинодискурса. Материалом исследования послужили 30 французских кинофильмов и их элементы – малоформатные тексты (кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма), а также их локализованные варианты на русском языке.

1. Исходный и локализованный текст кинодискурса как обособленное семиотическое подпространство

Возможность рассмотрения дискурса с позиции семиотики позволяет представить его как семиотическое пространство, в рамках которого можно выделить ряд функционирующих в нем семиотических подпространств, обладающих собственным каналом передачи информации посредством различных знаковых систем – визуальных, аудиальных, изобразительных. Так, правомерным будет выделение семиотического подпространства отдельного кинофильма, многосерийного кинофильма, подпространства «кинофильм-сериал», объединенных общей сюжетной линией. В качестве обособленного семиотического подпространства кинодискурса может быть рассмотрено подпространство исходного и локализованного кинотекста.

В трактовке отечественных исследователей кинотекст в основном уподобляется его основной форме реализации – кинофильму. Так, Ю. Г. Цивьян рассматривает кинотекст как дискретную последовательность непрерывных участков текста в кинофильме [Цивьян, 1984]. Г. Г. Слыскин и М. А. Ефремова понимают кинотекст как «постановочный кинофильм, или, в наивной классификации, художественный фильм, за исключением тех случаев, когда особо не оговорено, что речь идет о любом виде кинотекста» [Слыскин, Ефремова, 2004. С. 19]. Нами предлагается расширить понятие кинотекста до основной составляющей кинодискурса, выступающей базисом для создания кинофильма и его частей, напрямую взаимодействующей с адресатом кинодискурса и включающей в себя все текстовые составляющие семиотического пространства кинодискурса, в том числе его малоформатные тексты (кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер) и кинопрезенции. Отношения кинодискурса к кинотексту, в свою очередь, можно определить как иерархические: кинодискурс выступает в качестве родовой категории по отношению к кинотексту как его видовому компоненту.

Исходя из предлагаемой широкой трактовки кинотекста, представляется возможным провести анализ иерархии исходного и локализованного кинотекста на двух уровнях: уровне малоформатных текстов кинодискурса и уровне полноформатного текста кинодискурса, т. е. собственно кинофильма.

Под исходным кинотекстом (ИКТ) понимается текст, подвергаемый переводу [Алексеева, 2004. С. 128]. Под локализованным кинотекстом (ЛКТ) – текст, возникший в результате деятельности переводчика и иных лиц, участвующих в продвижении кинофильма на экраны другой страны (например, прокатная компания). Мы считаем, что в случае с адаптацией кинотекста в ином лингвокультурном пространстве допустимо говорить именно о *локализации кинотекста*, а не о его переводе, основываясь на двух параметрах данного типа адаптации.

1. Наличие «коллективного авторства» локализованного кинотекста: участие в подборе функционального эквивалента того или иного отрезка кинотекста принимают не только профессиональные переводчики, но и другие представители киноиндустрии, зачастую руководствующиеся коммерческой выгодой, а не соблюдением адекватности перевода. Совокупность

действующих лиц, принимающих непосредственное участие в продвижении кинофильма в прокате: переводчиков и иных специалистов, осуществляющих межкультурную адаптацию текста, авторов субтитров, актеров озвучивания/дубляжа, а также представителей дистрибуторской/прокатной компании, мы именуем общим термином *локализаторы*.

2. Поликодовый и полимодальный характер ряда единиц кинотекста (постера и трейлера), а также самого кинофильма предполагает возможное изменение не только вербальной (текстовой), но и изобразительной составляющей.

В свою очередь, адекватной локализацией кинотекста будет считаться вид адаптации ИКТ, при котором наблюдается минимальное количество расхождений в вариативности понимания реципиентами (зрителями) смыслов, заложенных в исходном моно-, поликодовом или полимодальном кинотексте.

Таким образом, в узкой трактовке семиотическое подпространство исходного и локализованного кинотекста включает в себя все исходные и локализованные единицы кинотекста, принадлежащие семиотическому пространству конкретного кинофильма: кинофильм, кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма, кинорецензии и иные формы кинокритики. Более широкое понимание семиотического подпространства ИКТ и ЛКТ может включать в себя все когда-либо созданные исходные и локализованные кинотексты.

В ходе изучения иерархии текстов французского кинодискурса нами были выделены два основных критерия анализа: *очередность создания текста*, т. е. первичность создания одного из двух сопоставляемых текстов и, соответственно, возможность выполнения одним из текстов роли так называемого «базового текста» (текста, с опорой на который происходит создание его функционального эквивалента), и *большая семантическая и/или прагматическая связь с замыслом так называемого «коллективного автора» кинофильма* (термин вводится в [Слышик, Ефремова, 2004]), т. е. сюжетом и основными идеями. Данные критерии применялись нами как при анализе иерархии ИКТ и ЛКТ малоформатных текстов французского кинодискурса, так и полноформатного текста – кинофильма.

2. Результаты и дискуссия

2.1. Иерархия отношения исходного и локализованного кинотекста в рамках малоформатных текстов кинодискурса

Малоформатные тексты кинодискурса (кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма) представляют собой прагматически ориентированные рекламные элементы кинодискурса, основная задача которых – привлечение к просмотру конкретного кинофильма как можно большего числа зрителей. В силу выполняемой ими задачи данные элементы объединяются нами в единый класс функционально-прагматических единиц кинотекста (ФПЕК).

В случае с малоформатными текстами кинодискурса наблюдаются наиболее существенные расхождения между ИКТ и ЛКТ, поскольку они функционируют на предпросмотром этапе и предшествуют появлению кинофильма на экранах страны. Под успешной локализацией малоформатных текстов кинодискурса можно понимать такой тип адаптации, когда ЛКТ полностью или частично сохраняет свой аттрактивный, информационный и прагматический потенциал и способен привлечь к просмотру кинофильма ту же возрастную и социальную аудиторию, что и ИКТ. Смысловые части и ключевые компоненты малоформатных текстов кинодискурса, оказывающие информационное и прагматическое воздействие на потенциального зрителя, определяются нами как *прагма-семантический компонент ФПЕК*.

2.2. Иерархия исходного и локализованного кинозаголовка

Приведем пример локализации ряда ФПЕК для анализа иерархии ИКТ и ЛКТ на уровне малоформатных текстов французского кинодискурса. Кинозаголовок является основной ФПЕК: это центральный элемент поликодовой структуры к/ф [Александрова, Красина, Рыбинок, 2019]. В большинстве случаев локализаторы стараются сохранить исходный прагма-семантический компонент кинозаголовка, в том числе посредством дословного перевода названия (фр. “Yves Saint Laurent” – рус. «Ив Сен-Лоран», 2014; “Coco avant Chanel” – «Коко до Шанель», 2009; “Apocalypse: La 2ème guerre mondiale” – «Апокалипсис: Вторая мировая война», 2009). В ряде случаев локализованный кинозаголовок может быть подвергнут трансформациям для его адаптации к конкретной целевой аудитории или более популярному жанру (“Tout le monde debout” – «Попробуй подкати», 2018; “Les profs” – «Безумные преподы», 2013; “Dalida” – «Любовь и страсть. Далида», 2016). В последнее время локализаторами нередко подбирается вариант кинозаголовка, не обладающей общей семантикой с исходным названием: ср. “Les Intouchables” (досл. «Неприкасаемые») – «1 + 1»; “Demain tout commence” (досл. «Всё начнется завтра») – 2 + 1; “Joséphine” (досл. «Жозефина») – «Хочу как Бриджет», 2013. Подобный прием в основном связан с желанием привлечь к просмотру дополнительную целевую аудиторию, повысив коммерческий успех кинофильма в прокате.

Проведенный анализ исходных и локализованных кинозаголовков показал, что исходный кинозаголовок будет являться элементом более высокого уровня иерархии в связи с тем, что с опорой на него выбирается подходящий функциональный эквивалент для названия кинофильма в иноязычном прокате. В случае с полным несовпадением исходного и локализованного кинозаголовков французского фильма исходный заголовок также занимает более высокое положение в иерархии, так как он обладает большей семантической связью с замыслом авторов произведения, в том числе сюжетом и основными идеями кинофильма.

2.3. Иерархия исходного и локализованного синопсиса кинофильма

Обращаясь к синопсису кинофильма, представляющему потенциальному зрителю завязку сюжета и основных героев кинопроизведения, отметим следующую тенденцию локализации: авторы локализованного синопсиса стремятся одновременно адаптировать его под локализованный кинозаголовок (в случае его существенного отличия от исходного) и целевую аудиторию кинофильма в конкретной стране. Последнее преобразование требует избегания табуированных для конкретного лингвокультурного сообщества тем. Подобные приемы использованы локализаторами в синопсисе кинофильма “Les profs” (ИКТ – «Преподы», ЛКТ – «Безумные преподы», 2013) в российском прокате. В локализованном синопсисе появляются исконно российские реалии (ЕГЭ), сниженная и жаргонная лексика (бездельники, раздолбай, десант сумасбродных преподов, брутальный качок, отвязная толстуха, сексапильная шоколадка, любитель покурить травку), свойственная молодежной аудитории¹.

Локализованный синопсис также может составляться заново с учетом лингвокультурных реалий страны проката или дополнительных знаний локализаторов о конкретном событии и героях кинофильма (в случае с документальным кинофильмом, многосерийным художественным кинофильмом или художественным кинофильмом, основанным на реальных событиях). В таком случае при создании локализованного синопсиса его авторами активно используются приемы добавления и/или опущения. Таковы, например, исходный² и локализованный³ синопсисы кинофильма “Paris brûle-t-il?” («Горит ли Париж?», 1966), где добавляются имена

¹ <https://www.kinopoisk.ru/film/693979/>

² https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=2801.html

³ <https://www.kinopoisk.ru/film/7342/>

действующих лиц киноленты: Гитлер, генерал Леклерк, генерал фон Хольтиц, будущий премьер-министр Франции Шабан-Дельмас.

Однако, несмотря на достаточно широкую возможную автономию ЛКТ от ИКТ, в случае с синопсисом кинофильма локализованный синопсис в большинстве случаев создается с опорой на исходный синопсис, что подтверждается вышеупомянутыми примерами, где ИКТ подвергается интертекстуализации при создании ЛКТ (ср. (ИКТ) «Гитлер отдает приказ уничтожить Париж...» – (ЛКТ) «Гитлер издает чудовищный приказ о минировании Парижа и поручает генералу фон Хольтицу стереть город с лица земли»). Опора на исходный синопсис является неслучайной: обычно синопсис составляется до появления кинофильма в прокате и у локализаторов не всегда есть возможность ознакомиться с содержанием кинопроизведения, чтобы внести существенные дополнения в ЛКТ, особенно если выход кинофильма в прокат осуществляется одновременно в нескольких странах.

Ввиду зависимости (полной или частичной) локализованного синопсиса от исходного синопсиса последний будет являться элементом более высокого уровня иерархии. Зависимость ИКТ от ЛКТ в случае с синопсисами кинофильмов в основном проявляется в информации, предоставляемой локализаторами исходным синопсисом, а также интертекстуальных связей между исходным и локализованным синопсисами.

2.4. Иерархия исходного и локализованного слогана кинофильма

Слоган кинофильма обладает автономией по отношению к сюжету кинофильма и относительной свободой от других ФПЕК. Внутри класса ФПЕК слоган в основном взаимодействует с синопсисом кинофильма, при котором он выполняет роль эхо-фразы [Анисимов, 2020]. Проиллюстрируем сказанное на примере синопсиса и слогана кинофильма *Le "Tout Nouveau Testament"* («Новейший завет», 2014). Исходный слоган *Dieu existe. Il habite à Bruxelles* («Бог существует, он живет в Брюсселе») выступает начальным предложением синопсиса, выполняя роль эхо-фразы⁴.

Дословный перевод слогана в процессе его локализации в российском прокате позволяет сохранить присутствующую между ФПЕК интертекстуальную связь несмотря на то, что в локализованном синопсисе слоган перестает играть роль эхо-фразы⁵.

В данном случае исходный слоган находится иерархически выше локализованного, поскольку именно он является базовым текстом, который подвергается процессу перевода в процессе локализации кинофильма в прокате другой страны.

Другим вариантом локализации слогана является переосмысление ИКТ для придания ему большей броскости и эмоциональности или его полная замена на более броский ЛКТ. Примером подобной трансформации может служить слоган уже упомянутого кинофильма *“Les profs”*. Исходный слоган *Aux pires élèves, les pires profs* («Худшим ученикам – худших учителей») при локализации в российском прокате трансформируется в более броский, содержащий в себе одновременно обращение к ученикам и обещание от новых преподавателей: «Ты у нас научишься, детка!». В данном случае ИКТ и ЛКТ не находятся в иерархических отношениях, поскольку последний создан без опоры на исходный слоган, только с учетом жанровой составляющей кинофильма.

Таким образом, иерархию между исходным и локализованным слоганом можно установить только в случае опоры ЛКТ на ИКТ в процессе локализации (дословный перевод исходного слогана, перевод с сохранением прагма-семантического компонента исходного слогана). В случае с созданием нового слогана с опорой на другие ФПЕК сюжет кинофильма или различные экстралингвистические факторы, использование которых может повысить успех ки-

⁴ https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=222641.html

⁵ <https://www.kinopoisk.ru/film/840470/>

нофильма в прокате, отношения иерархии между слоганами отсутствуют. Невозможность установления иерархии между исходным и локализованным слоганами кинофильма в данном случае обусловлена потерей семантической составляющей ИКТ со стороны ЛКТ в угоду большей броскости и эмотивности слогана.

2.5. Иерархия исходного и локализованного постера кинофильма

При анализе отношения ИКТ и ЛКТ кинопостера необходимо учитывать его структурно-семиотические отличия от ранее рассмотренных кинозаголовка, синописа и слогана кинофильма. Как и вышеперечисленные ФПЕК, кинопостер является одним из элементов рекламной кампании кинофильма, выполняющим задачу по продвижению кинофильма на предпросмотровом этапе. Поликодовость кинопостера, заключающаяся во взаимодействии двух составляющих – графической и иконической, а также возможностью нахождения на нем ряда других ФПЕК, в особенности кинозаголовка и слогана кинофильма, обуславливает ряд особенностей его локализации. В первую очередь наибольшей трансформации в процессе локализации подвергается графическая составляющая кинопостера, включающая в себя кинозаголовок, имена режиссера и его команды, логотипы компаний, участвовавших в создании и продвижении кинофильма, имена актеров, слоган кинофильма, номинации кинофильма на кинематографические премии и участие кинофильма в различных кинофестивалях. Преимущественная адаптация графической составляющей в новой лингвокультуре связана с тем, что именно она сообщает зрителю фактологически значимую информацию, которая необходима ему для принятия решения о просмотре того или иного кинофильма. Трансформация иконической составляющей кинопостера, представленной кадром из кинофильма или его трейлера, коллажем (реже – рисунком), происходит значительно реже и в основном связана с ее преобразованием под новый кинозаголовок или устранением табуированных для принимающей культуры элементов.

Анализ иерархии исходного и локализованного кинопостеров проводился нами с опорой на прагма-семантический компонент кинопостера, который представлен его смысловыми частями, оказывающими информационное и прагматическое воздействие на адресата – потенциального зрителя. Сохранение всех элементов прагма-семантического компонента означает полную локализацию кинопостера в ином лингвокультурном пространстве. При опущении прагма-семантического компонента исходного постера или добавлении новых элементов при локализации данной ФПЕК, информация и прагматическое воздействие на зрителя, заложенные в ИКТ, могут подвергаться существенным изменениям, что позволяет говорить о частичной локализации кинопостера. Подчеркнем, что в случае полной локализации кинопостера ЛКТ опирается на ИКТ, следовательно, исходный кинопостер будет представлять собой элемент более высокого порядка в иерархии ИКТ-ЛКТ, так как существование локализованного постера без исходного постера становится невозможным. Исходный кинотекст оказывается иерархически выше локализованного кинотекста и в случае с частичной локализацией кинопостера, поскольку в большинстве случаев иконическая составляющая постера кинофильма не подвергается трансформации, а изменение графической составляющей, в частности расположение ее элементов на кинопостере, происходит с опорой на исходный кинопостер. Таким образом, в обоих рассмотренных случаях (полная и частичная локализация кинопостера) ИКТ является более высоким элементом иерархии по отношению к ЛКТ.

2.6. Иерархия исходного и локализованного трейлера кинофильма

Трейлер кинофильма является полимодальной ФПЕК, что также обуславливает ряд особенностей его локализации. Трейлер направлен на восприятие его зрителем при помощи нескольких перцептивных модальностей – слуховой и визуальной. Исследователями выделяются

вербальный и иконический компоненты трейлера, образующие «одно смысловое и структурно-функциональное целое» [Вохрышева, 2022. С. 37]. Основное отличие трейлера от собственно кинофильма видится в его малоформатности и особого рода структурировании, отражающем ключевые моменты кинофильма, но не всегда выявляющем его основную идею [Там же. С. 38]. В ходе исследования нами были проанализированы 30 трейлеров французских кинофильмов и их локализаций («дублированных трейлеров») в российском прокате периода 2015–2024 гг. Вопрос локализации трейлера кинофильма на данный момент относится к числу малоизученных и требует более широкого обращения исследователей к данному феномену. Основными приемами, которые используются при локализации трейлеров французских кинофильмов в российском прокате, являются добавление прагматически значимой информации в локализованный трейлер кинофильма, опущение и замена прагматически значимой информации исходного трейлера. При этом трансформации подвергаются как вербальный, так и визуальный компоненты исходного трейлера, что иногда обуславливает возможность полного расхождения исходного и локализованного трейлера. Среди проанализированных нами французских кинофильмов указанного периода вербальная (текстовая) трансформация подверглась трансформации в 90 % случаев, изменение иконической составляющей наблюдались в 60 % случаев, при этом в 20 % случаев наблюдалось использование в локализованном трейлере не более двух сцен из исходного трейлера.

В силу ограниченного объема статьи приведем наиболее характерные примеры локализации трейлеров французских кинофильмов. Типичным примером добавления прагматически значимой информации является указание на возрастной рейтинг кинофильма, которое является обязательным в России, и размещение логотипа российской компании-прокатчика с возможной озвучкой ее названия закадровым голосом. Замену прагматически значимой информации можно наблюдать в локализованном трейлере кинофильма “Qu'est-ce qu'on a fait au Bon Dieu” (2014, российская локализация – «Безумная свадьба»): вместо имени режиссера (“Un film de Philippe de Chauveron” – «Фильм Филиппа де Шоврона») в локализованном трейлере указывается информация о сборах кинофильма («кассовые сборы \$80 000 000»), графически выполненная в общих тонах со всеми текстовыми вставками трейлера. Подобный прием обусловлен отсутствием информации о режиссере кинофильма у российского зрителя и более сильным прагматическим воздействием добавленной фразы, сообщающей об успехе кинофильма во Франции и других странах, где премьера кинофильма состоялась раньше. Иконический компонент трейлера, как и большинство реплик персонажей, не претерпели изменений. Опущение прагматически значимой информации можно проследить на примере локализации кинофильма “On ne choisit pas sa famille” (ЛКТ – «Папаши без вредных привычек», 2011), где наибольшее изменение претерпел именно иконический компонент. Сюжет построен вокруг пары двух женщин нетрадиционной ориентации, Алекс и Ким, заинтересованных в удочерении маленькой девочки в Таиланде. Сезар, брат Алекс, помогает им, играя роль «мужа» Ким перед местным доктором (иммигрировавшим в Таиланд французом). Тема нетрадиционных отношений является табуированной для российского общества, в связи с чем при локализации трейлера подбираются совершенно другие сцены, в которых данная тема опущена. Сохранены только две сцены исходного трейлера, не затрагивающие табуированную тему. Подчеркнем, что в случае трансформации иконического компонента трейлера изменению также подвергается и вербальный компонент за счет использования других реплик персонажей в замененных сценах.

Установление иерархии исходного и локализованного трейлеров требует обращения к зависимости локализованного трейлера от исходного. Применяемые в процессе локализации приемы (добавление, опущение, замена прагматически значимой информации) применяются с опорой на исходный трейлер. Следовательно, исходный трейлер служит опорой для локализованного трейлера и является элементом более высокого уровня иерархии по отношению к локализованному трейлеру. При существенном изменении трейлера кинофильма в процессе

локализации за основу также принимается исходный трейлер, который впоследствии подвергается трансформации. Кроме того, более высокое положение в иерархии исходного трейлера, подвергнувшегося трансформации, обусловлено тем, что он наиболее полноценно передает всю информацию, заложенную авторами. Таким образом, и в случае существенного расхождения ИКТ и ЛКТ исходный трейлер будет иерархически выше локализованного.

2.7. Иерархия отношений исходного и локализованного кинофильма

Анализ иерархии ИКТ и ЛКТ также представляется возможным проводить на материале отношений исходной и локализованной версии полноформатного текста кинодискурса – кинофильма. Как и трейлер, кинофильм является полимодальной единицей кинодискурса, воспринимаемой зрителем посредством слуховой и визуальной модальностей.

В рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на описании конкретных приемов, применяемых командой локализаторов в процессе адаптации кинофильма в прокате другой страны, ограничившись выявлением иерархии между исходным и локализованным кинофильмами. В настоящее время анализ перевода кинофильмов в различных аспектах пользуется существенной популярностью (см., например, [Зайченко, Самодурова, 2020], [Jia, 2024], [Sakareva, 2023], [Jin, Zhang, He, 2022]). В ходе проведенного нами анализа 120 французских кинофильмов периода 1962–2024 гг. было установлено, что основным изменением при их локализации в российском прокате становятся удаление сцен, содержащих в себе скандальные, антиобщественные и табуированные для российского общества темы, и добавление вербального (звукового) элемента в локализованный кинофильм. Удаление сцен проводилось при локализации французских кинофильмов различных эпох. Так, культовый кинофильм “Cartouche” («Картуш», 1962) претерпел изменение в хронометраже в 27 минут за счет удаления сцен с пытками главного героя и погоней за ним коллег-воров. В современном кинофильме “Les Olympiades, Paris 13e” (ЛКТ – «Париж, 13 округ», 2021) при локализации в российском прокате удалили сцену с поцелуем двух главных героинь. Отметим, что в обоих примерах кинофильм подвергался цензуре по объективным причинам ввиду наличия сцены насилия и табуированной для российского общества темы однополых отношений. Удаление сцен в локализованной версии кинофильма также может проводиться в связи с необходимостью присвоить кинофильму соответствующий возрастной рейтинг или ограничением длительности кинофильма или сериала. Примером последнего может служить французский сериал “Hélène et les Garçons” («Элен и ребята», 1992–1994), где в российской локализации каждая из 26-минутных серий была сокращена до 22 минут в связи с требованиями рекламодателей. При этом были удалены сцены, напрямую не влияющие на сюжет произведения. Добавление вербального компонента в локализованную версию кинофильма преимущественно обусловлено необходимостью упоминания компании-дистрибутора, а также актеров дубляжа, озвучивавших роли для русскоязычной версии кинофильма.

К другим трансформациям, которые могут быть использованы локализаторами в процессе адаптации кинофильма к лингвокультурным реалиям другой страны, относятся трансформация сцены, в том числе замена второстепенных персонажей, не играющих главных ролей, а также замена верbalного (звукового) компонента кинофильма при сохранении его иконического (изобразительного) компонента. Данные трансформации не были выявлены нами в процессе анализа исходных и локализованных версий французских кинофильмов, однако они довольно часто используются при локализации в зарубежном прокате американских кинофильмов и мультипликационных фильмов для избегания табуированных тем или адаптации произведения к реалиям конкретной страны.

Во всех рассмотренных нами случаях исходный кинофильм будет являться более высоким элементом иерархии по отношению к его локализованной версии, поскольку именно исходная

версия обладает полным семантико-прагматическим содержанием и воздействием на зрителя, а также полноценно передает весь замысел «коллективного автора» кинофильма, его сюжет и заложенные в нем идеи.

Заключение

Проведенное исследование иерархии исходного и локализованного текстов кинодискурса позволило полноценно охватить как малоформатные, так и полноформатные тексты. Анализ иерархии ИКТ и ЛКТ французского кинодискурса был проведен с опорой на два основных критерия: очередность создания текста и, следовательно, выполнение текстом роли «базового текста», с опорой на который создается его функциональный эквивалент, а также большая семантическая и/или прагматическая связь с замыслом «коллективного автора кинофильма».

ИКТ выступает в качестве более высокого уровня иерархии во всех текстах французского кинодискурса, поскольку является базовым текстом при создании ЛКТ в случае с кинозаголовком, синопсисом, слоганом, постером и трейлером кинофильма, так как существование ЛКТ без ИКТ данных единиц кинотекста становится невозможным. Дополнительным критерием в установлении иерархии ИКТ и ЛКТ кинозаголовка и слогана становится семантическая связь с замыслом авторов кинофильма, подтверждающая вывод о более высоком положении ИКТ в иерархии. Невозможность установления иерархии между ИКТ и ЛКТ была выявлена нами в случае с созданием нового слогана кинофильма в ином лингвокультурном пространстве ввиду потери семантической составляющей с исходным ИКТ.

Анализ иерархии ИКТ и ЛКТ полноформатного кинотекста – кинофильма – показал более высокое иерархическое положение исходного кинофильма по отношению к локализованной версии в связи с более полным семантико-прагматическим содержанием и воздействием исходного кинофильма на зрителя и более полноценной передачей им исходного замысла коллектического автора кинофильма.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при анализе исходного и локализованного текста в различных типах дискурса, а также при создании учебных материалов по дискурс-анализу для студентов лингвистических направлений.

Список литературы

- Александрова О. И., Красина Е. А., Рыбинок Е. С.** Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки. 2019. № 5. С. 22–33.
- Алексеева И. С.** Введение в переводоведение. М.: Академия. 2004. 347 с.
- Анисимов В. Е.** Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 357–367. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367.
- Безруков А. Н.** Художественный дискурс: вариант оценки, структура, грани иерархии // Начала Русского мира. 2024. № 1. С. 38–42.
- Вохрышева Е. В.** Структурно-семантические характеристики англоязычного трейлера как малоформатного кинотекста // Актуальные проблемы педагогики и психологии (Самара). 2022. № 1 (3). С. 36–43. DOI 10.55000/APPiP.2022.79.24.006
- Кибрек А. А.** Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкоznания. 2009. № 2. С. 3–21.
- Красина Е. А.** К интерпретации понятия дискурс // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 5–9.
- Слышик Г. Г., Ефремова М. А.** Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

- Цивьян Ю. Г.** К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе: труды по знаковым системам. Тарту: Тартунский ун-т, 1984. Вып. 17. С. 109.
- Dachkovsky S., Stamp R. & Sandler W.** Mapping the body to the discourse hierarchy in sign language emergence // *Language and Cognition*. 2023. Vol. 15 (1). P. 53–85. doi:10.1017/langcog.2022.25
- Grosz B. J., Sidner C. L.** 1986. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse // *Computational Linguistics*. 1986. Vol. 12 (3). P. 175–204.
- Jia Y.** Pragmatic Translation: Application of Relevance Theory in Film Dialogue Translation // *Journal of Education and Educational Research*. 2024. Vol. 9 (1). P. 175–178. doi: 10.54097/3hyccgn21
- Jin H., Zhang Y., He X.** Indirect translation of foreign films for cinematic release in China // *Target International Journal of Translation Studies*. 2002. Vol. 34 (2). P. 465–488. doi:10.1075/target.00010.jin
- Pitkin W. L.** Hierarchies and the Discourse Hierarchy // *College English*. 1977. Vol. 38 (7). P. 648–659. doi: 10.2307/376067.
- Polanyi L.** (1988). A formal model of discourse structure // *Journal of Pragmatics*. 1988. Vol. 12. P. 601–638. doi 10.1016/0378-2166(88)90050-1
- Sakareva I.** Film translation issues and specialized field techniques // *Orbis Linguarum*. 2023. Vol. 21 (2). P. 114–117. doi:10.37708/ezs.swu.bg.v21i2.14
- Stoll P.** Sequence and hierarchy in discourse organization // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 1996. Vol. 9. P. 119–13, doi 10.14198/raei.1996.9.08

References

- Alexandrova O. I., Krasina E. A., Rybinok E. S.** Precedent phenomena of a film text: feature film title in the terms of translation. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2019, vol. 5, pp. 22–33, doi: 10.20339/PhS.5-19.022. (In Russ.)
- Alekseeva I. S.** Introduction to Translation Studies. Moscow, Academy, 2004, 347 p. (In Russ.)
- Anisimov V. Eu.** Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, vol. 11 (2), pp. 357–367. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367 (In Russ.)
- Bezrukov A. N.** Artistic Discourse: Valuation Option, Structure, Facets of Hierarchy. *Beginnings of the Russian World*, 2024, vol. 1, pp. 38–42. (In Russ.)
- Vohrysheva E. V.** Structural and semantic characteristics of the English trailer as a small format cinematic text. *Actual problems of pedagogy and psychology (Samara)*, 2022, vol. 1 (3), pp. 36–43. doi 10.55000/APPiP.2022.79.24.006. (In Russ.)
- Kibrik A. A.** Modus, genre and other parameters of discourse classification. *Voprosy yazykoznanija*, 2009, vol 2, pp. 3–21. (In Russ.)
- Krassina E. A.** Towards interpretation of discourse as a concept. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika*, 2004, vol. 6, pp. 5–9. (In Russ.)
- Slyshkin G. G., Efremova M. A.** Film Text (Experience of a culturological analysis. Moscow, Vodolei Publishers, 2004, 164 p. (In Russ.)
- Tsivyan Yu. G.** On metasemiotic description of narration in motion pictures. Tartu, Tartu University, 1984, pp. 109–121. (In Russ.)
- Dachkovsky S., Stamp R. & Sandler W.** Mapping the body to the discourse hierarchy in sign language emergence. *Language and Cognition*, 2023, vol. 15(1), pp. 53–85. doi:10.1017/langcog.2022.25.
- Grosz B. J., Sidner C. L.** Attention, Intentions, and the Structure of Discourse. *Computational Linguistics*, 1986, vol. 12 (3), pp. 175–204.

- Jia Y.** Pragmatic Translation: Application of Relevance Theory in Film Dialogue Translation. *Journal of Education and Educational Research*, 2024, vol. 9 (1), pp. 175–178. doi: 10.54097/3hyrcgn21.
- Jin H., Zhang Y., He X.** Indirect translation of foreign films for cinematic release in China. *Target International Journal of Translation Studies*, 2002, vol. 34 (2), pp. 465–488. doi:10.1075/tar-get.00010.jin.
- Pitkin W. L.** Hierarchies and the Discourse Hierarchy. *College English*, 1977, vol. 38 (7), pp. 648–659. doi: 10.2307/376067.
- Polanyi L.** A formal model of discourse structure. *Journal of Pragmatics*, 1988, vol. 12, pp. 601–38. doi 10.1016/0378-2166(88)90050-1
- Sakareva I.** Film translation issues and specialized field techniques. *Orbis Linguarum*, 2023, vol. 21 (2), pp. 114–117. doi:10.37708/ezs.swu.bg.v21i2.14
- Stoll P.** Sequence and hierarchy in discourse organization. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 1996, vol. 9, pp. 119–13. doi 10.14198/raei.1996.9.08

Информация об авторе

Анисимов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Vladislav E. Anisimov, PhD in Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 15.11.2024*

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 15.11.2024*

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-34-49

Артионим как перевод изображения в поэтику названия, или Принципы нейминга

Наталья Михайловна Мухаметгареева¹

Зиля Анасовна Юсупова¹

Евгения Андреевна Яковлева²

¹Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия

nmch77@mail.ru
zilya_iousupova@mail.ru
e_yakov@mail.ru

Аннотация

В настоящем исследовании речь идет о номинации в сфере живописи в общем и, в частности, о художественном полотне, которое мы обозначили как «креолизованный текст», состоящий из двух частей: невербальной и вербальной (артионим). При этом вербальная часть креолизованного текста вначале кажется элементарной, но на самом деле она весьма сложна, поскольку в процессе эволюции артионим из простого описания того, что изображено, превратился в философское рассуждение, уникальную единицу искусствоведческого дискурса, вписанную в каталог мировой культуры. Кроме того, в процессе номинации происходит «перетолмачивание» артионима с одного языка на другой, так как новое иноязычное слово должно остаться более-менее адекватным вариантом источника, способным отразить не только замысел художника, но и вписаться в иную языковую систему.

Ключевые слова

произведение искусства, имя собственное, артионим, креолизованный текст, перевод артионима, нейминг

Для цитирования

Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А., Яковлева Е. А. Артионим как перевод изображения в поэтику названия, или Принципы нейминга // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 34–49. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-34-49

The Artionym as a Translation of Image into the Poetics of a Name, or the Principles of Naming

Natalya M. Mukhametgareeva¹, Zilya A. Yusupova¹,
Evgenia A. Yakovleva²

¹Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russian Federation

²Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russian Federation

nmch77@mail.ru
zilya_iusupova@mail.ru
e_yakov@mail.ru

Abstract

This research discusses the process of naming in the sphere of painting in general and an artwork in particular. We have designated the artwork as a 'creolised text' consisting of two parts: non-verbal and verbal (artionym). In the process of its creation, a work of art goes a complex way of encoding the artist's thoughts and feelings into material form, which involves embodiment of the image, the 'spirit' of the painting, into the phenomenon of art with the help of canvas and colours. The verbal part of the creolised text, seeming elementary at first, is in fact quite complex, because in the process of evolution the artionym has turned from a simple description of what is depicted into somewhat philosophical discourse, a unique piece of art history discourse, inscribed in the catalogue of world culture. Moreover, in the process of naming, the artionym is adapted from one language into another, since the new foreign-language word must remain adequate to the source, capable of reflecting not only the artist's intention and the range of feelings conveyed by them, but also of fitting into a different language system with its associative-verbal links and the parameters of museum discourse. After all, even a comparative analysis of basic human emotions (happiness, resentment, joy, love) demonstrates, according to ethnolinguists, a specific 'heat of passions': an Englishman smiles at happiness, while a Russian 'soars on wings'. Thus, in the process of translation we observe a complex transformation of a visual image into a word-text where other linguistic and non-linguistic spheres of cognition of the picture's meaning are involved. The translation of an artionym should become understandable to a representative of another language and culture and at the same time be as weighty and complementary to the image of the original picture, and here the translator in the process of naming should take into account both linguistic and cultural traditions of the recipient language.

Keywords

work of art, proper name, artionym, creolised text, translation of artionym, naming

For citation

Mukhametgareeva N. M., Yusupova Z. A., Yakovleva E. A. The Artionym as a Translation of Image into the Poetics of a Name, or the Principles of Naming. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 34–49. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-34-49

Вопрос, которым наверняка задаются многие, начинаяющие глубже узнавать мир искусства и удивительные вещи о нем: почему порой название картины не совсем вяжется с содержанием? Принцип нейминга, т. е. присваивания имени чему-либо, даже в области культуры, бывает неоднозначный. По сути, это еще один способ художника привлечь внимание к своей работе или подчеркнуть особенно важную мысль [Орлова, онлайн].

Введение

Почему для нас так важны книги, музыкальные произведения, памятники, картины, театр? Причина этого в том, что человек не мыслит свою жизнь без чувств, которые дарит нам искусство. Мы остро нуждаемся в восприятии прекрасного, чтобы постигнуть и выразить эмоции, мысли и идеи. Искусство также позволяет нам увидеть окружающую действительность глазами других

людей, понять их самобытные переживания. Оно помогает расширить пространство собственного внутреннего мира, проявить эмпатию и осознать культурное многообразие человечества.

Представляя собой особый вид духовных практик, искусство использует и специфический инструментарий (слово, звук, камень, цвет, форму, движение). В нашей статье мы обращаемся непосредственно к произведениями живописи и их названиям. Р. Л. Грегори описал «странные свойства картин» следующим образом: «Картины – уникальный класс предметов, потому что они одновременно видны и сами по себе, и как нечто совсем иное, чем просто лист бумаги, на котором они нарисованы. Картины парадоксальны. Никакой объект не может находиться в двух местах одновременно; никакой объект не может быть одновременно двумерным и трехмерным, а картины мы видим именно так. Картина имеет совершенно определенный размер, и в то же время она показывает истинную величину человеческого лица, здания или корабля. Картины – невозможные объекты. Картины важны, потому что глаз видит в них отсутствующие предметы. Биологически это чрезвычайно странно» [Грегори, онлайн].

Цель и задачи нашего исследования – рассмотреть художественное полотно, во-первых, как произведение искусства, обладающее определенной ценностью, имеющее дополнительную вербальную часть, т. е. как некий креолизованный текст в аспекте сложившегося симбиоза названия (артионима) и изображения, находящихся между собой в сложных диалектических отношениях (материально-знаковая и духовно-знаковая составляющие); во-вторых, понять и объяснить, в чем заключается трудность процесса перевода артионима с одного языка на другой в свете языковых антномий *объективного и субъективного, индивидуального и коллективного, произвольного и мотивированного, понимания и непонимания*.

Решение данных задач позволяет получить ответ не только на вопрос, касающийся роли искусства в современном познании человека, но также и – с позиции философии, лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии – определить базовые принципы номинации, или, по-новому, *нейминга*. Таким образом, мы хотим осознать, как слово, «слившись» с «куском полотна, разрисованного красками», способно помочь постигнуть переданный художником трепетный образ, настроение, неповторимый цвет, графическую отточенность и линейность, а вместе – усилить восторг, упоение, печаль или даже иронию, столь характерную, к примеру, для М. З. Шагала, называвшего Париж «вторым Витебском». Реальными примерами «узаконивания слова» служат названия знаменитых картин и фресок, известных во всем мире и ставшими своего рода символами: «Впечатление» К. Моне или «Герника» П. Пикассо.

Методы исследования. Основным методом исследования в работе стал описательно-аналитический метод, главными компонентами которого являются наблюдение, обобщение, интерпретация, типологизация. Кроме того, на различных этапах исследования мы применяли комплексный анализ креолизованного текста, контекстуальный анализ, психолингвистический эксперимент и др.

В рамках данной работы мы рассмотрели 115 названий картин (артионимов) на русском, английском и французском языках.

В настоящей работе авторы опирались на следующие источники: исследования в области теории перевода, искусствоведения, философии имени, семиотики, лингвистической герменевтики, лингвокультурологии, социолингвистики, лингвистики (ономастика, лексикология, этимология, стилистика и др.): С. Булгаков [Булгаков, 1954], Х.-Г. Гадамер [Гадамер, 1988], А. А. Кретов [Кретов, 2024], А. Ф. Лосев [Лосев, 1999], Ю. М. Лотман [Лотман, онлайн], Н. М. Мухаметгареева [Мухаметгареева, 2017, 2022], Н. В. Подольская [Подольская, 1988], Е. А. Яковлева [Яковлева, 2013], М. Ямпольский [Ямпольский, 1993], Р. Bourdieu [Bourdieu, 1992], М. Charles [Charles, 1995], М. Heidegger [Heidegger, 2007, 2008], Leo H. Hoek [Hoek, 2001], E. Lecuit [Lecuit, онлайн] и пр.

Итак, живопись – это одна из форм искусства, которое, по мнению античных философов, например Аристотеля, способствует «очищению от страстей» человеческой души, ее «оздоровлению», то есть «катарсису» (цит. по: [Философия. Учебник для вузов, 2004. С. 508–511]).

Действительно, культурные потребности заложены в природе человека с древних времен, и обращение первобытных людей к новому для них виду деятельности – искусству – одно из величайших событий в истории человечества, достаточно вспомнить, к примеру, настенные рисунки Шульган-Таш, Каповой пещеры в Башкирии. С древнейших времен тяга к краскам, скульптуре, гравировке довлеет над человеком, отсюда и культ картин и статуй. Сближаясь с *игрой* (Й. Хейзинга), искусство овладевает звуками, красками, ритмами, смыслами. Фрейд называл искусство «легким наркозом», дающим мимолетное отвлечение от тягот жизни. Итальянский эстетик Б. Кроче трактовал искусство как «лирическую интуицию», «априорный синтез образа и чувства» (цит. по: [Философия. Учебник для вузов 2004, С. 517–526]). Явления, касающиеся красоты, искусства и условий их создания и оценки, отношения между искусством и другими видами деятельности подробно изучали знаменитые итальянцы: философ У. Эко [1998] и недавно ушедший историк и искусствовед Ф. Даверио [2022].

Привлекая к исследованию предметов искусства понятие нейминга, мы расширяем границы их изучения до уровня *институциональной социологии*, где они рассматриваются как рождение коллективного вкуса и напрямую связаны с процессами их *капитализации* [Hoek, 2001. Р. 140]. Это обусловлено тем, что ответ общества на вопрос, какие произведения реально относятся к искусству с большой буквы, в целом зависит от культурных предпочтений, характерных для различных социальных классов и часто буквально навязанных пропагандой [Bosredon, 1997. Р. 128]. Знаменитый искусствовед Дюре обозначил данный факт в конце XIX века в своей работе «Художники-импрессионисты», он писал так: «Вкус – это вопрос привычки, вкусу нужно учиться» (цит. по: [Heinich 1998. Р. 61]).

Картина, конечно, может получить одобрение публики, но часто эта похвала, легко преобразующаяся в капитал, обусловлена не только мастерством художника, но и результатами дебатов, широких обсуждений, споров, скандалов, возникающих регулярно в культурной сфере, а также другими обстоятельствами, далекими от ценностных ориентиров.

Как и все люди, художник не является полностью свободным, в своем видении прекрасного он вполне реально ограничен языковыми, социальными, культурными, временными, политическими и денежными (материальными) рамками. И его задача нередко состоит в том, чтобы заставить специалистов (критиков, ценителей искусства) подтвердить, что именно *это полотно* и есть настояще *искусство* [Heinich, 1998. Р. 57]. Именно поэтому процесс нейминга, т. е. узаконивания *артионима*, весьма важен, поскольку помогает подтвердить значимость предмета искусства в его конкретно-исторической и «денежной» форме. При этом не следует забывать уже сложившиеся (и используемые ранее) базовые принципы нейминга (лаконичность и звучность, уникальность, стилистическое своеобразие, «терминологичность» и авторскую индивидуальность).

Итак, процесс нейминга произведения искусства сталкивает нас с проблемой «художественного мотивированного словотворчества», при котором языковой знак приобретает концептуальный (понятийный) характер, являясь своего рода *текстом*, раскрывающим его эстетические потенции и отражающим национально-культурную специфику названия. Такое слово связывает индивидуальную и коллективную сферы бытия, реализует языковую антиномию *понимание/непонимание* и является своего рода паролем, помогающим ориентироваться в мире искусства: «Тайная вечеря» Леонарда да Винчи, «Сад земных наслаждений» И. Босха, «Девятый вал» И. К. Айвазовского, «Звездная ночь» В. Ван Гога, «Черный квадрат» К. С. Малевича.

Как знак, как слово-текст, артионим облекает в звуковую форму понятие, и его формирование представляет собой сложный процесс речемыслительного погружения в само произведение искусства с целью поиска общих смысловых структур. Ведь название не только индивидуализирует картину, подчеркивая ее особенные, специфические черты, но является продуктом мышления номинатора, что могут подтвердить великие русские философы, занимающиеся имяславием. С. Булгаков в известной работе «Философия имени» писал: «Всякое познание есть именование, а предикат, идея, срастааясь с субъектом, с подлежащим, дает имя. Таково

происхождение всех вообще именований и имен. При этом сращение это может быть более тесным и постоянным или же временным и преходящим, в зависимости от этого мы различаем так называемые «собственные» и «нарицательные» имена. Всякое имя в своем генезисе есть нарицательное, как возникающее от нарицания (именования), но оно же является непременно и собственным, если оно пристает к своему носителю как постоянный его предикат, так что носитель его именуется этим предикатом. Всякое имя является собственным в том смысле, что в нем избирается один предикат из бесконечного ряда других, которые могут быть к нему прилагаемы; этот отбор и есть именование в узком смысле, как давание имени» [Булгаков, 1953. С. 154].

Эта же мысль подчеркивается философом А. Ф. Лосевым, утверждавшим, что в акте именования снимается противоположность между субъектом и объектом, познающим и познаваемым, поскольку именование есть «высшая форма диалектического самораскрытия сущности» [Лосев, 1999. С. 137]. Ученый считал, что «в предметной сущности имени – последнее оправдание и опора всех качеств, свойств и судеб произносимого слова. То, что казалось несвязанным или необоснованным в слове как в арене встречи «двух» энергий, в слове как орудии общения, то самое должно найти свое полное подкрепление и оправдание в предметной сущности слова как в такой. Мы уже говорили о характере связи предметной сущности имени как таковой со словом как с ареной встречи. Мы говорили, что эта связь – косвенная. Однако на ней и основываются все судьбы живого слова. Открывающаяся нам в своих смысловых энергиях предметная сущность имени должна связать и воссоединить решительно все» [Лосев, 1999. С. 92].

Таким образом, изучение названия картины в рамках философской парадигмы, связанной с имяславием и лингвистической герменевтикой, предметом которой является истолкование языковой формы слова в тесной связи с текстом, оказывается оправданным, так как мы имеем дело с *именами собственными*, под которыми понимаем «совокупность различных категорий имен собственных, имеющих денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [Подольская, 1988. С. 38]. Артионим проявляет себя как часть исторического, социального, культурного, языкового поля, кроме того, он отражает замысел художника, отображая «художественное бытие произведения искусства, его дух и «логос», ре-дущированные до одного слова или словосочетания, то есть высказывания» [Мухаметгареева, 2017. С. 47].

Еще раз отметим, что мы рассматриваем произведение искусства как *креолизованный текст*, ибо в нем «вербальные и невербальные семиотические системы связаны на концептуальном, содержательном и композиционном уровнях и, как правило, соотносятся с существующей национально-культурной традицией» [Яковлева, 2013. С. 143]. Целостность, неделимость образа картины (невербальный/зрительный элемент) и его названия (вербальный элемент) отражает процесс «оязыковления» – «линеаризацию информации при переходе от наглядно-образного мышления к верbalному как последовательностям языковых означаемых» [Кретов, 2024. С. 6].

Артионим, обусловленный культурой, индивидуализированный и воспринимаемый как часть *креолизованного текста*, позволяет зрителю познать себя, свои внутренние глубинные процессы для более глубокого осмыслиения идеи автора. В этом плане нельзя еще раз не отметить, что номинация произведения искусства весьма специфична, так как, говоря об артиониме, мы имеем в виду сложную взаимосвязь полотна и его названия, где первая единица неизменна, а вторая зависит от многих факторов и является в определенной степени условной, представляя собой языковое воплощение замысла художника. И как тут не вспомнить о важнейшей антиномии языка, продекларированной Вильгельмом фон Гумбольдтом: антиномии *вещности и деятельности, ergon и energia* (цит. по: [Рамишвили, онлайн]).

Итак, на выбор артионима оказывают влияние разные составляющие, включая тему и сюжет произведения, стиль и технику живописи, цветовую гамму, эмоциональное воздействие на зрителя, а также личные взгляды и предпочтения художника как представителя

конкретной страны. Например, картина К. Моне «*Impression. Soleil levant*» – «*Впечатление, восход солнца*» стала в XIX веке символом целого направления живописи. Иначе говоря, сингармонизм невербальных и вербальных компонентов произведения искусства проявляется как «обобщенная характеристика объектов», которые обладают сложным внутренним строением.

Рассуждая о поэтике названий художественных произведений, отметим, что имя, прежде всего, зависит от выбранного жанра живописи. Так, еще в XVII веке все картины разделяли по жанрам: «высокий» и «низкий». К «высокому» жанру относили полотна исторического содержания: *батальный, аллегорический, религиозный и мифологический*; к «низкому» – сцены из повседневной жизни: *портрет, пейзаж, натюрморт, анимализм*. Являясь отображением действительности, жанры живописи менялись по мере развития искусства, а названия картины помогали зрителю проникнуть в содержание, подсказывая время и место исторического события.

Батальный жанр: «*Бой „Кирсарджа“ и „Алабамы“*» – «*Le Combat du Kearsarge et de l'Alabama*» (Э. Мане), «*Чесменский бой*» – «*La Bataille de Tchesmé*» (И.К. Айвазовский), «*Бородинская битва*» – «*La Bataille de Borodino*» (Ф.А. Рубо), «*Резня на Хиосе*» – «*Scènes des massacres de Scio: familles grecques attendant la mort ou l'esclavage*» (Э. Делакруа).

Аллегорический жанр: «*Аллегория войны*» – «*Allégorie de la guerre*» (П. Брейгель), «*Аллегория с Венерой и Амуром*» или «*Венера, Купидон, Безрассудство и Время*» – «*Allégorie du triomphe de Vénus*» (А. Бронзино), «*Череп с сигаретой*» – «*Crâne de squelette fumant une cigarette*» (В. Ван Гог).

Религиозный и мифологический: «*Персей и Андромеда*», «*Персей освобождает Андромеду*» – «*Persée couronné*», «*Persée et Andromède*» (П. П. Рубенс), «*Христос и грешница*» – «*Le Christ et la femme adultère*» (Рембрандт), «*Святое семейство*», «*Святое семейство с безбородым Иосифом*», «*Мадонна с безбородым Иосифом*» – «*La Vierge à l'enfant et saint Joseph*», «*La Vierge à l'enfant et saint Joseph glabre*» (Рафаэль Санти).

Портрет: «*Портрет Мадемуазель Раву*» – «*Portrait d'Adeline Ravoux*» (В. Ван Гог), «*Портрет Феликса*» – «*Portrait de Felix*» (К. Писсарро).

Пейзаж: «*Снежный пейзаж в Арле*» – «*Champs recouverts de neige autour d'Arles*» (В. Ван Гог), «*Летний пейзаж*» – «*Femme à l'ombrelle dans un jardin*», «*Снежный пейзаж*» – «*Paysage de neige*», «*Пейзаж с двумя фигурами*» или «*Две фигуры в пейзаже*» – «*Paysage avec deux personnages*» (О. Ренуар).

Натюрморт: «*Натюрморт с розами и подсолнухами*» – «*Roses et tournesols*» (В. Ван Гог), «*Натюрморт с испанскими перцами*» – «*Nature morte avec des poivrons*» (К. Писсарро), «*Натюрморт с букетом и веером*» – «*Nature morte au bouquet et à l'éventail*» (О. Ренуар), «*Натюрморт с рыбой*» – «*Nature morte au poisson*» (П. Гоген).

Как видим, специфика названий такого рода связана и с выбором лексики: *война, битва, бой, череп; святое семейство, Мария, Иосиф, грешница; портрет; пейзаж; натюрморт, букет, веер*.

Придумывая артионим, художник (владелец галереи, переводчик) учитывает будущую реакцию зрителя на картину, на его способность выделить наиболее существенные знаки композиции, соотносящиеся с эмоциями и смыслами. Тем самым номинатор задействует слово, которое максимально реализует познавательную, эмоциональную и эстетическую функции, помогая проникнуть в истинную, глубинную природу изображенного. Эстетическая функция артионима при этом – одна из важнейших и связана с тем, что название усиливает удовольствие зрителя от встречи с прекрасным и создает благожелательную атмосферу и позитивный контекст вокруг произведения искусства, формируя вкусы и побуждая к творческому преобразованию реальности, задача лингвиста – исследовать имя и в нем прочитать часть художественного кода. Например: «*Поминки*» Ф. С. Журавлёва, «*Юдифф, обезглавливающая Олоферна*» М. М. Караваджо, «*Лицо войны*» С. Дали, «*Кошмар*» И. Г. Фюсли, «*Праздничный*

стол» В. М. Васнецова, «Яблоки на столе около печи» П. П. Кончаловского, «За самоваром» К. С. Петрова-Водкина.

Если же расширить интерпретацию артионима в философских традициях, то смысл *артионима-текста* раскрывается через диалектику понимания личности художника, его взглядов и конкретного хронотопа, для чего и привлекается лингвогерменевтическая методология, направленная на общие вопросы понимания и интерпретации текстового общения. В этом плане Х.-Г. Гадамер, всемирно признанный авторитет в области классической филологии и эстетики, отмечал (считая объектом исследования текстовое общение как знаково-символическую систему), что «все носители языка... говорят только текстами, а не словами и не предложениями» [Гадамер, 1988. С. 427]. Раскрытие сущности артионима (при его соотношении с самой картиной), его постижение можно трактовать как освоение одним сознанием (зрителя) внутреннего мира другого (художника) через истолкование явных и неявных знаков и смыслов, выраженных в структуре произведения искусства. При этом используется «герменевтический круг», или метод «движения по кругу», когда целое понимается через его части, а часть понимается из целого.

Особенно важно, при процессе номинации «иностранных» полотна, учитывать антионимию *свое – чужое*, так как в этом случае одна культура пересекается с другой, затрудняя проблему понимания идейно-художественного содержания картины, связанную с тем, что национальные формы внедрены в структуру полотна и могут быть непонятны новому зрителю.

Приведем пример интерпретации артионима «*La prune*» (Э. Мане) (досл. *слива, сливовая водка, сливовая настойка*) [Мультитран, онлайн]. На картине изображена подвыпившая девушка за столиком питейного заведения, которая отдыхает в одиночестве с рюмкой сливовой наливки, что вполне приемлемо для гастрономической культуры Франции. В русском искусствоведческом дискурсе нами были найдены три названия картины: «*Слива*», «*Сливница*», «*Подвыпившая*». Метод истолкования множества скрытых смыслов, содержащихся в креолизованном тексте, позволил провести анализ, включая психолингвистический эксперимент [Мухаметгареева, Яковлева, 2023. С. 244], и прийти к определенным выводам. Прежде всего, было выяснено, что в России напиток *сливница* малоизвестен и непопулярен, и зритель задался бы вопросом: «А что она пьет?» Поэтому основной перевод картины был представлен при помощи калькирования: «*Слива*», хотя он также не способствовал пониманию замысла художника. Другой переводчик подошел к процессу номинации иначе, опираясь на визуальное восприятие полотна, он подчеркнул, прежде всего, нетрезвое состояние одинокой барышни, изображенной на картине. Расширяя объем частей герменевтического круга, номинатор выдвинул на первый план социально-бытовой аспект: девушка отдыхает в кафе. Но то, что принято во Франции, не одобряется в России: разные социумы, разные привычки и разные оценки. Одинокая и подвыпившая девушка в питейном заведении не вызывает сочувствия в русском сознании, и название «*Подвыпившая*» воспринимается зрителем не как отдых француженки, а как ее осуждение. Наш вывод подтверждается тем, что картина Э. Мане была использована в *Каталоге антиалкогольной выставки* (Третьяковская галерея, 1929), (девиз: «Искусство вместо водки») [Коммерстанть, 15.05.2020, онлайн].

Приведем еще пример, на наш взгляд, неудачных артионимов, когда вокруг названия не создается сложное интертекстуальное поле ассоциаций и не проявляется взаимодействие языка и национальной культуры. Номинаторам в этом случае нужно было создать такой вариант слова-текста, в котором не только был бы отражен специфический колорит, но и сохранена эквивалентность и адекватность эмоций восприятия [Трегубова, 2020. С. 111]. Две известные картины: «*Купчиха за чаем*» – «*Femme de marchand prenant le thé*» (Б. М. Кустодиев) и «*Бар в Фоли-Бержер*» – «*Un bar aux Folies-Bergère*» (Э. Мане) явно передают относительно схожие житейские сюжеты России и Франции. В то же время эмоциональная составляющая этих полотен резко различается, на что явно влияет языковое сознание зрителя и сам артионим. На одной картине – мир и гармония: пышнотелая купчиха, восседающая за чаем на террасе

особняка на фоне провинциального городского пейзажа. Она расслаблена и наслаждается так любимым для русского бытования процессом отдыха за чаем: даже мизинец отстранен. Яркие краски создают атмосферу домашнего уюта: самовар, пышущий жаром, алый арбуз, варенье, фрукты, кекс и кот, ластищийся к хозяйке, все солидно и по-купечески значимо. Впереди много спокойного времени, можно ни о чем не думать. Именно так воспринимает знакомый мир русский зритель.

Полотно же Э. Мане передает другую эмоцию: сплошную внутреннюю дисгармонию, обостряемую столом знакомым для парижан эргонимом *Фоли-Бержер*, известным увеселительным заведением Парижа. На барной стойке присутствует широкий ассортимент вин, фрукты, бокалы, цветы и рядом – как часть предлагаемых удовольствий плотского характера – скромная барменша (не случайно ее фигура дублирует своим абрисом стоящую рядом бутыль). Художник явно сочувствует девушки: вспомним, что продажная любовь – одна из важнейших тем его картин. Две героини и стол разные эмоции: роскошная купчиха и печальная барменша. Однако такие знаковые, ключевые для русской и французской культур слова, как *купчиха, чаепитие, Фоли-Бержер*, в артиониме не сработали: сопереживания героям обоих полотен с их помощью не случилось. Да, конечно, гамма чувств, охвативших зрителя, стоящего перед полотном художника, была, скорее всего, одинаковой, однако только точно выбранное название способно привлечь внимание к «болевой точке» и сфокусировать на ней восприятие аудитории и даже усилить его. Таким образом, точно подобранный артионим (к примеру, такое название второй картины, как «Все на продажу») становится уникальным инструментом, способным не только наэлектризовать зрителя, но и создать в его сознании новые, иногда неожиданные ассоциативно-вербальные связи, расширяя когнитивные способности и парадигму испытываемых зрителями чувств [Lecuit, онлайн].

В этом случае, как положительный и даже юмористический пример, можно упомянуть забавный образец номинации, отраженный в названии картины К. Калера «Любовники моей жены» – «My Wife's Lovers» (англ.). Это название было предложено мужем заказчицы, миллионерши Кейт Бердселл, которая обожала котов и держала дома их во множестве. Услышав название, мы явно ожидаем увидеть нечто провокационное, но на самом деле перед нами прайд хаотично изображенных котов.

Таким образом, артионим является неотъемлемой частью креолизованного текста, своеобразным *триггером* (своего рода «спусковым крючком»), формирующим особую единицу искусствоведческого дискурса, расширяющего интертекстуальное поле культуры и влияющим на него, одновременно отражая художественное кредо мастера, его манеру письма.

В качестве подкрепления нашего анализа мы разберем произведения В. Г. Перова, чьи названия (нередко *оксюмороны*) оказали огромное влияние на людей того времени, позволяя задуматься о несправедливости жизни: «Чаепитие в Мытищах», «Тройка. Ученики-мастеровые везут воду», «Монастырская трапеза», «Проводы покойника», «Сельский крестный ход на Пасхе», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Очередь за водой у бассейна», «Последний кабак у заставы» и др.

Проанализируем работу В. Г. Перова «Тройка», или «Тройка. Ученики-мастеровые везут воду», которая представлена в различных музейных каталогах мира. Для русского человека вполне понятно, что автор, называя полотно, нарочито подчеркивал всю трагичность изображаемого, ведь *тройка (тройка лошадей)* ассоциируется, прежде всего, с праздниками, шумными гуляньями, радостью, смехом, русскими просторами, скоростью. Недаром вспоминается известный отрывок Н. В. Гоголя о *птице-тройке*. Но на полотне мы видим нечто другое: трое измученных, не по погоде одетых детей, надрываясь, тянут сани с огромной бочкой воды. И в данном конкретном случае слово «Тройка» не вызывает у зрителей радужных ассоциаций: *сани, упряжка, кони, трио, повозка, бубенцы, зима, ямщик, бежит, ехать, упряжь* [Карта слов и выражений русского языка, онлайн], но приобретает иной, противоположный смысл: *холод, голод, мрак, боль, тяжелый труд, несчастные дети*. И хотя переводчи-

ки артионима на французский язык использовали транслитерацию: «*Troïka. Apprentis Artisans Portant de l'Eau*» (франц.) – «*Troika. Apprentice Artisans Carrying Water*» (англ.) («Тройка. Ученики мастеровые везут воду»), первое слово ничего не вызовет в душе иноязычного зрителя, поскольку в ментальности иностранца слово *тройка* не зафиксировано» [Мухаметгареева, Яковлева, 2022. С. 378].

Следует сказать, что картина мира меняется от языка к языку, и интериоризация одной эстетической системой «чужих» образов другой системы предполагает ее переструктурирование и, по возможности, приятие новых оценок. Поэтому мы и понимаем картину как специфический культурный текст [Лотман, онлайн], «где в тексте две составляющих: вербальная (оним) и невербальная (изображение)» [Мухаметгареева, 2017. С. 51].

Рассматривая артионим в аспекте его рекламности (нейминга), мы также обратили внимание на его специфическую функцию: *коммерческую*. В наше время картина оценивается в качестве денежного эквивалента, который однозначно превосходит духовный, а имя художника воспринимается как бренд, который может принести миллионы (существует огромное количество репродукций, шарфов, статуэток, тарелок с изображением всеми известных *подсолнухов*, *ирисов* В. Ван Гога, *водяных лилий* К. Моне, *портретов* О. Ренуара, *трубки* Р. Магритта, *часов* С. Дали). Отсюда артионим, входя в систему других названий авторских картин, становится своего рода «банковской картой», информирующей о материальном благополучии его владельца.

Это связано с тем, что эстетическая природа художественного полотна делает его менее подозрительным инструментом обогащения, так как признанное произведение искусства является продуктом не только отдельного художника, сколько социальных и психических отношений, существующих между индивидуальным видением художника, интересами критиков и реципиентов. Эти отношения порождают соответствующую мифическую веру в творческую силу художника и в обоснованность различия между искусством и не-искусством. Следует помнить, что художественная концепция художника или критика не является стабильной данностью, она не приобретается раз и навсегда; на самом деле, она постоянно меняется под влиянием различных эстетических, психологических или социальных факторов. Как критик, так и даже сам художник может изменить свою оценку эстетической ценности произведения (ярчайший тому пример – Илья Репин, которому было запрещено заходить в Третьяковскую галерею самим Павлом Третьяковым, так как он дописывал свои уже завершенные и даже проданные работы). В этом случае автор мог обосновать изменение своего мнения, ссылаясь на другую художественную концепцию.

Таким образом, онимы в искусстве становятся часто материальным двигателем, повышающим символическую ценность полотна, а имя художника даже оказывается определяющим фактором ценности картины.

Примером сказанного может послужить полотно французского импрессиониста П. Сезанна «Игроки в карты» – «*Les joueurs de cartes*»: художник написал пять похожих работ, четыре из них находятся в музеях мира, пятая же картина в 2012 г. была куплена королевской семьей Катара за 250 миллионов долларов, и это рекордная стоимость.

Еще один принцип номинации можно соотнести с тем фактом, что название способно передавать не только эмоционально-эстетическую составляющую, но и сложные философские идеи, которые вкладывал с помощью аллегорий, символов и метафор художник. В живописи использовали аллегории для передачи сложных идей – любви, жизни, смерти, добродетели и справедливости – через визуальные символы и метафоры. Аллегория подобна скрытому значению, ожидающему своего раскрытия зрителем, а такая картина может включать фигуры, олицетворяющие различные эмоции: зависть, страх, любовь, одиночество. Так, в произведениях В. Ван Гога мы выделили пять основных символов/аллегорий: **подсолнух** (как символ жизни) («Подсолнух» – «*Tournesols*»); **картофель** (как символ тяжелого крестьянского труда и нужды) («Едоки картофеля» – «*Mangeurs de pommes de terre*»); **башмаки** (как символ

не только бедности, но и тяжелого жизненного пути самого автора) («Пара башмаков» – «Une paire de chaussures»); **стул** (как символ одиночества, трагического ухода) («Стул» – «La chaise de Vincent», «Горюющий стул» – «Au seuil de l'éternité», «Стул Поля Гогена» – «La chaise de Gauguin»); **кипарис** (как символ души автора) («Кипарис на фоне звездного неба» – «Route avec un cyprès et une étoile»). В этом случае мы сталкиваемся с философской картиной мира, которая напрямую зависит от времени, в котором художник живет, окружающего его пространства, национальных пристрастий, привычек, религиозных приверженностей и т. п.

Интересен тот факт, что пятым символом В. Ван Гога, о котором мы упоминали, является **кипарис**, и именно с ним художник ассоциировал свою собственную душу. Работая над картиной «Звездная ночь» – «Nuit étoilée» в клинике для душевнобольных, В. Ван Гог повторял: «... «Я» – это изгой-кипарис, который отдален от деревни, вынесен за пределы человеческого мира» (цит. по: [Ревякина, онлайн]).

Именно в таких случаях переводчику названия сложно передать эмоциональную составляющую произведения искусства, так как языковая картина мира, культурный код каждого народа различаются между собой. Как передать на русском языке всю ту глубокую трагедию В. Ван Гога, о которой он говорит и которую воплощает в своих картинах? Можно ли было картину назвать «Звездная ночь», если она по эмоциональному накалу – что-то вроде «Крика» Э. Мунка? Если французский художник сравнивал свою израненную душу с этим величественным южным деревом, то для русского человека ассоциации со словом *кипарис* совершенно иные. Ничего, кроме как *стройный как кипарис*, мы не нашли, а *звездное небо* ассоциируется с вечерним покоем и красотой. Точно так же совершенно непонятна иностранцам горькая любовь М. Цветаевой к *рябине* (*рябина – судьбина русская*) [Цветаева, онлайн] или С. Есенина к березе (*как жену чужую, обнимал березку*) [Есенин, онлайн].

Итак, иногда непродуманное до конца название, к сожалению, не позволяет осознать всю глубину мысли автора, не связывает его с обращением к истокам, к великим мастерам, как это недавно сделал французский исследователь творчества В. Ван Гога, разгадавший систему символов и тайных смыслов, закодированных в произведении искусства, но не обозначенных в артиониме «Terrasa кафе ночью» – «Terrasse du café de nuit». Так, в 2015 году Д. Бакстер неожиданно сравнил содержание данного полотна с «Тайной Вечерей» Леонардо да Винчи. Он заметил в ней некие поразительно схожие знаки и символы: за столиками в кафе сидят ровно 13 человек, что совпадает с числом персонажей картины Леонардо да Винчи. В центре композиции находится офицант – с длинными волосами и в белой одежде, и эти отдельные приметы навели мысль исследователя на религиозную тему. За спиной официанта находится оконная рама в виде креста, офицант, как и Христос на картине, предлагает своим посетителям пищу, над головой официанта сияет яркий свет от фонаря в виде нимба. Кроме того, отдельное место В. Ван Гог отводит звездному небу как образу пути к Богу. Картина «Terrasa кафе ночью» – «Terrasse du café de nuit» занимает второе место в мире в списке десяти самых воспроизводимых и копируемых полотен за последние десять лет, однако артионим в этом плане оказался «безгласным». Недаром известный искусствовед М. Б. Ямпольский отмечал, что «обновление искусства» исследователи связывают, как это ни парадоксально, «с обращением к истокам, с имитацией великих мастеров античности» [Ямпольский, 1993. С. 407].

Анализируя артионимы с позиции лингвокультурологии, можно также отметить, что они являются важными элементами осознания антиномии свое vs чужое, так как представляют собой конкретные идентификаторы людей, ландшафтов, флоры, фауны и т. д., способных вызывать ту или иную эмоциональную реакцию у аудитории. В такой функции они используются для формирования между словами и концептами сложных *ассоциативно-вербальных связей* (Ю. Н. Карапулов), *интертекстуальности* [Там же. С. 405], формируя языковую картину мира и демонстрируя факты и явления художественной эволюции культуры народа. И именно в этом случае имя собственное (артионим) проявляет свое «культурное» предназначение, эмоциональный накал. Мы обнаружили это, рассматривая различные музейные каталоги и сравнивая

названия картин. Оказалось, что при переводе с одного языка на другой выявляется достаточно большое количество разночтений. Примером могут послужить артионимы импрессионистов в русском и французском искусствоведческих дискурсах: П. Сезанн «*Avenue à Chantilly*» (досл. *проспект, авеню в Шантильи*) [Мультитран, онлайн] – «*Дорога в Шантильи*»; В. Ван Гог «*Pêchers en fleurs*» (досл. *персиковое дерево в цвету*) [Мультитран, онлайн] – «*Деревья в цвету*»; К. Писсарро «*Chemin montant à travers les champs*» (досл. *дорога, поднимающаяся через поля*) [Мультитран, онлайн] – «*Тропинка через поля*»; О. Ренуар «*Champ de roses*» (досл. *поле роз*) [Мультитран, онлайн] – «*Розарий*» и пр.

Еще раз подчеркивая данный факт, приведем в пример артионим, который в русской версии более точно, а главное – «привычно» отражает сюжет картины «*Le paysan travaillant*» – «*Крестьянин с бороной*» (*le paysan* – досл. *крестьянин, travaillant* – participle présent глагола *travailler* – *трудиться* [Мультитран, онлайн]). Дословно название переводится на русский язык как *работающий крестьянин*. Однако на картине В. Ван Гога изображен крестьянин, занимающийся определенным трудом: боронящий землю, что и отразил в названии полотна русский номинатор. Трансформируя название полотна с одного языка на другой, переводчик не просто декодирует и перекодирует информацию, он очень часто следует за невербальными составляющими картины, за тем художественным образом, который воплощен на полотне.

В качестве еще одного примера «потери национального колорита» при переводе-транслитерации рассмотрим название картины В. И. Сурикова «*Боярыня Морозова*». История семьи Морозовых в России известна. Будучи представителями рода Романовых, они владели огромным состоянием, находились «при власти». Однако главный персонаж картины В. И. Сурикова, боярыня Феодора, которую старообрядцы считают своей святой, не приняла новую веру и обрекла себя на изгнание. На картине непокорная боярыня подняла правую руку как вызов, сложив старообрядческое двуперстие. Ее духовник протопоп Аввакум писал о раскольнице: «Персты рук твоих тонкостны, очи твои молниеносны, и кидаешься ты на врагов аки лев...» (цит. по: [Мороз, онлайн]). Сам В. И. Суриков вспоминал, что ключ к образу главной героини картины «*Боярыня Морозова*» дала увиденная однажды ворона с чёрным крылом. Птица билась о снег.

В английском и французском искусствоведческих дискурсах такое значимое для русских название представлено в виде транслитерации «*Boyaryna Morozova*» (англ.) «*La Boyarine Morozova*» (франц.). В толковых словарях французского и английского языков дано следующее определение существительного *la boyarin* (франц.) *boyard, boiar – ancien seigneur, gros propriétaire terrien des pays slaves en particulier de Russie* (досл. *старинный вельможа, крупный землевладелец славянских земель, особенно России*) [Trésor de la Langue Française informatisé, онлайн]. *Boyaryna* (англ.) *boyarin – the highest layer of feudal society in the X–XVII centuries in the Old Russian State. Boyaryna (historical) – female boyar (a rank of aristocracy in Russia)* (досл. *представитель самого высокого уровня феодального общества в X–XVII веках в Старом Русском государстве. Боярыня – боярин женского рода (аристократия в России)*). Сделаем вывод, что для иностранного ценителя искусства замысел художника, трагический мотив картины совершенно не понятен. То есть идея полотна о женской трагической судьбе и «русской непокоренности», которая очевидна нашему соотечественнику, остается загадкой для иностранца, не знакомого со знаковым именем *героини*. Кстати, «Ассоциативный словарь русского языка» отмечает важные для нас реакции на стимул *боярыня: боярышник, боярин, барышня, сударыня, Суриков, барыня, Морозова, женщина, барин, князь, кокошник, сударь, пляс, графиня, Морозко, шуба, княжна, дворянство, купчиха* [Ассоциативный словарь русского языка, онлайн].

Выводы

На основе данного исследования, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, художественное полотно как феномен живописи представляет собой двоякий процесс передачи информации и состоит из двух элементов: самой картины (невербальная часть) и артионима (равноправной вербальной части), и именно это единство мы называем **креолизованным текстом**.

Во-вторых, в процессе создания произведение искусства проходит сложный путь кодировки мыслей и чувств художника в материальную форму, т. е. реальное воплощение образа, «духа» картины, ее глубинного замысла с помощью материальных составляющих (холст, краски, слово). При этом, как нам представляется, хотя вербальная часть креолизованного текста стала линейно проще, но в смысловом отношении сложнее, поскольку в процессе эволюции прошла путь от жанра описания того, что изображено художником, до жанра рассуждения, т. е. уникальной единицы искусствоведческого дискурса. В этом взаимодействии артионим стал неделимой частью единого целого, неся дополнительную информацию для более глубокого раскрытия интенции художника, часто являясь философской разгадкой смысла картины. К примеру, Р. Магритт «Фальшивое зеркало», С. Дали «Сон, навеянный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения», М. З. Шагал «Адам и Ева изгоняются из рая» и пр. Таким образом, мы осознаем в процессе номинации реализацию универсальных антионимий языка, о которых говорилось выше: *вещность – деятельность, (ergon и energia), свое – чужое, объективное – субъективное, индивидуальное – коллективное, произвольное – мотивированное, понимание – непонимание*.

В-третьих, артионимы представляют собой объекты не только духовной, но и материальной культуры, и здесь коммерческий компонент, связанный с именем художника, названием полотна, играет значительную роль и является постоянно изменяющейся единицей, зависящей не только от определенного мнения, но и от эпохи, культуры, вкусов публики, критиков и пр.

В-четвертых, в нашем исследовании мы обратили внимание на перевод названия полотна с одного языка на другой, так как этот процесс является собой сложный путь перекодирования смыслов, который проходит национальный артионим, чтобы установить коммуникативные связи между представителями разных языковых картин мира. Поэтому основная задача переводчика – понять эмоции, настроение и замысел художника и вписать их в сферу искусствоведческого дискурса другой страны, другого языка, не потеряв эмоциональный заряд и смысл креолизованного текста, являющегося сложным семиотическим целым. Неслучайно многие имена собственные представляют собой словесные феномены, которые предопределяют хронологические параметры цивилизации. Они одновременно и консервативны, и подвержены сиюминутным изменениям; они содержат огромную языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно разными научными методами. Визуальный образ перевоплощается в слово-текст, которое задействует совершенно новые смысловые языковые и неязыковые ассоциативные связи, демонстрирующие литературоведческий, географический, историко-культурный, социологический, культурологический и этнографический компоненты. Только общность структуры двух частей креолизованного текста позволяет их соотнести и расширить бытование в сфере мировой культуры.

Список литературы

- Игра в ассоциации с коллективным разумом [Электронный ресурс]: словарь. URL: <https://sociation.org/> (дата обращения: 22.05.2024).
- Булгаков С.** Философия имени. Париж: Ymka-Press, 1953. 280 с.
- Гадамер Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

- Даверио Ф.** Искусство. История. Жизнь. Калейдоскоп событий. М.: Слово, 2022. 384 с.
- Волохова У.** Искусство вместо водки. «Коммерсантъ Weekend» №15. 15.05.2020. С. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4340999> (дата обращения: 22.05.2024).
- Грегори Р. Л.** Разумный глаз: как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях. URL: <https://www.yugzone.ru/articles/265> (дата обращения: 22.05.2024).
- Есенин С.** Клен ты мой опавший. URL: <https://www.culture.ru/poems/43520/klyon-ty-moi-opavshii> (дата обращения: 22.07.2024).
- Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения 30.10.2023).
- Кретов А. А., Пешкова А. Б.** Коммуникативный тект и сложные слова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 6–12. URL: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/6-12> (дата обращения: 01.04.2024).
- Лосев А. Ф.** Философия имени // Самое само: соч. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 29–204.
- Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460748/> (дата обращения: 01.04.2024).
- Мороз М.** Бунт, казнь и швейцарский поход: как Василий Суриков писал российскую историю. URL: https://tass.ru/spec/surikov_170 (дата обращения: 01.04.2024).
- Мультитран [Электронный ресурс]: словарь. URL: www.multitran.ru (дата обращения: 01.04.2024).
- Мухаметгареева Н. М.** Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах лингвокультурологический аспект перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2017. 203 с.
- Мухаметгареева Н. М., Яковлева Е. А.** Влияние эмоциональной ауры креолизованного текста на выбор артионима // Ономастика Поволжья. Материалы XXI Междунар. науч. конф. Рязань, 2023. С. 242–246.
- Мухаметгареева Н. М., Яковлева Е. А.** Артионим как вербализованное воплощение эстетико-эмоционального потенциала художественного полотна // Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства: коллективная моногр. Нижний Новгород, 2022. С. 374–381.
- Орлова Д.** Почему художники пишут одно, а рисуют другое: загадочный нейминг в живописи? URL: <https://dzen.ru/a/XmjY0Efae1SRI7xA> (дата обращения: 01.04.2024).
- Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии; отв. ред. А. В. Суперанская. Ин-т языкоznания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Рамишвили Г. В.** Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкоznания // Г. В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт «Избранные труды по языкоznанию». М., 1984. С. 5–33. URL: <https://iphil.ru/vilgelm-fon-gumboldt-osnovopolozhnik-teoreticheskogo-yazykoznaniya> (дата обращения: 01.04.2024).
- Ревякина М. Е.** Найти свой путь к небу. URL: https://www.hse.ru/ma/psyan/article/Psychologies/sky_vangog (дата обращения: 01.04.2024).
- Трегубова Ю. А.** Национально-маркированная лексика в современной американской художественной литературе: особенности и возможности перевода на русский язык // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 1. С. 108–118. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10, URL: <https://rrlinguistics.ru/journal/article/2015/> (дата обращения: 01.04.2024).
- Философия. Учебник для вузов / под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. М., 2004. 622 с.
- Цветаева М.** Рябину рубили зорькою. URL: <https://www.culture.ru/poems/35312/ryabinu-rubili-zorkoou> (дата обращения: 30.08.2024).
- Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 392 с.
- Яковлева Е. А.** Креолизованный текст как объект юрислингвистики (стратегии и тактики исследования) // Юрислингвистика I (ХII). Науч.-практ. журнал. Кемерово, 2013. С. 139–152.

- Ямпольский М.** Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: Культура, 1993. 464 с.
- Bosredon B.** Les titres de tableaux. Une pragmatique de l'identification. Paris: P.U.F., 1997. 278 p.
- Bourdieu P.** Les Règles de l'art : genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil, 1992. 480 p.
- Charles M.** Introduction à l'étude des textes. Paris: Seuil, Coll. «Poétique», 1995. 388 p.
- Dictionnaire de français [Electronic Resource]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 30.10.2023).
- Heinich N.** Le Triple Jeu de l'Art Contemporain. Sociologie des arts plastiques. Paris: Edition de Minuit, 1998. 384 p.
- Hoek Leo H.** Titres, toiles et critique d'art. Netherlands: Editions Rodopi B.V., 2001. 389 p.
- Lecuit E.** La traduction des noms propres: une étude en corpus [Electronic Resource]. URL: <http://corpus.revues.org/2086> (дата обращения: 30.04.2023).
- Trésor de la Langue Française informatisé [Electronic Resource]. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire/definition/boyard> (дата обращения: 30.10.2023).

References

- Association Game with the Collective Mind. [Electronic Association Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://association.org/word/%D0%B1%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%8B%D0%BD%D1%8F/> (accessed: 22.05.2024). (in Russ.)
- Bulgakov S.** Philosophy Name. Paris: YMKA-PRESS, 1953. 280 p. (in Russ.)
- Gadamer H.-G.** Truth and method: foundations of philosophical hermeneutics. Moscow, Progress publ., 1988. 704 p. (in Russ.)
- Daverio F.** Art. History. Life. Kaleidoscope of events. Moscow, Slovo publ., 2022. 384 p.
- Volokhova U.** Art instead of vodka. In U. Volokhova, *Kommersant Weekend* 2020, no. 15, pp. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4340999> (accessed 22.05.2024). (in Russ.)
- Gregory R. L.** The Intelligent Eye: How we know what is not given to us in sensations. URL: <https://www.yugzone.ru/articles/265> (accessed: 22.05.2024). (in Russ.)
- Esenin S.** You are my fallen maple tree. URL: <https://www.culture.ru/poems/43520/klyon-ty-moi-opavshii> (accessed: 22.07.2024). (in Russ.)
- Map of words and expressions of the Russian language. URL: <https://kartaslov.ru> (accessed: 30.10.2023). (in Russ.)
- Kretov A. A.** Communicative tact and complex words. *Vestnik VGU*. (4), 2024. Серия: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, (4). URL: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/6-12> (accessed: 01.04.2024). (in Russ.)
- Losev A. F.** Philosophy of the name. Moscow, EKSMO-Press, 1999, pp. 29–204. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** The structure of a literary text. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460748/> (in Russ.)
- Moroz M.** Rebellion, execution and Swiss campaign: how Vasily Surikov wrote Russian history. URL: https://tass.ru/spec/surikov_170 (accessed: 01.04.2024). (in Russ.)
- Multitran [Electronic dictionary of the English and French Languages]. URL: www.multitran.ru. (In French)
- Mukhametgareeva N. M.** Artionim in French and Russian art historical discourses, linguocultural aspect of translation. (Doctoral dissertation). Bashkir State University, Ufa, 2017, 203 p. (in Russ.)
- Mukhametgareeva N. M., Yakovleva E. A.** The influence of the emotional aura of a creolized text on the choice of artionym. *Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga Region*, Ryazan, 2023, pp. 242–246. (in Russ.)
- Mukhametgareeva N. M., Yakovleva E. A.** Artionim as a verbalized embodiment of the aesthetic and emotional potential of an artistic canvas]. *Nacional'no-kul'turnye kody mirovoj literatury v*

- kontekste audiovizual'nyh praktik iskusstva. Kollektivnaya monografiya = National and cultural codes of world literature in the context of audiovisual art practices. Collective monograph.* Nizhny Novgorod, 2022, pp. 374–381. (in Russ.).
- Orlova D.** Why do artists write one thing and paint another: mysterious naming in painting? Retrieved from <https://dzen.ru/a/XmjY0Efao1SRI7xA> (accessed: 01.04.2024). (in Russ.).
- Podolskaya, N. V.** Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, Nauka publ., 1988, 192 p. (in Russ.).
- Ramishvili G. V.** Wilhelm von Humboldt – Founder of Theoretical Linguistics // G.V. Ramishvili to the collection Wilhelm von Humboldt ‘Selected Works on Linguistics’. M., 1984, pp. 5–33. URL: <https://iphil.ru/vilgelm-fon-gumboldt-osnovopolozhnik-teoreticheskogo-yazykoznaniya> (accessed: 01.04.2024). (in Russ.)
- Revyakina M. E.** Find your way to the sky. URL: https://www.hse.ru/ma/psyan/article/Psychologies/sky_vangog (accessed: 01.04.2024). (in Russ.)
- Tregubova Yu. A.** Nationally marked vocabulary in modern American fiction: features and possibilities of translation into Russian. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki = Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics.* 2020, vol. 6, no. 1, pp. 108–118. (in Russ.)
- Lavrinenko V. N.** Philosophy. In Prof. V. N. Lavrinenko, prof. V. P. Ratnikova (Eds). Moscow, 2004, 622 p. (in Russ.).
- Tsvetaeva M.** Wild ash was cut at dawn. URL: <https://www.culture.ru/poems/35312/ryabinu-rubili-zorkoyu> (accessed: 30.08.2024). (in Russ.).
- Eco U.** The Absent Structure. Introduction to Semiology. Saint Petersburg, Petropolis publ., 1998, 392 p.
- Yakovleva E. A.** Creolized text as an object of jurislinguistics (strategies and tactics of research)]. *Yurislingvistika I (XII). Nauchno-prakticheskiy zhurnal.* Kemerovo. 2013, pp. 139–152. (in Russ.)
- Yampolsky M.** Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema. Moscow, RIK “Culture”, 1993. 464 p. (in Russ.)
- Bosredon B.** Les titres de tableaux. Une pragmatique de l'identification [Table titles. A pragmatics of identification]. Paris, P.U.F. 1997, 278 p. (In French)
- Bourdieu P.** Les Règles de l'art : genèse et structure du champ littéraire [The Rules of Art: genesis and structure of the literary field]. Paris, Seuil, 1992, 480 p. (In French)
- Charles M.** Introduction à l'étude des textes [Introduction to the texts study]. Paris, Seuil, Coll. «Poétique», 1995, 388 p. (In French)
- Dictionnaire de français [Electronic Dictionary of the French Language]. Retrieved from <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (accessed: 30.10.2023). (In French)
- Heinich N.** Le Triple Jeu de l'Art Contemporain. Sociologie des arts plastiques [The Triple Game of Contemporary Art. Sociology of the plastic arts]. Paris Edition de Minuit, 1998, 384 p. (In French)
- Hoek Leo H.** Titres, toiles et critique d'art [Titles, paintings and art criticism]. Netherlands: Editions Rodopi B.V. 2001, 389 p. (In French)
- Lecuit E.** La traduction des noms propres: une étude en corpus [The translation of proper names: a corpus study]. URL: <http://corpus.revues.org/2086> (accessed: 30.04.2023). (In French)
- Trésor de la Langue Française informatisé [Electronic Dictionary of the French Language]. URL: <https://www.lalanguefrançaise.com/dictionnaire/definition/> (accessed: 30.10.2023). (In French)

Информация об авторах

Мухаметгареева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Юсупова Зиля Анасовна, кандидат филологических наук, доцент

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук

Information about the Authors

Natalya M. Mukhametgareeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Zilya A. Yusupova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Evgenia A. Yakovleva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 19.09.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 22.11.2024*

*The article was submitted 19.09.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 22.11.2024*

Научная статья

УДК 81'272

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

Лексико-грамматическая интерференция русского и английского языков в интернет-общении

**Любовь Александровна Ульяницкая
Елизавета Сергеевна Скрынник**

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Санкт-Петербург, Россия

ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>
skrynnik_elisabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6360-7471>

Аннотация

Настоящее исследование посвящено феномену языковой интерференции в паре русский – английский языки в контексте продолжающегося укрепления статуса английского языка как международного языка онлайн-общения. Актуальность исследования заключается в том, что работа отвечает научной потребности в изучении процесса языкового контакта русского и английского языков в интернет-пространстве, а также языковых процессов, наблюдающихся в системе современного русского языка. Цель настоящей работы – выявление и анализ особенностей лексической и грамматической интерференции в паре русский – английский языки в среде интернет-общения. Методы исследования, использованные в работе, обусловлены ее целью, задачами и характером языкового материала: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный и семантический анализ, а также комплексный анализ экстралингвистических факторов интерференции. В ходе исследования обнаружилось, что пользователи Интернета стремятся приблизить онлайн-коммуникацию к офлайн-общению, мгновенно превращая потенциальное речевое высказывание в печатный текст. Изучение лексико-грамматической интерференции показало, что чаще всего пользователи сети Интернет прибегают к использованию иноязычных единиц в тех случаях, когда желают уменьшить эмоциональную нагрузку высказывания или сталкиваются с невозможностью выразить определенную грамматическую или лексическую сему с помощью единиц русского языка. Говорящие используют не свойственные родному языку синтаксические модели для упрощения высказываний. Последствия языковой интерференции весьма специфичны. В материале исследования обнаружены случаи повторного использования значительного количества интерферированных единиц, что свидетельствует, с одной стороны, о склонности этих единиц закрепляться в индивидуальном словаре носителя, и, с другой стороны, о возможности их перехода сначала в узус, а затем, вероятно, и в языковую норму. Результаты исследования также свидетельствуют о тенденции приближения русского языка к аналитическому типу, в первую очередь через непроизвольную редукцию падежной системы в разговорной речи.

Ключевые слова

интерференция, английский язык, русский язык, языковые контакты, билингвизм, интернет-общение

Для цитирования

Ульяницкая Л. А., Скрынник Е. С. Лексико-грамматическая интерференция русского и английского языков в интернет-общении // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23. № 2. С. 50–62. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

English-Russian Language Interference in Online Communication: Lexical and Grammatical Aspects

Liubov A. Ulianitckaia, Elizaveta S. Skrynnik

Saint Petersburg Electrotechnical University

Saint Petersburg, Russian Federation

ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>
skrynnik_elisabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6360-7471>

Abstract

The present study focuses on Russian-English language interference in the context of strengthening English as the global language of online communication.

The relevance of the research stems from the demand in scientific research on the dynamics of language contact between Russian and English in online-communication, as well as on linguistic tendencies in the system of modern Russian language. The research aims to identify and analyze lexical and grammatical aspects in Russian-English language interference in online-communication. The research methods were chosen in accordance with the aim, tasks and nature of the study: continuous sampling, complex analysis of extralinguistic factors of language interference, comparative analysis. The study shows that text-messages and posts in online-communication tend to resemble spoken language, which indicates that Internet users are seeking to close the gap between online and offline communication. It demonstrates that internet users implement foreign language units to dissociate from emotionally loaded utterances as well as to express a specific grammatical or lexical semantic unit not found in their native language. To facilitate sentences one also uses syntax models which are foreign for the native language. The consequences of language interference are rather specific. The studied material shows that interference units are used repeatedly to a large extent. This implies that such language units, on the one hand, tend to be part of the speaker's individual vocabulary and, on the other hand, they may become linguistic norm. The research argues that Russian has a tendency to move towards more analytic language paradigms, predominantly through involuntary reduction of the case system in the spoken language.

Keywords

language interference, English language, Russian language, language contact, bilingualism, online communication

For citation

Ulianitckaia L. A., Skrynnik E. S. English-Russian Language Interference in Online Communication: lexical and grammatical aspects. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 50–62.
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-50-62

Введение

Языковой контакт влиял на языковые процессы всегда, однако самостоятельным объектом исследования он стал сравнительно недавно – именно тогда возникла контактная лингвистика.

Современные технологии, осознание ценности многообразия в человеческом сообществе, развитие межкультурных связей и процессы миграции создают условия, при которых явления, связанные с языковыми контактами, в частности языковая интерференция, становятся частью повседневной жизни среднестатистического носителя языка. При этом методологическая база, описывающая данные языковые процессы и явления, все еще остается недостаточно разработанной, разнятся подходы ученых к интерпретации терминов.

Контактная лингвистика является относительно молодой дисциплиной – в 1953 г. была опубликована монография У. Вайнрайха «Языковые контакты», которая признается первым всеобъемлющим теоретическим трудом, описывающим сферу проблем контактной лингвистики, не теряющим своей актуальности и в наше время [Вайнрайх, 1979]. В «Языковых контактах» У. Вайнрайх обозначает основные интересы изучающих дисциплину – языковой контакт, билингвизм, интерференция, «смешанные» языки и социокультурный аспект языковой конвергенции.

В настоящее время, когда главенствует антропологическая научная парадигма и язык все чаще рассматривается именно как инструмент общения человека, от человека неотделимый, и когда в мировом сообществе настолько сильны процессы миграции и постоянного тесного контакта самых разных культур друг с другом, важность исследования и значимость процессов, происходящих в результате языковых контактов, невозможно отрицать. Наряду с практическими исследованиями проводится работа по усилению методологической базы. Но уже на данном этапе можно сказать, что изучение взаимодействия языковых систем позволяет лингвистам лучше понимать такие процессы, как возникновение языков и формирование грамматических категорий.

Языковая интерференция при языковых контактах

Главное понятие контактной лингвистики – языковой контакт. Изначально термин «языковые контакты» был предложен А. Мартине [Martinet, 1972] вместо термина «смешение языков» Г. Шухардта [Schuchardt, 1928]. Л. В. Щерба предлагал альтернативную терминологию – «взаимовлияние языков» [Щерба, 1958], а А. Росетти выдвинул идею разграничивать «языки с элементами смешения» и «смешанные языки», где первые – те, в которых не наблюдается случаи заимствования морфологии [Росетти, 1972].

Предложенные термины указывают на либо слишком узкие явления, либо обладают слишком широким ассоциативным рядом. Как альтернатива был предложен термин «языковые контакты», достаточно широкий, и в то же время более однозначный.

У. Вайнрайх определил языковой контакт следующим образом: «...два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» [Вайнрайх, 1979]. Современный лингвист Ж. Багана предлагает определять языковые контакты как «любые случаи сосуществования и взаимодействия языков в языковом сознании индивида или языковом сообществе» [Багана, 2010]. Советский лингвист Д. Ю. Дешериев высказывает мнение о том, что языковой контакт как термин представляет собой, скорее, метафору, описывающую контакт двух или более языковых коллективов, так как встреча и взаимодействие разных языков возможна только при встрече тех, кто на них говорит [Дешериев, 1977]. Определения языковых контактов делятся на подразумевающих их как процесс: исключительно индивидуальный; происходящий как на уровне индивида, так и на уровне сообщества; существующий только на уровне контакта разных говорящих сообществ (языковых коллективов).

Языковой контакт действительно происходит в сознании индивида, владеющего в той или иной степени двумя и более языковыми кодами, т. е., если опираться на самое широкое определение термина, в сознании билингва; однако в этом случае результат чаще окказионален и не становится узуальным фактом языка. Речь билингва часто наполнена такими окказиональными заменами единиц одного языка единицами другого, и именно это многоаспектное явление можно назвать языковой интерференцией.

Язык как средство коммуникации передает сообщения, при этом для кодирования каждого сообщения подбираются свои индивидуальные языковые единицы, наиболее эффективные в зависимости от реципиента. Следствием этого, как справедливо утверждает Р. Аппель, является невозможность разделения аспектов изучения языкового контакта на социологический, психологический, социолингвистический и, собственно, лингвистический аспект – все эти аспекты имеют между собой множество разноуровневых связей [Appel, 2005].

Так, когда мы говорим о лингвистической интерференции, необходимо помнить о том, что это сложный феномен, обусловленный множеством факторов, в том числе экстравергентных языковых контактах. Например, в речи одного и того же человека объем интерферентных единиц варьируется в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации.

У. Вайнрайх определяет понятие интерференции как «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше

языков, чем один» [Вайнрайх, 1979. С. 22]. Ж. Багана пишет: «В лингвистическом аспекте интерференция понимается как отклонение от норм языка. Это особый тип влияния одного языка на другой, который устанавливается в устной и письменной речи многоязычного индивида» [Багана, 2020. С. 25]. Согласно Л. И. Барапниковой, интерференция есть изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого [Баранникова, 1972]. В. Ю. Розенцвейг интерференцией называет «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которые проявляются в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972. С. 47]. По мнению Н. Б. Мечковской, ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка как раз таки и являются интерференцией [Мечковская, 1983]. Тем самым, интерференция – явление речи, которое можно описать как произвольное нарушение языковой нормы в результате взаимодействия двух языковых систем; чаще всего это явление окказионально, но может перерости в узульный факт языка. Переход иноязычной единицы из «речи» в «язык» Ж. Багана называет «следующей» стадией интерференции.

Л. А. Ульяницкая предложила для подготовляемых к такому переходу единиц термин «интермедиат», полагая, что интерференция является промежуточной стадией в системе «язык – речь», когда единицы применяются в речевой деятельности, но не зарегистрированы в словарях и не считаются языковой нормой [Ульяницкая, 2018]. Таким образом, достоверное исследование процесса интерференции возможно лишь при обращении к речи. Термин «интермедиат» представляется наиболее точным, поскольку запечатлевает принадлежность явления интерференции не только к системе языка, но и к системе речи.

Каждый язык отражает одну и ту же объективную реальность, однако оформляет ее по-разному. Лингвистическая относительность порождает языковое мышление, где носители разных языков имеют специфический для своего языка способ вербального выражения мыслей: они используют не только различные фонетические единицы, но и различно сконструированные семантические формы – лексические и грамматические единицы.

Источником интерференции становятся различия между взаимодействующими системами языка, а значит, интерференция может проявляться на всех языковых уровнях. Однако не все потенциальные формы интерференции реализуются. Классификация интерференции проводится с применением весьма различных критериев. Выделяются языковая, речевая и коммуникативная интерференция; прямая, обратная и двусторонняя; явная и скрытая; внутриязыковая и межъязыковая. Говорят также о коммуникативно-релевантном и коммуникативно-нерелевантном типах интерференции; в первом случае нарушение нормы не препятствует взаимопониманию, а во втором – приводит к коммуникативным неудачам.

Российские лингвисты Е. А. Земская и М. А. Осипова проводили обширные исследования речи русскоязычных иммигрантов в англоязычной стране [Земская, 2001; Осипова, 2002]. В результате этих исследований было высказано предположение о возможности интерференции словообразовательных систем языков. В сходной по тематике статье «Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов» лингвисты С. Менгель и Е. Плаксина приходят к выводу о возможности интенсивного заимствования моделей словоисложения из иностранных языков [Менгель, Плаксина, 2012]. Явление словообразовательной интерференции, как и многие другие языковые процессы, они объясняют фундаментальным стремлением языка к экономии языковых средств. В языке иммигрантов выявилось, что способы словообразования были в известной степени аналогичны продуктивным словообразовательным механизмам русского языка метрополии. Тем самым, интерференция может затрагивать уровни языковой системы, связанные не только со словоизменением, но и со словообразованием.

Традиционно вслед за У. Вайнрайхом выделяют три основных типа языковой интерференции, соответствующих уровням языка: фонетическую, лексическую и грамматическую.

Ж. Багана различает фонетическую и фонологическую, грамматическую и лексическую интерференцию [Багана, 2020. С. 26]. Позднее были предложены и другие типологии лингви-

стической интерференции, а также дальнейшее разделение на типы грамматических, синтаксических и других интерферированных единиц, однако типология, основанная на признаке «уровень языка», представляется для настоящего исследования наиболее подходящей.

Лексическая интерференция является частым и одним из наиболее изученных типов интерференции. Одним из ее проявлений являются слова, обозначающиеся как «ложные друзья переводчика», т. е. межъязыковые омонимы. Феномен межъязыковых омонимов заключается в том, что слова имеют отличающийся денотат, но схожую форму; это приводит к ошибочному их употреблению в качестве эквивалента. Лексическая интерференция также может служить причиной семантического сдвига. Еще более частым примером лексической интерференции являются случаи вкрапления иноязычной лексики в родной, или, используя термин К. Майерс-Скоттон [Майерс-Скоттон, 2002], матричный язык. Такие единицы в корпусе языка встречаются редко, не закреплены в словаре, могут быть непонятны значительной части носителей языка и поэтому не причисляются к заимствованиям. Тем не менее нерегулярная иноязычная лексика может стать по прошествии некоторого времени вполне регулярной.

Грамматическая интерференция делится на морфологическую, синтаксическую и пунктуационную. Морфологическая интерференция может проявить себя на уровне морфем, частей речи и грамматических категорий. Синтаксическая интерференция заключается в отклонении от закономерностей сочетаемости в пределах синтаксических единиц. В. Ю. Розенцвейг определяет синтаксическую интерференцию как выражающуюся главным образом в замене правил синтаксического оформления предложения, свойственных каждому из контактирующих языков, правилами общими, оформляющими те же смысловые отношения [Розенцвейг, 1972. С. 15]. Такая замена часто напоминает калькированный перевод с иностранного языка.

Явление языковой интерференции представляет особую важность для теоретической лингвистики, так как его исследование позволяет определить наиболее уязвимые и подверженные изменениям уровни языка, а также более глубоко изучить языковые структуры и механизмы их взаимодействия. Обращение к различным парам контактирующих языков вносит вклад в развитие теории смешения языков, помогая определить наличие универсалий, характерных для процесса лингвистической интерференции.

Материал исследования и методология

Исследовательским материалом послужили 400 постов и 100 комментариев в следующих телеграм-каналах: *Ксюня, поясни за литру*; *Возвращение в hiraeth или охота на хозяина*; *The gentlewoman*, а также видео 25 выпусков из следующих каналов, размещенных на видеохостинге Youtube: *Vova Utrom*; *Areen*; *Настя федько*.

Методом сплошной выборки было отобрано 250 интерферентных единиц, которые разделяются на примеры лексической и грамматической интерференции. Так, из 250 единиц, 172 (69 %) – примеры лексической интерференции и 78 (31 %) – примеры грамматической интерференции.

Лексическая интерференция

Интерферентное влияние лексических единиц английского языка на русский является наиболее распространенным типом интерференции в повседневной жизни носителей русского языка, во многом это связано с номинативной функцией интерферентных единиц.

В группе словосочетаний из 37 примеров 14 обозначают плохо переводимые на русский язык концепции (при прямом переводе утрачивается слой контекста / ассоциативный ряд, присутствующий на английском, так как такие словосочетания никак не встроены или слабо встроены в русскоязычный дискурс): *safe space* (безопасное пространство), *red flag* (красный флаг), *people pleasing tendencies* (тенденция угождать людям), *basic girl* (базовая девушка),

coping mechanism (способ справиться), *study routine* (рутина образования), *dating contest* (конкурс свиданий), *slow life* (медленная жизнь), *aesthetic girl* (девушка эстетики), *flowy flowery wavy aesthetic* (текучая цветочная волнистая эстетика), *gentle reminder* (бережное напоминание), *goofy funny but serious smart vibe* (дурачающееся забавное, но серьезное умное общее впечатление), *bare minimum* (голый минимум), *slightly related field* (едва относящееся к теме поле), *attention span* (промежуток внимания).

Экспрессивная функция интерференции иллюстрируется примерами использованных в речи устойчивых выражений: *knowing damn well, too much to ask, you know, choose your fighter, fight me, god knows, no pressure, not gonna lie, are you joking, just say it, am I right* и др. Устойчивые словосочетания также демонстрируют способность интерферированных единиц менять эмоциональный регистр коммуникации, например: *fun fact, lil life update, good morning, some serious problems, best friends forever, same energy*. Такие выражения могут быть достаточно просто переведены на русский язык, однако говорящие использовали интерферентные единицы, поскольку единицы другого языка привносят другой контекст, понятный именно пользователям Интернета. Такие интерферированные единицы напоминают цитирование специфических интонаций, элементов шуток (мемов), особенной культуры общения на разных интернет-платформах, в различных социальных сетях. Таким же механизмом можно объяснить использование иноязычных вводных слов для выражения определенных эмоциональных оттенков: *well, anyway, also*.

Иногда единицы иностранного языка используются говорящим как способ эмоционально отдалиться и смягчить смысл сообщения для получателя: *мой main страх это...* (главный страх); *я чувствую приближение mental брэйкдауна* (нервного срыва); *это помогает мне чувствовать powerful* (сильной); *у нас relationships* (отношения); *передо мной сидит прекрасная девушка и она all mine* (целиком моя); *а со мной это сразу dealbreaker* (и для меня это причина разойтись с человеком); *и вот я такая очень judgemental lady* (осуждающая девушка); *мне кажется они просто completely delusional* (совершенно оторваны от реальности); *считаю это red flagом* (неприемлемым поведением); *ну раз уж у нас такой private честный talk* (личный честный разговор); *у нас случился disconnect* очень не *comfy* (мы не нашли взаимопонимания, и это было очень неприятно); *лекция, к сожалению, отменяется – у меня some serious problems* (некоторые серьезные проблемы); *я ощущаю себя lovely* (очаровательно); *просто побывать семейной парой на три дня, why not* (почему нет). Перечисленные примеры показывают, что говорящие, интегрируя в речь иноязычные единицы, чаще всего преследовали цель отдалиться от чувства неловкости, страха, сильной привязанности и использовали англоязычные вставки как способ выразиться более корректно или деликатно при высказывании негативных утверждений.

Также были отобраны следующие глаголы, встроенные в синтаксис русских предложений: *хартатакнусь* (от англ. *heart attack* «сердечный приступ», в знач. *пережить сильный испуг*); *рилэйчусь* (от англ. *to relate* «соотноситься», в знач. «я чувствую то же самое»); *герлбосить* (конверсия от англ. *girl-boss* «успешная амбициозная девушка», в знач. «усилиенно работать»); *машить* (от англ. *to mash* «плющить», в знач. «сделать пюре»); *профакапилась* (от англ. *to fuck up* неценз. «опростоволоситься», в знач. «опростоволоситься»); *хилим* (от англ. *to heal* «вылечивать», в знач. «вылечивать»); *хонтило* (от англ. *to haint* «преследовать», в знач. «преследовать»); *дэйтить* (от англ. *to date* «встречаться», в знач. «встречаться»); *брейкаутиться* (от англ. *to break out* «вспыхнуть», про кожу «покрываться прыщами», в знач. «покрываться прыщами»); *роасчу* (от англ. *to roast* «прожаривать» ам. «высмеивать», в знач. «высмеивать»). Все обнаруженные глаголы ассилированы по правилам русской морфологии, что демонстрирует высокую вероятность их закрепления в системе русского языка, а также ее крайнюю продуктивность и гибкость.

Встречаются повторяющиеся интерферентные единицы: глагол *забондиться* – от англ. *bond* (связывать); *экспириенсов* – от англ. *experience* (опыт); *леджит* – от англ. *legit* (прав-

дивый); *рилэйчу* – от англ. *relate* (соотноситься); *I feel you* (сочувствую); *in question* (ранее упомянутый), *interesting* (в знач. «интересно»), *lifestyle* (стиль жизни), *реюз* – от англ. *reuse* (повторное употребление), *пушить* – от англ. *push* (толкать), *фан факт* – от англ. *fun fact* (забавный факт), *комфортши* – от англ. *comfort* (утешать), *be like* (тинга), *choose your fighter* (выбери своего бойца), *you know* (знаешь).

Регулярно встречающиеся примеры подобной интерференции указывают на вероятный процесс перехода некоторых лексических единиц из сферы окказионального употребления в узус.

Интересно отметить среди повторяющихся интерферентных единиц лексемы, произошедшие от основы «комфорт» под влиянием английского глагола *to comfort* (утешать, успокаивать). Примеры употребления: *закомфортила* (син. утешила), *закомфортить* (син. утешить), *закомфортиться* (син. успокоиться), *комфортши* (в знач. люди, с которыми уютно, спокойно).

«Ты *комфортник*» (ты милый хороший человек, с которым спокойно)

«Я боюсь этого, но с *комфортной* фотографкой это даже приятно» (<...>, но с понимающей и внимательной <...>)

Похожая ситуация обстоит с прилагательным «безопасный» под влиянием английского прилагательного *safe* (в английском языке может употребляться по отношению к человеку, например, *safe person*, т. е. человек, которому можно довериться) расширяется семантическое поле русской лексемы, по крайней мере в разговорной речи молодежи, и встречаются такие словосочетания, как *безопасный вид дружбы*. Похожий процесс наблюдается со словом *soft* (мягкий), в словосочетании *soft person* – учитывый, нежный. В примере: *у меня тогда была компания, которая была очень soft*, говорящий указывает на то, что люди в компании были очень внимательными и добродушными друг к другу.

Грамматическая интерференция

Материал грамматической интерференции состоит из 50 примеров синтаксической интерференции, из них 22 – примеры, в которых в русском языке под влиянием английского активизируется потенциал русских полузнаменательных глаголов как глаголов-связок: *я нашла себя за тем, что я...* – по аналогии с англ. «*I found myself...*»; *я не помню, как идет мой текст* – по аналогии с англ. «*I don't remember how it goes*»; *я взяла самый долгий путь к магазину* – по аналогии с англ. «*I took the longest way...*»; *он обнаружил себя закрытым и нас не было дома* – по аналогии с англ. «*he found himself being locked...*»; *почему они тогда пошли с этим* – по аналогии с англ. «*why did they go with that then*»; *это делает моему сердцу приятно* – по аналогии с англ. «*it makes my heart feel good*»; *скажи мне, как оно идет* – по аналогии с англ. «*tell me how it goes*»; *у них есть потенциал быть романтическими* – по аналогии с англ. «*they have potential to be romantic*»; *и о том, как пошла их жизнь* – по аналогии с англ. «*and about the way their life went*».

Другими примерами синтаксической интерференции можно назвать следующие: *я хочу этот телефон обратно* (*I want this phone back*); *это что-то, что я откладывала очень долго* (*this is something I postponed for a long time*).

Также были обнаружены примеры интерференции в форме каузальной конструкции: *тебя это грустит?* – по аналогии с англ. «*does it make you sad?*» вместо «*тебя это расстраивает*»; *я все это время делала какие-то вещи, которые меня устали* – по аналогии с англ. «<...> *that made me tired*» вместо «*меня утомили*». Такой случай употребления можно объяснить заимствованием или перенесением категории переходности по семантическому признаку с глагольной единицы одного языка на глагольную единицу другого языка, поскольку правило образования каузальной конструкции в русском языке (действительный залог с винительным падежом перед сказуемым) соблюдено.

Синтаксическая интерференция чаще всего представляет собой нарушенный порядок слов в русском предложении, при этом предложение не теряет своего смысла, но в нем отмечаются редуцирование флексий и использование нетипичного для русского языка порядка слов для передачи грамматических категорий. Например, предложение «*Британцы писали свои статьи для меня, чтобы их читать*» в конце имеет структуру английского инфинитивного оборота со значением цели «*for me to read it*», в то время как для русского языка было бы более естественно присоединить сложноподчиненное предложение с помощью соответствующего союза и согласовать члены зависимого предложения в соответствии с пассивным или активным залогом «для того, чтобы они были мною прочитаны; для того, чтобы я их читала».

В целом в примерах наблюдается тенденция, заключающая в том, чтобы одна языковая единица имела как можно меньше грамматических показателей: «*мне нравится то, что что я говорю, имеет смысл только для тебя*». Предложение «мне нравится, что только ты можешь понять, что я говорю» имело бы тот же смысл, однако в примере заметно усилено значение порядка слов как индикатора грамматических отношений между лексическими единицами. В переделанном варианте этого предложения перестановка его частей не затруднит понимание. Вероятно, выбор говорящего в пользу первого способа передачи сообщений можно также объяснить принципом экономии усилий.

Примеры, в которых глаголы по типу *иметь, делать, находить, быть* используются в позиции вспомогательных глаголов, также служат иллюстрацией сокращения флексивных элементов предложения, например: мы *имеем* зачет, вместо «у нас зачет» по аналогии с англ. «*we have an exam*»; теперь все снова *делает смысл*, вместо «*все приобрело смысл*» по аналогии с англ. «*everything makes sense now*»; я *всегда нахожу это очаровательным*, вместо «*мне всегда кажется это очаровательным*» по аналогии с англ. «*I always find it charming*».

Особое внимание следует уделить форме «я [не могу] остановиться + глагол в инфинитиве» по аналогии с англ. «*I can't stop + Ving*». В материале исследования зафиксировано 4 случая использования такой конструкции, вместо «я не перестаю + глагол в инфинитиве»: **я не могу остановиться делать это, не могу остановить себя думать, я не могла остановиться смеяться, я остановилась читать на сороковой главе**.

Основное отличие интерферированного варианта с имеющимся в языке аналогом, глаголом «перестать», состоит в том, что в семантику предложения добавляется категория переходности. Глагол же «остановиться» обладает общевозвратным значением, вследствие чего оба примера относятся к возвратному среднему залогу в русском языке. Таким образом говорящие подчеркивают отсутствие своей возможности повлиять на ситуацию, в которой оказались и которую не получается выразить непереходным глаголом «перестать».

В материале исследования встретились и такие примеры синтаксической интерференции, которые напоминают, скорее, заимствование той или иной синтаксической конструкции: *для меня это было испытанием снимать* – по аналогии с англ. «*it was a challenge for me to shoot*»; *я не знаю, что делать с мягкими игрушками большие* – по аналогии с англ. «*I don't know what to do with toys anymore*». В таких случаях центром заимствованной синтаксической структуры является, вероятнее всего, лексическая единица, например, *anymore* или *challenge*. К таким примерам также можно отнести следующие предложения: *я регулярно встречаю кого-нибудь, чтобы мне с ним обняться* – по аналогии с англ. «*meet someone for me to hug*»; *я не знаю, какое из животных это есть* – по аналогии с англ. «*I don't know which kind of animal this is*»; *какая часть моей жизни это есть* – по аналогии с англ. «*which part of my life this is*»; *не было спрошено ничего политического* – по аналогии с англ. «*nothing political has been asked*»; *это честная штука, чтобы сказать* – по аналогии с англ. «*that's an honest thing to say*»; *было очень приятно выговориться кому-то, кто не в этом* – по аналогии с англ. «*someone who is not in it*». Мотивацию такой интерференции можно объяснить разницей устройства языковых структур – языки стремятся восполнить пробелы в своей системе единицами другого языка, уже заполняющими эту нишу.

Встретился также пример: *<...>, чем я к тому времени уже была способна вывезти* – в предложении присутствует структура, аналогичная англоязычной «..., than I was able to handle». Интересно, что русский аналог «чем я могла вывезти» представляется более выгодным с той точки зрения, что он короче. Несмотря на это, говорящая все равно отдала предпочтение кальке англоязычной конструкции. Такой выбор можно объяснить субъективной необходимостью сделать акцент на своем состоянии, для чего англоязычная конструкция с глаголом состояния «быть» действительно подходит больше, чем русская конструкция с модальным глаголом «мочь». Такие примеры являются свидетельством обогащения языка вследствие языковых контактов.

В примере: *я могу сама, если это нормально* – также присутствует английская структура «*I can do it myself, if that's okay*». В данном случае наглядно проявляется выбор языковых единиц по принципу языковой экономии: «*<...> если это нормально*» синтаксически проще, чем русскоязычный аналог «*<...> если вы не против*».

В материале исследования встречается пример использования единиц русского языка по аналогии с пассивным глаголом, управляющим причастием в английском языке. Так, в примере *мне очень сложно преодолеть свой страх быть увиденной, пытаясь* обратим внимание на конструкцию «*быть увиденной, пытаясь*», сконструированную аналогично англоязычному «*to be seen trying*». Вероятно, выбор такой языковой конструкции объясняется наложением специфического порядка слов, свойственного английскому языку, поскольку для выражения того же смысла на русском языке нельзя было бы так начать предложение, скорее, это было бы «*мне очень сложно преодолеть свой страх того, что кто-то увидит, как я пытаюсь что-то сделать*». Синтаксис английского языка в данном случае позволяет автору расставить субъективно необходимые акценты и сократить количество необходимого согласования.

Были обнаружены также два примера построения словосочетаний по аналогии с англоязычным атрибутивным способом построения словосочетаний: *граффити чувак, тиндер человек* (в контексте: *я совсем не тиндер человек* – по аналогии с англ. «*I am not a tinder person at all*»). Возможность составления таких словосочетаний обусловлена тем, что первые лексемы в них англоязычные, что позволяет избежать необходимости в согласовании.

Рассмотрим далее пример: *если боишься, сделай это испуганно*, обратим внимание на конструкцию «*сделай это испуганно*», созданной аналогично англоязычной конструкции «*do it scared*». Такое утверждение стоило бы перевести как «*бойся и все равно сделай это*» или «*страх – это не повод этого не делать, поэтому сделай это, чувствуя свой страх*». На английском это чаще встречается как диалог « – do it; – but I'm scared; – then do it scared». Это единственный пример, который можно отнести к случаю, когда интерференция могла бы затруднить процесс коммуникации.

Все примеры синтаксической интерференции объясняются, с одной стороны, малой ролью порядка слов в русском языке как флексивном, и, с другой стороны, высокой степенью ригидности порядка слов в английском языке как аналитическом. По всей видимости, такая ситуация является благоприятной для развития интерференции.

Вернемся к процессу словообразования, на который лексико-грамматическая интерференция также может оказывать известное влияние.

Так, интерферируемой единицей может выступать отдельная морфема, например, «*семыш*», где использован аффикс *-ish* с семой «*приблизительно*», что можно объяснить значительной краткостью и простотой формы выражения данной семантики по сравнению с русскоязычным аналогом «*приблизительно семь*».

Встречаются также примеры образования глаголов от существительных путем конверсии, характерной для английского языка, и совсем несвойственной в таком виде русскому языку: *англичань* (в знач. «*говори на английском*», произв. от слова «*английский*»); *отношаться* (в знач. «*быть в отношениях*», произв. от слова «*отношения*»); *коворкить* (в знач. «*работать в коворкинге*», произв. от слова «*коворкинг*»); *мозгит* (контекст: «*меня бесит,*

что мозг не мозгит», т. е. «мозг не работает»); **языковить** (контекст: «он может языковить, как он хочет», т. е. «он может использовать язык как считает нужным»); **падежить** (в знач. «использовать падежи»); **драйвила** (от слова «драйв», в знач. «заряжать, мотивировать»); **апгрейтнуть** (от слова «апгрейт», в знач. «улучшить»); **пикникничаем** (от слова «пикник», в знач. «быть на пикнике»); **пороскошнело** (от слова «роскошный», в знач. «стало более роскошным»).

Так как английский язык отличается большим количеством совпадающих по форме, но принадлежащих к разным частям речи лексем, наподобие пары «answer – to answer», многие слова образуются способом перенесения языковой единицы из одной парадигмы словоизменения в другую. Для русского же языка свойственно преобразовывать слова с помощью аффиксов. Зачастую словообразование русского языка нарушается по типу «смена парадигмы слова, вне зависимости от правил согласования», при этом говорящий все еще использует аффиксы для того, чтобы обозначить переход слова в другую часть речи. Словообразование может проходить и по принципу присоединения слов, морфологическое оформление слова при этом не меняется. Такие слова причисляются к окказиональным, поскольку их форма не типична для русского языка; их функции можно свести к сокращению длины семантической единицы и, в то же время, увеличению ее выразительности.

Заключение

Интерференция присутствует на всех уровнях языка, во многом на ее распространение влияют экстраграмматические факторы, даже такие, как физическое состояние говорящего (например, усталый билингв более склонен допускать интерференцию, поскольку ослабляется контроль речи), а также языковая политика и культура употребления языковых единиц.

Элементы английского языка в русскоязычной речи вызывают противоречивые мнения. Так, внедрение чужеродных языковых единиц можно рассматривать, с одной стороны, как неизбежный процесс, свидетельствующий, в том числе, о творческом потенциале говорящих, и, с другой стороны, как признак деградации языка. Восприятие интерференции как признака деградации связано с негативной интерпретацией естественных лингвистических процессов, обусловленных принципом языковой экономии. Простота часто ассоциируется с низкой интеллектуальной ценностью, однако упрощение языковой системы не является чем-то, к чему можно применять такую оценку, поскольку интеллектуальное наполнение текстов, формируемых на том или ином языке, не связано с используемыми формальными языковыми единицами. В данном случае метафора деградации кажется неоправданной.

Интерференция распространяется крайне неравномерно и свойственна не всем сферам жизни и слоям населения. В первую очередь это связано с тем, что в наши дни основной площадкой, на которой контактируют английский и русский языковые коллективы, является интернет-пространство. Мотивацией для языкового контакта является, скорее, заинтересованность носителей русского языка в контексте носителей английского языка. Специфика такого контента в данном случае – естественный фильтр для отбора коммуникантов. Так, интерферентные единицы английского языка наиболее распространены в речи русскоязычной молодежи. Чаще всего это жители больших городов и региональных центров, обладающие достаточным уровнем образования и исповедующие ценности, приближенные к ценностям Европы. Интерферентные единицы можно сопоставить со сленгом, причина распространенности которого также заключается в известной предрасположенности молодежи к языковому творчеству.

Среда интернет-общения, в силу обнаруженной тенденции сближения печатного текста со спонтанной речью, является средой, благоприятной для создания окказионализмов, в том числе с помощью интерферентных лексем другого языка.

Кроме того, синтаксическая интерференция, как следует из результатов исследования, приводит к аналитическому связыванию слов в предложении, что говорит о возможной уязвимости категории падежа в русском языке.

Все типы интерференции являются для контактирующих языков источником новых языковых единиц, в той или иной степени недостающих и необходимых, по субъективному ощущению говорящего, в данный момент коммуникации.

Список литературы

- Багана Ж., Хапилина Е. В.** Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм: моногр. М.: Флинта Наука, 2010. 123 с.
- Баранникова Л. И.** Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многогэзычия. М.: Наука, 1972. 94 с.
- Вайнрайх У.** Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.
- Дешериев Ю. Д.** Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Земская Е. А.** Словообразование // Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты. Москва-Вена, 2001. С. 128–135
- Мартине А.** Распространение языка и структурная лингвистика: сб. Новое в лингвистике, 1972, вып. 6, С. 81–93
- Менгель С., Плаксина Е.** Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнеров) // Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Белград, 2012. С. 177–192.
- Мечковская Н. Б.** Языковой контакт. Минск: Выш. школа, 1983. 456 с.
- Осипова М. А.** Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 448–464
- Розенцвейг В. Ю.** Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 80 с.
- Росетти А.** Смешанный язык или смешение языков: сб. Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 112–119.
- Ульяницкая Л. А.** Лексическая и грамматическая интерференция во фланандском варианте нидерландского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 25.12.18: утв. 24.07.19. СПб., 2018. 240 с.
- Щерба Л. В.** Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 182 с.
- Appel R., Muysken P.** Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 213 p.
- Myers-Scotton C.** Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press. 2002. 356 p.
- Schuchardt H.** Der Individualismus in der Sprachforschung // Hugo Schuchardt-Brevier. 2-te Aufl. Halle (Saale), 1928. S. 432–433.

Список источников

- Телеграм-канал. The gentlewoman. URL: <https://t.me/discogirl> (дата обращения: 22.11.2023).
- Телеграм-канал. Возвращение в hiraeth или охота на хозяина. URL: <https://t.me/yeatswatchyourass> (дата обращения: 24.11.2023).

- Телеграм-канал. Ксюня, поясни за литру. URL: https://t.me/ksyunya_poisni (дата обращения: 12.12.2023).
- Vova Utrom // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@vovautrom> (дата обращения: 22.12.2023).
- Areen // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@Areens> (дата обращения: 22.12.2023).
- Настя федько // YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@nfedko> (дата обращения: 15.01.2024).

References

- Bagana ZH., Hapilina E. V.** Kontaktnaya lingvistika: vzaimodejstvie yazykov i bilingvism: monografiya [Contact linguistics: interaction of languages and bilingualism: monograph]. Moscow, Flinta Nauka publ., 2010. 123 p. (in Russ.)
- Barannikova L. I.** Sushchnost' interferencii i specifika ee proyavleniya. Problema dvuyazychiya i mnogoyazychiya [The essence of interference and the specifics of its manifestation. The problem of bilingualism and multilingualism]. Moscow, Nauka publ., 1972. 94 p. (in Russ.)
- Vajnrajh U.** Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy issledovaniya [Language contacts: State of the art and problems of research]. Kiev, Vishcha shkola. Izd-vo pri Kiev. university, 1979. 263 p. (in Russ.)
- Dresheriev YU. D.** Social'naya lingvistika. K osnovam obshchej teorii [Social linguistics. To the foundations of general theory]. Moscow, Nauka publ., 1977. 312 p. (in Russ.)
- Zemskaya E. A.** Slovoobrazovanie [Word formation]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya, obshchie processy i rechevyе portrety* [Language of Russian abroad, general processes and speech portraits]. Moskow-Vena, 2001, pp. 128–135. (in Russ.)
- Martine A.** Rasprostranenie yazyka i strukturnaya lingvistika [Distribution of language and structural linguistics]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics], 1972, vol. 6, pp. 81–93.
- Mengel S., Plaksina E.** Interferenciya slovoobrazovatel'nyh mekha-nizmov v yazykovyh sistemah bilingvov (na primere russkogo v diasporе i yazykov-partnyorov) [Interference of word-formation mechanisms in the language systems of bilinguals (on the example of Russian in the diaspora and partner languages)]. *Zbornik radova sa chetrnaeste me'unarodne nauchne konferencshche Komis-shch'e za tvorbu rechi pri Me'unarodnom komitetu slavista* [Collection of Radov's works at the International Scientific Conference Committee for the Creation of Speech under the International Committee of Slavic Studies.]. Belgrad, 2012, pp. 177–192.
- Mechkovskaya N. B.** Yazykovoj kontakt [Language contact]. Minsk, Vysh. shkola, 1983, 456 p. (in Russ.)
- Osipova M. A.** Razgovornyj russkij yazyk immigrantov v SSHA. Leksika i slovoobrazovanie [Spoken Russian language of immigrants to the USA. Vocabulary and word formation]. *Slavyanskaya yazykovaya i etnoyazykovaya sistemy v kon-takte s neslavjanskim okruzhaniem* [Slavic linguistic and ethnolinguistic systems in contact with the non-Slavic environment]. Moscow, 2002, pp. 448–464. (in Russ.)
- Rozencvejg V. Yu.** Yazykovye kontakty [Language contacts]. Leningrad, Nauka publ., 1972. 80 p. (in Russ.)
- Rosetti A.** Smeshannyj yazyk ili smeshenie yazykov [Mixed language or confusion of languages]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1972, vol. 6. pp. 112–119. (in Russ.)
- Ul'yanickaya L. A.** Leksicheskaya i grammaticeskaya interferenciya vo fla-mandskom variante niderlandskogo yazyka [Lexical and grammatical interference in the Flemish version of the Dutch language:]: dis. ... cand. filol. science: 10.02.04: 25.12.18: utv. 24.07.19. Saint Petersburg, 2018, 240 p. (in Russ.)

- Shcherba L. V.** Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad, Publish. Leningr. university, 1958, 182 p.
- Shuhardt G.** Izbrannye stat'i po yazykoznaniiyu [Selected articles on linguistics]. Moscow, Editorial URSS, 2003, 291 s. (in Russ.)
- Appel R., Muysken P.** Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005, 213 p.
- Myers-Scotton C.** Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford, Oxford University Press. 2002. 356 p.
- Schuchardt H.** Der Individualismus in der Sprachforschung. In: Hugo Schuchardt-Brevier. 2-te Aufl. Halle (Saale), 1928. S. 432–433.

Sources

- The gentlewoman. Telegram channel. URL: <https://t.me/discogirl> (accessed: 22.11.2023).
- Vozvrashchenie v hiraeth ili ohota na hoziera. Telegram channel. URL: <https://t.me/yeatswatchyourass> (accessed: 24.11.2023).
- Ksyunya, poyasni za litru. Telegram channel. URL: https://t.me/ksyunya_poisni (accessed: 12.12.2023).
- Vova Utrom. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@vovautrom> (accessed: 22.12.2023).
- Areen. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@Areens> (accessed: 22.12.2023).
- Nastya fed'ko. YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/@nfedko> (accessed: 15.01.2024).

Информация об авторах

Ульяницкая Любовь Александровна, кандидат филологических наук
Скрынник Елизавета Сергеевна, выпускница бакалавриата

Information about the Authors

Liubov A. Ulianitckaia, Cand. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor
Elizaveta S. Skrynnik, Bachelor of Linguistics

Статья поступила в редакцию 03.03.2024;
одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 27.12.2024

The article was submitted 03.03.2024;
approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 27.12.2024

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-63-76

Оленеводческая лексика якутского языка (сравнительно-сопоставительный аспект)

Данилова Надежда Ивановна¹
Дьячковский Федор Николаевич²

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, Россия

¹nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448> 2

²fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

В статье дается семантический анализ слов, входящих в тематическую группу лексики якутского языка «Половозрастные наименования оленя», в сопоставлении с материалом тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Выделяются два способа обозначения половозрастной характеристики оленя: гетерономия (или лексический супплетивизм – *ньюобурхана* ‘четырехгодовалая воженка’ и т. д.) – этот способ распространен в тунгусо-маньчжурской лексике анализируемой тематической группы; во втором способе формирования слов, известном как лексико-сintаксический, используются сочетания из двух и более слов: *буур таба* ‘олень самец’, *тыны таба* ‘самка оленя’ и т. д. Эти сочетания имеют общее происхождение в тюркских языках и широко используются в литературном якутском языке. Употребление дополнительных лексем-разграничителей *тыны* ‘самка’, *атыыр* ‘самец’ (*тыны уөнгэс* ‘олень-самка трех лет’, *атыыр таба* ‘олень-самец’) характерны для якутского языка.

Анализ позволил установить сходство и различия в значениях каждой из рассматриваемых лексических единиц в разных языках алтайской классификационной группы. Установлено, что общее родовое наименование оленя, обозначение его пола и детеныша имеют тюркское происхождение, отмечаются также общеалтайские основы. Возрастные обозначения самца и самки оленя в говорах якутского языка в основном имеют диалектное употребление и сопоставимы с эвенкийскими и эвенскими наименованиями.

Ключевые слова

оленеводческая лексика, якутский язык, тунгусо-маньчжурские и монгольские языки, номинативная единица, семантика.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Оленеводческая лексика якутского языка (сравнительно-сопоставительный аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 63–76.
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-63-76

© Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н., 2025

Yakut Reindeer Breeding Vocabulary (a contrastive aspect)

Nadezhda I. Danilova¹, Fedor N. Diachkovskiy²

Institute of Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Yakut Scientific Center SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

¹nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

²fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper presents a semantic analysis of the Yakut lexemes expressing reindeers of a certain sex and/or age as compared to the corresponding lexemes in Turkic, Tungusic, and Mongolic languages. The study is based on explanatory, bilingual, and etymological dictionaries of the languages of interest. Descriptive, comparative, and contrastive methods as well as purposive sampling were used. Our research shows that there are two main ways to express a reindeer's sex and age; one of them is heteronymy, or lexical suppletion, e.g. *нъюбүрхана* 'a four-year-old doe'. This method is characteristic of the respective vocabulary in Tungusic languages. The second method of word formation, known as lexical-syntactic, uses combinations of two or more words: *буур таба* 'male deer', *тыны таба таба* 'female deer', etc. These combinations have a common origin in Turkic languages and are widely used in the literary Yakut language. The Yakut language uses composite words including the stems meaning 'male' or 'female' as their first parts; e.g. *тыны* 'female', *атыыр* 'male' (*тыны уөнэс* 'a three-year-old female reindeer', *атыыр таба* 'a male reindeer'). Our analysis has revealed semantic similarities and differences of each lexical unit with the meaning 'a reindeer of a certain age or sex' in different Altaic languages. It has turned out that the names of a reindeer's sex, as well as those used for young animals are of Turkic origin. We have also found some common Altaic stems. Specified age names of male and female reindeers in Yakut dialects are usually regionally restricted and are often words borrowed from Evenki or Even. Further research may involve other Turkic and Mongolic languages in order to study the reindeer vocabulary in both historical and typological perspectives.

Keywords

Reindeer breeding vocabulary, Yakut language, Tungusic and Mongolic languages, reindeer's age and gender names, semantics

Funding

The study is a part of the project No. 22-18-00060 "Study of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture related to traditional animal husbandry" funded by the Russian Research Fund.

For citation

Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Yakut reindeer breeding vocabulary (a contrastive aspect). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 63–76. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-63-76

Введение

Оленеводство занимает значимое место в традиционном хозяйстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Этот вид хозяйствования характерен, прежде всего, для коренного населения северных территорий с соответствующими природными условиями. Идеальные условия для разведения домашнего оленя существуют в горно-таежном массиве Саянского нагорья, этим видом хозяйственной деятельности «традиционно занимались различные тюркские и монгольские народы, проживающие на данной территории» [Рассадин, 2018. С. 136]. Что касается собственно якутов, то разведение оленя характерно для жителей северных регионов республики. Это дало возможность выдающемуся якутскому этнографу, историку и фольклористу Г. В. Ксенофонтову высказать мысль о существовании «северных, или оленных, якутов» [Ксенофонтов, 1992. С. 274].

Традиционное занятие оленеводством, во многом служившее источником их жизни, послужило причиной формирования в языках этих народов внушительного списка разветвленной лексики соответствующей тематики, образующей отдельную лексико-семантическую группу. А. Н. Мыреева, посвятившая специальную работу лексике растительного и животного мира эвенкийского языка, отметила, что здесь «лексика, связанная с оленем, получила такие

разнообразные формы, каких не найдешь в других языках северных народов» [Мыреева, 2001. С. 12]. Как отмечают другие исследователи, «все слова оленеводческой лексики эвенкийского языка являются тематически близкими и объединены общей семантикой» [Ушницкая, 2021. С. 68]. Исследователь лексики говоров эвенского языка Х. И. Дуткин указал на слабую изученность этой группы лексики в тунгусо-маньчжурских языках в целом и выразил свою убежденность в том, что «этот сюжет – один из узловых в современной эвенской лексикографии (словаря)» [Дуткин, 1990. С. 7]. В составленном им по тематическому принципу эвенско-русском словаре «термины оленеводства и слова-названия, связанные с оленеводством, подразделены на 15 лексико-семантических (тематических) микросистем (групп), которые в свою очередь делятся на множество мелких групп» [Там же]. Богатство лексики данной тематической группы в тюркских и монгольских языках убедительно продемонстрировал В. И. Рассадин [Рассадин, 2015, 2017].

Оленеводческая лексика, заимствованная из эвенкийского и эвенского языков, занимает значительное место в словарном составе северных говоров якутского языка. В составленном Г. В. Ксенофонтовым «Словаре особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-оленеводов» приведено множество лексем тунгусского происхождения, относящихся к оленеводству, с указанием сравнительного материала: «*абылакаан** – название оленя-самца на втором году. У тунгусов конд., илимп. – *авалакаан*, у тутур. – *авлакан* (Титов), у аян.-н. – то же (с. 297), *элик* – дикий олень. У урянхайцев «*элик*» – дикий козел, коза. (Катанов. С. 302)» [Ксенофонтов, 1992. С. 287]. Лексика данной тематической группы широко привлекается для анализа диалектной лексики якутского языка. Так, в монографии якутского диалектолога М. С. Воронкина говорится: «Северо-западная группа говоров якутского языка» в качестве лексической особенности изучаемой зоны, например: *амархана* ‘олень-бык от 5 лет и старше’, *ныымархана* ‘четырехгодовалый олень-самец’, *абылахаан//абалакаан* ‘олень в возрасте до года» [Воронкин, 1984. С. 172]. Эвенкийская оленеводческая лексика отмечена и в исследовании Е. И. Коркиной по северо-восточной диалектной зоне якутского языка: «*кыыча, кыычча* (инд., ойм., верх., у.-ян.) ‘двухгодовалая самка оленя, лося’, *үөнэс* (инд., ойм., верх., у.-ян.) ‘трехгодовалый олень, лось’» [Коркина, 1992 С. 71]. С. А. Иванов в исследовании по лексическим особенностям говоров якутского языка привел «свыше десяти диалектального характера наименований северного оленя» [Иванов, 2017. С. 241]. Существенно, что в якутских говорах «все наименования северного оленя имеют происхождение преимущественно эвфемистического характера и образованы на почве самого якутского языка, что свидетельствует о том, что для саха северный олень – один из важных объектов охоты» [Там же]. В литературном якутском языке используется ограниченное количество слов с прямым номинативным значением, они известны всем носителям и широко употребляются. При этом, как отметил С. А. Иванов, «основные термины оленеводства *таба* ‘олень,’ *буур* ‘олень-самец’, *тугут* ‘оленёнок до года’, *атыыр таба* ‘самец нехолощенный’, *тыны таба* ‘важенка’ являются словами тюркского происхождения» [Иванов, 2017. С. 45].

В составе оленеводческой лексики в говорах якутского языка исследователи отмечают также и термины, сопоставимые с монгольскими. Эта группа слов получила сравнительный анализ в исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка (именные основы)». Основной вывод автора состоял в том, что «в якутских терминах оленеводства, в отличие от терминов скотоводства, почти отсутствуют слова монгольского происхождения. В этом они сходны с терминами коневодства, среди которых слова монгольского происхождения встречаются также редко. По-видимому, это было обусловлено тем, что оленеводство якуты осваивали, находясь вне сферы влияния монгольского оленеводства, т. е. до соприкосновения с монгольскими племенами» [Антонов, 1971. С. 65].

Список диалектных слов, относящихся к оленеводству и имеющих монгольские параллели, представлен в диссертационной работе А. Е. Шамаевой «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» (2012). Якутско-монгольские лексические параллели или заимство-

вания в говорах якутского языка отмечены и другими диалектологами. Например, Е. И. Коркина в результате исследования северо-восточной диалектной зоны якутского языка установила, что «в числе диалектных слов, неизвестных в литературном языке, оказалось довольно значительное количество монгольских лексических заимствований» [Коркина, 1992. С. 258–259].

Материалы и методы исследования. Целью данной статьи является выявление и сопоставление с материалом тунгусо-маньчжурских и монгольских языков якутской лексики, относящейся к тематической группе (далее – ТГ) «Половозрастные наименования оленя». Материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из обширной лексикографической литературы: «Словарь якутского языка» [Пекарский, 1958, 1959], «Большой толковый словарь якутского языка» [БТСЯЯ, 2004–2018], «Диалектологический словарь якутского языка» [ДСЯЯ, 1976], «Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том» [ДСЯС, 1995], «An Etymological Dictionary of Altaic Language» [EDAL, 2003], «Этимологический словарь тюркских языков» (1978, 2000), «Этимологический словарь якутского языка» [ЭСЯЯ, 2003], «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю» [ССТМЯ, 1975, 1977], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС, 2001, 2002], «Бурятско-русский словарь» [БРС, 2008]. Был привлечен также материал исследований по соответствующей тематике.

В работе используются следующие методы: сбор, классификация и систематизация лексического материала, синхронный сравнительный анализ исследуемого лингвистического материала.

Исследование и результаты. Собранный материал можно разделить по следующим тематическим группам.

Общее родовое наименование оленя. Словари якутского языка в качестве основной номинативной единицы со значением ‘олень’ приводят слово *таба*, которое используется в литературном языке. В Словаре Э. К. Пекарского данное слово получило следующее объяснение: «олень, елень (ср. älik); северный олень; домашний олень = *сүёсү таба, омук сүёсүтä*» [Пекарский, 1959. Стлб. 2509]. Большой толковый словарь якутского языка сравнивает это слово с др.-турк. *tevə* ‘верблюд’, нан. *took* ‘олень’, монг. *toki* ‘лось’ [БТСЯЯ, 2013. С. 109].

В тюркских языках однокоренное с якутским *таба* ‘олень’ слово имеет значение *верблюд* и в «СИГТЯ. Лексика» рассмотрено в соответствующем разделе «Животноводство. Верблюд» [СИГТЯ, 2001. С. 445]. Якутское *таба* ‘олень’ Этимологический словарь алтайских языков возводит к «PTurk.*debe camel (верблюд)» [EDAL, 2003. С. 1424]. Появление значения ‘олень’ (иногда – ‘лось’) в якутском языке стало итогом семантического развития общетюркской основы. Современным якутам известна также основа *тэбиэн* в значении ‘верблюд’, которая в сравнительно-исторических исследованиях определяется как восходящая к монгольской [СИГТЯ, 2001. С. 445]. А. М. Щербак также для сравнения с тюркским *tävä* ‘верблюд’ привел «монг. *тэмэ(н)*, маньчж. *тэмэн*, *тэмун*, тунг. *тэмэгэн*, *тэмэн*, *тэвэн*» [Щербак, 1961. С. 103]. Интересно, что А. А. Бурыкин сравнивает эту же основу «с материалом образцов малого чжурчжэньского письма и маньчжурского языка: *t'eh-oh*, *tebe* ‘верблюд’, ср. ма. *тэмэн* ‘верблюд’, + п.-монг. *temege(n)* ‘верблюд’, др.-турк. *tebe*, *teve* ‘верблюд’» [Бурыкин, 2003. С. 39]. Эта основа в том же значении *верблюд* употребительно в современных монгольских языках в варианте *тэмэ(н)* [БАМРС, 2001. С. 695; БРС, 1973. С. 553].

Что касается якутского слова *таба*, А. М. Щербак справедливо полагал, что «в якутском у генуинного слова, получившего велярную огласовку *taba* (как это фиксируется в ряде якутских слов), значение сместилось на ‘лось’, а *täbiän* ‘верблюд’ – монгольское заимствование» [по: СИГТЯ, 2001. С. 445].

Подобные случаи семантического развития основы слова якутский исследователь Н. К. Антонов считает переносом названия: «перенос названия одного животного на другое в якутском языке обычен. Это было обусловлено, как известно, переменой места жительства якутов со степного юга на таежный север. Перенесенными являются, например, названия степной лисы

корсак на песца – *кырса*, название степной антилопы *джээрэн* на птицу *дыэрэн* – кроншнеп, заимствованное монгольское название свиньи *гахай* на льва – *хахай* и т. п. Поэтому вполне естествен и перенос названия верблюда на олень – *таба*. Сказанное подтверждают и другие якутские исконные термины оленеводства, имеющие параллели в тех же тюркских терминах верблюдоводства и овцеводства» [Антонов, 1971. С. 58].

Система половозрастных наименований оленя в якутском языке довольно обширна, а обозначение пола оленя, как и многих других животных, передается употреблением дополнительных лексем-разграничителей: *атыыр* ‘самец’ и *тыны* ‘самка’. В качестве первого номинативного слова *атыыр* Большой толковый словарь якутского языка приводит значение ‘жеребец’, а второе значение определено как ‘способный оплодотворить’ [БТСЯЯ, 2004. Т. I. С. 663]. Этимологический словарь якутского языка после первого номинативного значения слова *атыыр* ‘жеребец’ приводит ‘олений бык’. В данном словаре отмечено, что якутское *атыыр* «обычно сопоставляется с тюрк. *айыр*, *азыр*, *асхыр*, *адыр* и т. д. ‘жеребец’ и возводится к корню **ай ~ аз ~ ад* ‘возбуждаться (похотью)’, ‘покрывать (о животных)’+ *-кыр*, *-быр* (аффикс носителя процесса)» [ЭСЯЯ, 2003. С. 98].

В якутском языке в значении ‘самец оленя или лося (старше пяти лет)’ известно слово *буур*, которое Э. К. Пекарский объясняет как «самец (олень, сохатый, дикий баран); холощеный самец-олень с 5-го года, бык; самый старый и большой олень или сохатый» [Пек, 1958. Т. I. С. 564]. В современном словаре это слово представлено в толковании «самец оленя или лося (старше пяти лет)» и для сравнения приведены тюрк. *бур*, *бугра* [БТСЯЯ, 2005. Т. II. С. 599].

Как свидетельствует «Этимологический словарь тюркских языков», многим тюркским языкам известны основы I. *бугра/бугра*; II. *буугур/бугур*; III. *бу:ржун* / *бу:рдун* с основными номинативными значениями ‘верблюд-самец; молодой верблюд-самец, созревший для случки’ [ЭСТЯ, 1978. С. 235]. Среди производных в данном словаре отмечены приведенные Э. К. Пекарским якутские «самец (олень, сохатый, дикий баран); самый старый и большой олень или сохатый; холощеный самец-олень на пятом году; бык» [ЭСТЯ, 1978. С. 236]. Здесь же указано, что «лексические основы рубрики III *-бу:ржун* и др. – уменьшительные формы (с которыми гармонирует также значение ‘молодой верблюд’ и т. д.) с афф. *-чиң*» [Там же]. Лексема *буур* в значении ‘верблюд-производитель’ известна и в халха-монгольском [БАМРС, 2001. С. 436].

Этимологический словарь алтайских языков вводит якутское *буур* ‘самец северного оленя, самец’ к общеалтайской основе со значением ‘олень (самец)’ и к «PTurk. **bugu*, -ra 1. deer (male) 2. camelstallion (1 олень 2 самец верблюда)» [EDAL, 2003. С. 1102]. Тюркская основа **bugu*, приводимая в EDAL, как свидетельствует «СИГТЯ. Лексика», зафиксирована в материалах среднеуйгурского, чагатайского и многих современных тюркских языков. Значение ее объясняется как «олень – во всех источниках, самец олена – чаг., ног, ккалп., кирг.» [СИГТЯ, 2001. С. 152]. Здесь высказано предположение, что данное слово, «судя по поздней фиксации и ограниченному употреблению, скорее, ранний монголизм» [Там же]. О связи тюркского *буqa* с монгольским писал В. И. Рассадин: «Бык-производитель крупного рогатого скота в халха-монгольском языке носит название *бух* (ср. бур. *буха*, калм. *бух* id.), которое в старо-монгольском письменном языке зафиксировано в виде *буqa*. С этим монгольским словом следует сравнить др.-тюрк. *буqa* «бык-производитель» [Рассадин, 2015. С. 108]. А. М. Щербак тюркскую основу *буqa* в значении ‘бык-производитель’ также сравнил с п.-монг. и др.-монг. *буqa* и эвенк. *бука* [Щербак, 1961. С. 28], т. е. она сопоставима не только с монгольской. Но авторы EDAL, кажется, справедливо допускают обратное заимствование из тюркских языков в монгольские [EDAL, 2003. С. 1103].

Словари якутского языка приводят однокоренную с тюркской *bugu/buqa* основу *буða* в значении ‘бык, бык-производитель’. В языке современных якутов оно малоизвестно, поэтому БТСЯЯ дает ее с пометой *устаревшее* [БТСЯЯ, 2005. Т. II. С. 476]. Г. В. Попов возвел ее «к общеалтайскому слову» [ЭСЯЯ, 2003. С. 153]. Интересно, что данная основа в варианте *бугу* со значением ‘изюбр-самец’ зафиксирована в бодайбинском говоре якутского языка (это южный

говор). ДСЯС для сравнения с этим словом приводит монг. *буга* ‘олень, изюбр’ [ДСЯС, 1995. С. 53]. Значение *изюбр* в говоре якутского языка, скорее всего, попало из тунгусских языков. Свидетельством этому может служить материал ССТМЯ, в котором слово *буу* приведено со значением ‘изюбр’. Словарь сравнивает его с «п.-монг. *biuu* ‘изюбр’, монг. *буга* ‘олень, изюбр’, бур. *буга* ‘изюбр’» [ССТМЯ, 1975. I. С. 102]. Примечательно, что здесь приводится также слово *бука*, содержащее среди прочих значение ‘пороз (олень-производитель)’ [Там же. С. 103]. Однокоренная с *biuu/biaca* основа в современном монгольском употребляется в значениях ‘олень, изюбр, марал’ [БАМРС, 2001. I. С. 417]. Судя по словарной статье, при помощи дополнительных лексем в языке монголов отмечаются многочисленные половозрастные характеристики оленя.

По поводу якутских слов *буур* и *буђа*, скорее всего, производных от PTurk. **bugu, -ra* в значениях ‘самец олена или лося; бык, бык-производитель’ можно допустить, что это результат семантического развития приводимой в EDAL пратюркской основы. Она в древнетюркском языке уже была представлена в двух значениях – «*buуra* ‘верблюд-производитель’ и *biuu* ‘олень’» [ДТС, 1969. С. 120].

В якутском языке самец олена, как и других домашних и диких животных, имеет обозначение *иргэх*, оно имеет ограниченное региональное употребление, поэтому считается диалектизмом [БТСЯЯ, 2006. С. 725]. Н. К. Антонов справедливо считает, что «оно параллельно общетюркскому *иргэх*, *эргэх* или *эркэк тэбэ* – самец верблюда» [Антонов, 1971. С. 58]. Действительно, ДТС приводит к слову *erkäk* второе его значение: «как компонент описательного обозначения пола: *erkäk junt* ‘конь’, *erkäk bozayu* ‘бычок’, *erkäk oyuł* ‘мальчик’, *erkäk böri*‘волк’» [ДТС, 1969. С. 179]. Тунгусо-маньчжурским языкам оно также известно в значении ‘самец и кастрированный самец’: «*иргэх* ‘самец домашних и диких животных (оленя и лошади)’; ‘кастрированный баран’; п.-монг. *irge* ‘кастрированный баран’, монг. ‘кастрированный взрослый баран’» [ССТМЯ, 1975. С. 326]. Действительно, современный монгольский язык располагает словом *ирэг* в том же значении ‘кастрированный взрослый баран, валух’ [БАМРС, 2001. II. С. 156].

Возрастные обозначения самца и самки олена в говорах якутского языка в основном имеют диалектное употребление и сопоставимы с эвенкийскими и эвенскими наименованиями. Поскольку основное хозяйственное занятие этого этноса было напрямую связано с природным, в том числе животным окружением, «половозрастные характеристики животных в языке эвенков получили широкое развитие» [Мыреева, 2001. С. 14]. Такая же ситуация наблюдается и в эвенском языке, где, «как и в других языках малочисленных народов Севера, существует такой универсальный способ обозначения пола оленей, как гетеронимия по основным возрастным делениям» [Дуткин, 1990. С. 8]. Здесь автор имеет в виду, что при определении возраста оленя носители языка подразумевают и его половую характеристику.

В говорах якутского языка распространено слово *абылахаан* ‘олень-самец на втором году’, которое Большой толковый словарь сравнивает с эвенк. *авлакан* ‘олень-самец на втором году’ [БТСЯЯ, 2004. С. 237]. Диалектологический словарь приводит для сравнения эвенкийский и эвенский параллели: «‘олень-бык в возрасте до года’ //эвенк. *авлакан*, эвен. *авилакан*» [ДСЯЯ, 1976. С. 39]. Этимологический словарь якутского языка данное диалектное слово возводит к эвенкийскому: «*аабылахаан* ‘двуухлетний олень-бык’ < эвенк. *авалаакаан* ‘олень-бык в возрасте до года’» [ЭСЯЯ, 2003. С. 57]. Сопоставимая с якутским диалектным словом *абылахаан* основа *авалакан* в значении ‘олень, олень домашний (бычок одного-двух лет)’ отмечена в эвенкийском и орокском языках [ССТМЯ. 1975. С. 36]. А. Н. Мыреева приводит слово *абалакан*, *авалакан*, *авлакана* в значении 1) ‘олененок до года’; 2) ‘олень от одного года до полутора лет’ [Мыреева, 2001. С. 14], т. е., без указания на пол. Нужно отметить, что в словаре Х. И. Дуткина в значении двухлетний олень находим «*явкан* – самец двух лет; *мулкан* – домашний олень-самец двух лет» [Дуткин, 1990. С. 8]. Это, скорее всего, объясняется тем, что в основу данного издания был положен аллаиховский говор эвенов Якутии.

Сопоставимо с материалом тунгусских языков также диалектное якутское слово *амаркан/амархана* ‘олень-самец четырех-пяти лет’. Якутские диалектологи сопоставляют его с эвенк. *амаркан* ‘олень-бык пяти лет и старше’; эвен. *амаркан* ‘домашний олень четырех-пяти лет’. Приводится также сравнение с юкагирским *амарканэл* ‘олень-самец пяти лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 45], в последний язык, скорее всего, тунгусо-маньчжурское *амаркэн* попало через эвенкийский. В эвенско-русский словарь Х. И. Дуткина слово *амаркан* включено в значении ‘пятерик, олень-самец пяти лет’ [Дуткин, 1990. С. 8]. ССТМЯ для слова *амаркэн* приводит значение ‘олень’ и возрастные обозначения ‘олень-бык пяти лет и старше’, ‘олень четырех-пяти лет’, ‘домашний олень’ из эвенк., эвен., негид. языков [ССТМЯ, 1975. С. 36].

Диалектным в якутском языке является слово *нъымархана* ‘четырехгодовалый олень-самец’ // *нъамарбана* ‘трёхгодовалый олень’. Надо отметить, что в «Перечне слов эвенкийского происхождения в говорах якутов северо-западных и южных районов Якутии» слово *нъимаркан* ‘шестилетний олень’ соотнесено с *амаркан* [Романова, Мыреева, 1975. С. 173]. ДСЯЯ для семантического сопоставления с употребляемым в говорах *нъамарбана* ‘трёхгодовалый олень’ приводит эвенк. *негаркан* ‘трехгодовалый олень-бык’ [ДСЯЯ, 1976. С. 181], его же находим в эвенкийско-русском словаре Г. М. Василевич в значении ‘трёхгодовалый олень’ [ЭРС, 1958. С. 285]. Эта же основа для обозначения другого возраста оленя существует в эвенк.: *нёгаркан*, *нёнгаркан* ‘четырехголовалый олень-бык’ [Мыреева, 2001. С. 15] и эвен.: *нёркан* ‘домашний олень-самец четырех лет’ [Дуткин, 1990. С. 8]. В говорах якутского языка известно также слово *муойка/муойкаа* ‘олень-самец второго года’ [БТСЯЯ 2009. С. 357]. Диалектологические словари представляют его в фонетических вариантах *муойка*, *муойкаа*, *нуойка*, *нуойкаа* и сопоставляют его с эвенк. *мойка* (годовалый дикий олень) [ДСЯС, 1995. С. 127], но дают в разных значениях: «олененок до года; олень-самец второго года; годовалая самка олена; годовалый теленок» [ДСЯЯ, 1976. С. 165]. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков зафиксировал основу *мёжка* ‘олень дикий’, которая известна в эвенкийском, нанайском, маньчжурском языках в значениях «олень дикий годовалый, зайчик; кабан (молодой); поросенок кабана» [ССТМЯ, 1975. С. 543]. Для сравнения приведена якутская основа *муойка* ‘пыжик по первому году, перезимовавший’ [Там же].

Тематическая группа лексики, обозначающей половозрастные наименования самца оленя, в северных говорах якутского языка в целом представлена большим количеством слов. Эта лексика употребляется для точного определения возраста животного. Например, ДСЯЯ приводит *дъэрин* ‘1) двухлетний самец дикого оленя; 2) трехлетний дикий олень по весне’ [ДСЯЯ 1976. С. 103], *муту* ‘олень-самец шести лет’ (ср. *муту* лось, эвенк. олень-самец четырех-пяти лет, *мучэрии* (олень 6 лет) [ССТМЯ, 1977. С. 561]. В БТСЯЯ отмечены *иктээнэ* ‘два-трехгодовалый олень-самец’, ср. эвенк. *иктэнэ*, *иктээнэ* [БТСЯЯ 2006. С. 604]. ССТМЯ к слову *иктээнэ* дает общее значение ‘олень и олень двух-трех лет’ из эвенк., эвен., нег., орок., ма. и приводит для сравнения як. *иктээнэ/юктээнэ* ‘олень-самец (трех-четырех лет)’ [ССТМЯ, 1975. С. 301]. В группе лексики, обозначающей самца оленя, отмечаются также *иитээн* олень-самец трех лет эвенк. *иитэн*, эвен. *иитэн* [ДСЯЯ, 1976. С. 106], *бүүчээр/мүүчээр/мүүчээрэ* диал. ‘олень шести и старше лет’ эвенк. ‘олень шести лет; олень-самец шести лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 168], *дъэрин* ‘1) двухлетний самец дикого оленя; 2) трехлетний дикий олень по весне’ [ДСЯЯ, 1976. С. 103], *куөрбэ/куөрбэннээ* ‘олень-самец’, которое также сопоставляется с эвенк. *корбэ//корбэнэ* ‘бык, самец домашнего оленя, лося’ [ДСЯЯ, 1976. С. 132]. ДСЯЯ приводит также якут. *үөнээ* ‘трехлетний олень-самец или самец-лося’.

Для обозначения самки оленя в якутском литературном языке употребляется сочетание *тыны таба*, в котором *тыны* ‘самка’ – общетюркская основа, которая известна в тюркских языках, начиная с древнетюркского: «*tiši* ‘женщина’*tišikiši* ‘женщина’» [ДТС, 1968. С. 36]. EDAL вводит якутское *тыны* ‘самка’ к «PTurk. **dili* 1 female 2 woman (1 самка 2 женщина)» [EDAL, 2003. С. 1363].

Носителям говоров известно также слово *кыыча//кыычча* со значением ‘самка оленя двух лет’; ‘самка оленя двух или четырех лет’ [ДСЯЯ. 1976, С. 142]. В Словаре Э. К. Пекарского приведено слово «*кыычар* ‘маленький; средний, низкий рост’; *кыычар сүйсү* ‘малорослая скотина’; *кыычар уңуохтаах киси* ‘низкого роста человек’» [Пек., 1959. С. 1453]. БТСЯЯ дает вариант *кыычча* в следующем толковании: «*диал. двухлетняя самка оленя*» [БТСЯЯ, 2008. С. 437]. Это слово в значении *маленький*, видимо, можно сопоставить с тюркским *қісір* ‘бесплодный (о человеке и скоте), яловый (о скоте), женщина, не рожавшая детей, яловая самка животного’ [Щербак, 1961. С. 90]. Значение *маленький* диалектного якутского слова *кыычар//кыычча//кыычча*, очевидно, является развитием значения ‘молодой, еще не рожавший’. Обоснованием может служить словарная статья *кысыр* в ЭСТЯ, в которой зафиксированы значения «1. Бесплодный, 2. Не приносящий плодов, пустой; 3. Пустой» [ЭСТЯ, 2000. С. 250]. По предположению А. М. Щербака, слово восходит к монг. *keiuser* ‘бесплодная’ [Щербак, 1961. С. 90]. Следует добавить, что производной формой общетюркской основы *кысыр* является также «*кытарах* со значениями ‘яловая, нетельная, нежеребая’» [ЭСТЯ, 2000. С. 251]. Видно, что в якутском языке в целом сохранились как первичная, так и производная основы слова в сопоставимых значениях.

В говорах тематическая группа слов, обозначающих самку оленя, обогащена за счет эвенкизмов, уточняющих возраст: *ньюобурхана* ‘четырехгодовалая важенка’ [ДСЯЯ, 1976. С. 180], *сатты//сартты//натты* ‘самка оленя трех лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 204], *сачары//сачарыы//начары* ‘важенка по второму году’ ср. эвенк. *сачарии* ‘двухгодовалая важенка’ [ДСЯЯ 1976. С. 205]. А. Н. Мыреева привела эту основу в вариантах *сачари*, *начари*, *чачари* в том же значении [Мыреева, 2001. С. 14]. Она известна и в других тунгусо-маньчжурских языках: «эвенк. *сачарии*, эвен. *наттии* ‘самка домашнего оленя одного-двух лет’, орок. ‘важенка (самка оленя одного-двух лет)’ [ССТМЯ, 1975. С. 68].

Для народов, традиционным занятием которых является оленеводство, важную роль играет способность/неспособность этого животного к производству потомства.

Название холощеного оленя *ахтами/актами* ‘олень, холощенный в старшем возрасте’ [ДСЯЯ, 1976. С.54]. ДСЯЯ отсылает к эвенк. *актами* ‘холостить’ от *акта* ‘кастрировать оленя’. ССТМЯ дает основу *акта-* ‘кастрировать оленя’, она отмечена в эвенк., эвен., нег., орок., нан., ма., чж. Для сравнения приводится п.-монг. *ayta* со значениями 1. мерин 2. кастрированный; др.-турк. *at* ‘лошадь’, як. *at* ‘кастрированный’, *at обүс* ‘вол’, *аттаа* ‘кастрировать’, *аттакы/аттыкы* ‘кастрированный’ [ССТМЯ, 1975. С. 28]. А. М. Щербак тюрк. *ахта*, *алаша* ‘мерин, холощеный конь’ сравнивает с монг. *агт(a) мори(n)*; маньч. *акта морин*; тунг. *акта мурин*. Здесь отмечено присутствие слова *ахта* в ряде тюркских языков и приводится высказывание П. Мелиоранского о его возможном персидском происхождении [Щербак, 1961. С. 86]. В EDAL эта основа трактуется как тюрко-монгольская изоглосса: «PMong. **akta castrated* (кастрированный): PTurk. **atana castrated camel* (кастрированный верблюд). Yak. *at* ‘castrated’, *attā-* ‘to castrate’ – homonymous with *at* ‘horse’, which is probably a secondary merger (the two roots obviously are to be kept separate). || ATurk.-Mong. Isogloss» [EDAL С. 280]. В ДСЯЯ отмечено также слово *чоноку* ‘холощеный двухгодовалый олень-самец’ [ДСЯЯ 1976. С. 299].

В отношении самки оленя носители языка также отмечают ее неспособность к производству потомства. К словам со значением *бесплодная яловая важенка* относится *амыра* (в.-кол.) ‘бесплодная яловая’. Это слово в говорах якутского языка применяется также и в отношении к корове: *амыра ынах* (бесплодная корова, яловая корова). ДСЯЯ сравнивает его с п.-монг. *атураги* ‘отдыхать (после утомления)’ [ДСЯЯ, 1976. С. 46]. А. Е. Шамаева привела также в сравнение с этим словом ср-монг. *атици* ‘отдохнуть’ [Шамаева, 2012. С. 16]. Действительно, в современном монгольском языке употребляется глагол *амрах* 1) отдыхать; передохнуть [БАМРС, 2001. С. 228]. Но приводимая А. Е. Шамаевой основа, скорее всего, сопоставима с «PMong. **ами-*, **ами-* 1) forest, 2) peace, rest, 3) to be/ become quiet, 4) life, soul (1) покойся,

отдыхать, 2) покой, мир, 3) успокаиваться, 4) жизнь, душа», с этой основой EDAL сравнивает якутское слово *амарах* ‘сострадательный’ [EDAL, 2003. С. 298].

В говорах якутского языка известно также слово *дуланы* ‘яловая важенка (оленя)’, сопоставленное в словаре с эвенк. *дулак*, *дулан* ‘яловая важенка’ [ДСЯЯ, 1976. С. 89]. ССТМЯ приводит также общую основу: «т.-м. *дуулааби*, эвенк. яловая (о важенке оленя)» [ССТМЯ, 1975. Т. I. С. 221]. БТСЯЯ указывает на наличие слова *маангаан* ‘бесплодная самка оленя, важенка’ с пометой *диал*. В качестве переносного его значения приведено ‘бесплодная женщина’ [БТСЯЯ, 2009. С. 180], что может свидетельствовать о широком распространении основы. Интересно, что БТСЯЯ сравнивает это слово с «эвенк. фольк. *манган* ‘крылатый верховой олень’» [Там же].

В современных говорах якутского языка для выражения неспособности оленя к воспроизведству употребляются сочетания с основами *байтaнын* и *кытaрах*: *байтaнын тaба* ‘прогулявшийся олень’, *кытaрах тaба* ‘яловая важенка’. Словари якутского языка объясняют слово *кытaрах* как яловый. БТСЯЯ сравнивает его с тюркскими основами: «кирг., тув. *кызырак* ‘молодая кобылица (еще не жеребившаяся)’» [БТСЯЯ, 2008. С. 388–389]. К якутскому *кытaраа* ‘стать стародойною, яловеть’ EDAL приводит монгольские и тюркские параллели [EDAL, 2003. С. 653]. Хорошо известное в литературном якутском слово *байтaнын* ‘откормленный, нагулявшийся жир за лето скот (или кобыла)’ [БТСЯЯ, 2005. С. 136] сравнимо с «PMong. **bajjita-su* farrow (horse, cow) (яловая (кобыла, корова))» [EDAL, 2003. С. 336].

Общее название телёнка оленя в якутском языке – *тугут*. БТСЯЯ возводит его к «турк. *тoб*, *тug* ‘родиться, возникать, появляться’, монг. *тубул*, *тугал* ‘телёнок’, уйг. *тугутлук* ‘роженица’» [БТСЯЯ, 2014. С. 72]. Н. К. Антонов причисляет слово *тугут* к исконно тюркским и приводит параллели: «чагат. *тобыз* – дитя (Рсл. III-1164), бараб. *тоуши* – детеныш косули (Рсл. III-1165), казах., кирг. *тoкту* – ягненок в конце первого года (Рсл. III-155), осм. *тoкли* – овца трех месяцев (Рсл. III-1153), тув. *донбур* – оленёнок до 1 года и т. п.» [Антонов, 1971. С. 54]. Тюркское происхождение якутского слова *тугут* ‘телёнок оленя, оленёнок до года’ может подтвердить материал ДТС, где приводится основа «*toy-* ‘рождаться, возникать, появляться’» и производное от нее «*toqlı* ‘шестимесячный ягненок, овца’» [ДТС, 1970. С. 577]. Монгольские словари отмечают сопоставимое с якутским *тугут* «*тугал* ‘телёнок (до года)’; *зааны тугал* амьт. ‘слонёнок’; *охин тугал* ‘тёлка’» [БАМРС, 2001. С. 355]. В БРС отмечено «*тугал* 1. Телёнок (детеныш коровы или некоторых животных), *орын тугал* оленёнок и т. д.» [БРС, 1973, 433]. В исследовании А. Е. Шамаевой слово *тугут* в значении ‘лосёнок’ приведено в списке «Монгольские параллели диалектных вариантов общекалмыцких слов» [Шамаева, 2012. С. 245]. В тематическую группу слов, обозначающих телёнка оленя, относятся также диалектные якутские слова со значением «олень-первогодок»: *атаах* ‘оленёнок в первую зиму’, якут. // *тугут* монг. ‘телёнок’ [Васильев, 2007. С. 32], *өнгнөкө* ‘новорожденный теленок (оленя) до осени’, *суонаа* ‘новорожденный олененок, недоношенный олененок’, *ынаах* ‘оленёнок до года; оленёнок в первую зиму’.

Помимо вышеназванных наименований, имеются лексические единицы, которые характеризуют оленей по их состоянию, нраву, функции: *абыла* ‘телёнок-недоносок оленя’, *курку* ‘бродячий олень, оторвавшийся от стада’, *маанныык* ‘упрямый, плохо идущий (об олене)’, *нэкээ* ‘олень, не отходящий далеко от стада или от места пастьбы’, *нылба* ‘родившийся раньше срока телёнок, недоносок, выкидыш’, *учах* ‘верховой олень’, ээни диал. ‘олениха, отелившаяся в годовалом возрасте’ [Иванов, 2017. С. 10–97] и т. д. Большинство из них попало в говоры якутского языка из эвенкийского и эвенского языков. Некоторые обозначения представляют собой якутские словосочетания, например: *көлүүр тaба* ‘упряжной олень’, *ынанар тaба* ‘дойная важенка (оленя)’.

Заключение

Для обозначения различной характеристики оленя употребляется два способа: гетерономия (или лексический супплетивизм – *нъюобурхана* ‘четырехгодовая воженка’ и т. д.) – этот способ, как видно из представленного в статье материала, распространен в собственно тунгусо-маньчжурской лексике анализируемой тематической группы. Это объясняется тем, что олень занимает главное место в жизни носителей данных языков. А другой способ представляет собой сочетание двух слов: *буур таба* ‘олень-самец’, *тыны таба* ‘самка оленя’ и т. д., имеющих общетюркское происхождение, характерных для литературного якутского языка. Слова данной группы лексики характеризуют пол и возраст, способность к воспроизведству.

Рассматриваемая ТГ лексики в говорах якутского языка содержит значительное количество заимствований из тунгусо-маньчжурских языков, выявлены также монгольские параллели рассмотренной лексики. Дальнейшее изучение оленеводческой лексики представляет несомненный научный интерес в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном аспектах.

Список сокращений

аян.-н. – наречие аяно-нельканских тунгусов, бараб. – барабинский говор татарского языка, баш. – башкирский, бур. – бурятский; верх. – верхоянский говор якутского языка, в.-кол. – верхнеколымский говор якутского языка, гаг. – гагаузский, диал. – диалект, др.-монг. – древнемонгольский, др.-турк. – древнетюркский, др.-уйг. – древнеуйгурский, илимп. – наречие тунгусов Илимпейской тундры Туруханского края, инд. – индигирский говор якутского языка, казах. – казахский, калм. – калмыцкий; кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, конд. – наречие тунгусов кондагирского рода (верх. р. Ниж. Тунгуски), кум. – кумыкский, ма., маньч. – маньчжурский, монг. – монгольский, нег. – негидальский, ног. – ногайский, ойм. – оймяконский говор якутского языка, орок. – орокский язык, осм. – османский, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, ср.-монг. – среднемонгольский, ср. – сравни, ср.-уйг. – среднеуйгурский, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, т.-м. – тунгусо-маньчжурский, тунг. – тунгусский, тур. – турецкий, тутур. – наречие тутурских тунгусов (верхняя Лена), тюрк. – тюркский, уйг. – уйгурский, у.-ян. – усть-янский говор якутского языка, фольк. – фольклор, х.-монг. – халха-монгольский, чагат. – чагатайский, чж. – чжурчжэнский, эвенк. – эвенкийский, эвен. – эвенский, якут. – якутский.

Список литературы

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 174 с.
- Бурыкин А. А.** Некоторые замечания к проблеме тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках и их значении для сравнительно-исторической тюркологии и алтайистики // Altaica VIII. М., ИВ РАН, 2003. С. 38–48
- Воронкин М. С.** Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. 221 с.
- Иванов С. А.** Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 992 с.
- Коркина Е. И.** Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 270 с.
- Мыреева А. Н.** Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 101 с.

- Ксенофонтов Г. В.** Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. И. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с.
- Попов Г. В.** Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). Якутск: Якутское книж. изд-во, 1986. 148 с.
- Рассадин В. И.** Тюрко-монгольские названия крупного и мелкогорогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3 С. 107–111.
- Рассадин В. И.** Особенности оленеводства у народов Саянской горной страны в прошлом и настоящем // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2018. № 3: Археология и этнография. С. 136–141.
- Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П.** Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975. 211 с.
- СИГТЯ, 2001** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
- Ушницкая Н. Ю.** Оленеводческая лексика каларских эвенков (по материалам экспедиции в Каларский район Забайкальского края) // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия: Алтайстика. 2021, № 2. С. 65–76.
- Шамаева А. Е.** Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2012. 23 с.
- Щербак А. М.** Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкоznания. 1966. № 5. С. 21–35.

Источники

- БАМРС** – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т.; отв. ред. Г. Ц. Пюрбэев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Θ–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001.; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.
- БРС** – Бурятско-русский словарь; ред. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М., 2010, Т. I (А–Н), Т. II (О–Я) [электронный ресурс] <http://www.Monumentaaltaica.ru>
- БТСЯЯ** – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. Новосибирск: Наука, 2004–2015. 575 с.
- Васильев Ю. И.** Якутско-монгольские лексические параллели. Словарь. Якутск, 2007. 38 с.
- ДСЯЯ I** – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДСЯС II** – Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.
- ДТС** – Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
- Дуткин** – Дуткин Х. И. Тематический эвенско-русский словарь для оленеводов. Якутск, 1990. 47 с.
- Пек.** 1958, 1959 – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1. – 1200 стб.; Т. 2. – 2010 стб.; Т. 3. – 3858 стб.
- ЭСЯЯ** – Попов В. Г. Этимологический словарь якутского языка. Ч. I: А–Дь. Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
- ССТМЯ** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

ЭСТЯ I – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. 768 с.

ЭСТЯ II – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. 348 с.

EDAL – S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak An Etymological Dictionary of Altaic Language. 2003.

References

- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Yakut book publishing house, 1971, 174 p. (in Russ.)
- Burykin A. A.** Nekotorye zamechaniya k probleme tyurkskikh zaimstvovaniy v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh i ikh znachenii dlya sravnitel'no-istoricheskoy tyurkologii i altaistiki [Some comments on the problem of Turkic borrowings in Tungusic languages and their significance for comparative historical Turkology and Altaic studies] // Altaica VIII. Moscow, IV RAS, 2003, pp. 38–48/ (in Russ.)
- Voronkin M. S.** Severo-zapadnaya gruppa govorov yakutskogo yazyka [North western group of dialects of the Yakut language]. Yakut book publishing house, 1984, 221 p. (in Russ.)
- Ivanov S. A.** Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka [Lexical features of subdialects of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka zhidu, 2017, 992 p. (in Russ.)
- Korkina E. I.** Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka [North eastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk, 1992. 270 p.]. Novosibirsk, 1992, 270 p. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Leksika evenkiyskogo yazyka: Rastitel'nyy i zhivotnyy mir [Vocabulary of the Evenki language: Plant and animal world]. Novosibirsk, Nauka publ., 2001, 101 p. (in Russ.)
- Ksenofontov G. V.** Uraangkhay sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov Uraanhaj sakhalar. Essays on ancient history of the Yakut], vol. 1, book 1. Yakutsk, National publishing house of the Sakha Republic (Yakutia), 1992, 416 p. (in Russ.)
- Popov G. V.** Slova “neizvestnogo proiskhozhdeniya” yakutskogo yazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie) [Words of “unknown origin” of the Yakut language (comparative historical study)]. Yakutsk, Yakut book publishing house, 1986, 148 p. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Tyurko-mongol'skie nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v khalkha-mongol'skom yazyke [Turkic-Mongolic names of cattle, sheep and goats in the Khalkha-Mongolian language]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 3, pp. 107–111. (in Russ.)
- Rassadin I. V.** Osobennosti olenevodstva u narodov Sayanskoy gornoy strany v proshlom i nastoyashchem [Features of reindeer husbandry among the peoples of the Sayan mountains in the past and present]. *Bulletin of NSU. Series: History and Philology*, 2018, no. 3: Archeology and ethnography, pp. 136–141. (in Russ.)
- Romanova A. V., Myreeva A. N., Barashkov P. P.** Vzaimovliyanie evenkiyskogo i yakutskogo yazykov [Interaction of the Evenki and Yakut languages. Leningrad, Publishing house “Nauka”, 1975, 211 p. (in Russ.)
- SIGTYa**, 2001 – Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Lexis]. Moscow, Nauka publ., 2001, 821 p. (in Russ.)
- Ushnitskaya N. Yu.** Olenevodcheskaya leksika kalarskikh evenkov (po materialam ekspeditsii v Kalarskiy rayon Zabaykal'skogo kraya) [Reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks (based on materials from an expedition to the Kalarsky district of the Trans-Baikal Territory)]. *Bulletin of NEFU named after: M. K. Ammosov. Altaistics series*, 2021, no. 2, pp. 65–76. (in Russ.)
- Shamaeva A. E.** Mongol'skie paralleli dialektnoy leksiki yakutskogo yazyka [Mongolian parallels of the dialect vocabulary of the Yakut language]. Abstract of Candidate of Sci. Diss., 2012, 23 p. (in Russ.)

Shcherbak A. M. Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961, pp. 82–172. (in Russ.)

Shcherbak A.M. O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh languages [On the nature of lexical relationships between Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu relationships]. *Questions of linguistics*, 1966, no. 5, pp. 21–35. (in Russ.)

Sources

BAMRS – Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In four volumes; Ed. in Chief G.Ts. Pyurbeev. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 485 p. Vol. 2. 506 p. Vol.3. 437 p. Vol. 4. Moscow, Academia publ., 2002. 501 p. (in Russ.)

BRS – Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian dictionary]; Ed. Shagdarov L. D., Cheremisov K. Moscow, 2010, Vol. I (A–N), Vol. II (O–Z) [electronic resource] <http://www.Monumenta altaica.ru> (in Russ.)

BTSYaYa – Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. In 15 Vol. Novosibirsk, Nauka publ., 2004–2015, 575 p. (in Russ.)

Vasil'ev Yu.I. Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli [Yakut-Mongolian lexical parallels]. Dictionary. Yakutsk, 2007, 38 p.

DSYaYa I – Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]; Comp. P.S. Afanasiev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev. Moscow, Nauka publ., 1976, 392 p. (in Russ.)

DSYaS II – Dialektologicheskiy slovar' yazyka sakha: dopolnitel'nyy tom [Dialectological dictionary of the Sakha language. Additional volume]; Comp. M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasiliev. Novosibirsk, Nauka publ., 1995, 296 p. (in Russ.)

DTS – Drevneturkiskiy slovar' [Old Turkic Dictionary]; Ed. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka publ., Leningrad branch, 1969, 677 p. (in Russ.)

Dutkin – Dutkin Kh.I. Tematicheskiy evensko-russkiy slovar' dlya olenevodov [Thematic Even-Russian dictionary for reindeer herders]. Yakutsk, 1990, 47 p. (in Russ.)

Pekarskiy 1958, 1959 – Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1, 1200 col.; Vol. 2, 2010 col.; Vol. 3, 3858 col. (in Russ.)

SSTMYa – Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov [Comparative dictionary of the Tungusic languages]; Ed. In Chief Tsintsius Vol. I. Leningrad: Nauka, 1975. 673 p.; Vol. 2. Leningrad, Nauka publ., 1977, 992 p. (in Russ.)

ESTYa I – Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka publ., 1974, 768 p. (in Russ.)

ESTYa II – Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B» [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”]. Moscow, Nauka publ., 1978, 348 p. (in Russ.)

Popov V. G. Etimologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]. Part I: A-D. Novosibirsk, Nauka publ., 2003. 180 p. (in Russ.)

EDAL – S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak An Etymological Dictionary of Altaic Language. 2003.

Информация об авторах

Данилова Надежда Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Дьячковский Федор Николаевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
НИК

Information about the Authors

Nadezhda I. Danilova, Doctor of Sciences (Philology), Chief Scientific Officer

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher

*Статья поступила в редакцию 09.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.12.2024; принята к публикации 20.12.2024*

*The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 15.12.2024; accepted for publication 20.12.2024*

Научная статья

УДК 811.512.157'366.5
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-77-86

Атрибутивные конструкции со значением улахан ‘большой’ в якутском языке

Ирина Борисовна Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid/0000-0003-0361-5708>

Аннотация

Представленный в статье лингвистический анализ атрибутивных конструкций является неким подспорьем для изучения познания когнитивной деятельности человека, а именно демонстрирует, по каким параметрам воспринимает человек предмет, по каким признакам дифференцирует его из класса ему подобных. Цель статьи – выявление круга параметрических прилагательных с семантикой улахан ‘большой’, степени интеграции прилагательных с семой улахан ‘большой’ в сознании человека. Объектом исследования являются когнитивные особенности и возможности атрибутивных конструкций с прилагательным улахан ‘большой’. Предмет исследования – атрибутивные конструкции с адъективами с семантикой улахан ‘большой’ в якутском языке. Новизна исследования заключается в том, что в якутском языке лингвистический анализ атрибутивных конструкций не был до сих пор изучен в структурно-семантическом аспекте.

Отмечается, что приименный атрибут улахан ‘большой’ имеет наиболее свободную сочетаемость, является универсальным словом, по сравнению с другими параметрическими прилагательными. Прилагательное улахан ‘большой’, описывающее «мир больших вещей», используется при характеристике величины предмета в отношении его длины, ширины, толщины и глубины и т. д. Стопроцентное совпадение значений с данным адъективом показали не все параметрические прилагательные, а только дирин ‘глубокий’, эмис ‘толстый, пухлый’, суюн ‘тучный’, модыу ‘толстый, крепкий’. А широко используемые в языке адъективы ухун ‘длинный; вытянутый’, урдук ‘высокий’, халын ‘большой в объеме, толстый’, куустээх ‘сильный’ только в определенных контекстах выражают семантику ‘большой’.

Представленный адъектив, несмотря на большой синонимический ряд, может заменить довольно большое количество прилагательных, посредством которых достигается представление не только визуальных, но и внутренних качеств предмета. Выявлено, что атрибутивная конструкция – это словосочетание, которое выражает атрибутивное отношение, т. е. отношение не только качества или количества, но и обладания. Например, адъектив улахан ‘большой’ используется вместо посессивов с аффиксом обладания -лаах (элбэх нэхилиэннээлээх ‘многонаселенный’, элбэх кинилээх ‘многолюдный’ и т. д.).

Ключевые слова

якутский язык, морфология, функциональная грамматика, количественность, мера, семантика, прилагательное, имя

Для цитирования

Иванова И. Б. Атрибутивные конструкции со значением улахан ‘большой’ в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 77–86. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-77-86

Attributive Constructions with the Adjective ULAKHAN Meaning “Big” in the Yakut Language

Irina B. Ivanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

Yakutsk, Russian Federation

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid/0000-0003-0361-5708>

Abstract

The linguistic analysis of attributive constructions presented in the article is meant to be a kind of aide for studying human cognitive activity. It demonstrates by what parameters and signs a person perceives and distinguishes oneself from a class of their kind. The purpose of the article is to identify the degree of integration of adjectives with *ulakhan* ‘big’ seme in Yakut human consciousness. The object of the study is the cognitive features and possibilities of attributive constructions with the adjective *ulakhan* ‘big’. The subject of the study is the attributive constructions with adjectives meaning *ulakhan* ‘big’ in Yakut. The novelty of the study lies in the fact that in Yakut attributive constructions have not been studied in the structural and semantic perspective yet.

It is pointed out that the nominal attribute *ulakhan* ‘big’ has the most free compatibility, it is a universal word, compared with other parametric adjectives. The adjective *ulakhan* ‘big’, describing the “world of big things”, is used to characterize the size of an object in relation to its length, width, thickness, depth, etc. 100% semantic similarity with this adjective was shown by the parametric adjectives *Diric* ‘deep’ and *emis* ‘thick, plump’, *swan* ‘thick’, *modu* ‘thick, strong’. As for the most common adjectives, such as *yhn* ‘long’; *elongated* ‘, *urduk* ‘high’, *haly* ‘large in volume, thick’, *kuuste* ‘strong’ they denote ‘large’ only in some contexts.

The presented adjectival, despite the fact that it has a wide synonymous range, can replace a fairly large number of adjectives, through which the representation of not only visual, but also of internal qualities of the subject is achieved. It has been revealed that an attributive construction is a phrase that expresses an attributive relation, i.e. the relation not only of quality or quantity, but also of possession. For example, the adjectival *ulakhan* ‘big’ is used instead of possessives with the affix of possession -laah (*elbeh nehiliennyeleh* ‘multi-populated’, *elbeh kihileh* ‘multi-loving’, etc.).

Keywords

Yakut language, morphology, functional grammar, quantification, measure, semantics, adjective, name

For citation

Ivanova I. B. Attributive Constructions with the Adjective *ULAKHAN* Meaning “Big” in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 77–86. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-77-86

Введение

В современной лингвистике категория меры, в том числе и величины, выражающая идею измерения в пространстве, пользуется большим интересом среди языковедов. Теория грамматики конструкций, на которую мы будем опираться, была основана западными лингвистами [Fillmore, 1988; Goldberg, 2006; Tomasello, 2003; Croft W. 1999, 2011]. В отечественном языкоznании актуальность представляют различные когнитивные аспекты именной семантики [Кубрякова, 2001; Кибрик, 1994; Рахилина, 2008, 2010 и др.], а также объяснения языкового поведения современного носителя языка через функционально-семантические исследования.

Одним из составляющих функционально-семантической категории меры в якутском языке является пространственное понятие величины или размера, которое можно классифицировать как размерно-количественное. Понятие величины можно определить как размер, который не только измеряется кубическими величинами, но больше всего определяется визуально, как бы оценивается путем восприятия. Любой предмет характеризуется в первую очередь с точки зрения размера в отношении его длины, ширины, толщины, высоты, глубины, т. е. понятия ‘размер и величина’ с денотативной точки зрения имеют трехмерное значение, в первую очередь, по длине, высоте (росту), толщине (ширине). Другими словами, в сознании человека

существует связь размера и формы предмета [Апресян, 1974. С. 58; Рахилина, Плунгян, 2011], которая проецируется через различные словосочетания или атрибутивные конструкции с прилагательными, играющие главную роль в процессе категоризации мира через оценочную деятельность сознания человека.

В статье объектом исследования являются собственно синтаксические единицы – именные словосочетания с адъективом улахан 'большой', образованные путем примыкания. В якутском языке для прилагательных характерны атрибутивные конструкции, когда прилагательное семантически модифицирует значение существительного, т. е. когда предмет характеризуется с точки зрения признака. Но иногда допускаются предикативные конструкции, которые имеют морфо-синтаксические отличия в виде аффикса принадлежности: улахан остуол 'большой стол' – остуол + бут улахан 'наш стол большой'.

Прилагательное улахан 'большой'

В якутском языке прилагательное улахан 'значительный по размеру, объему, большой' имеет большую семантическую нагрузку, но традиционно рассматривается как характеризующее величину объекта в целом, огромный масштаб, фундаментальность, значительность (напр., о стройке): улахан тутуу 'большая стройка'; сүрдээх улахан дьиэ 'огромный дом'; күтүр улахан энэ 'огромный медведь'. Также используется в обозначении старшего по возрасту человека, по его чину (по отношению к родным, единоутробным, единокровным): улахан кыыс 'старшая дочка', улахан убай 'старший брат', улахан тойон 'большой человек'. Прилагательное улахан используется по отношению к сильному, громкому звуку, шуму (напр., о голосе, звуке): улахан тыастан унуктан кэллим 'проснулся из-за громкого звука'; к крупным населенным пунктам: улахан куорат 'большой город'. Когда речь идет о тяжелой болезни, тоже используют адъектив улахан: улахан ыарыы кэнниттэн 'после продолжительной болезни'. В значении 'значительный, важный, влиятельный, известный крупный': улахан суюлталаах 'значительный', улахан поэт 'великий поэт' и т. д.

Адъектив улахан 'большой' в субстантивированном виде часто используется в составе фразеологических единиц в качестве различных членов предложения (сказуемое, подлежащее, дополнение, определение, обстоятельство): кыратыттан улаханыгар тиийэ 'от мала до велика', санаата улахан 'слишком уверенный в себе, взявший на себя непосильную задачу', улахан буолбатах 'невелика беда', улахан кырбастаах ыал 'семья с обильным угощением, не скупая, хлебосольная семья', улахан санаалаах 'высокомерный, полный чванства, тщеславия (букв. с большим мнением)', улахан сиэтин 'будь что будет', улаханга уурар 'считать выполнение какой-либо несложной работы или чего-либо обычного, обыденного за мучение, муку', улаханга уурбат 'совершенно не придавать значения чему-либо' и др.

Если обратиться к материалу 15-томного Большого толкового словаря якутского языка, то можно увидеть, насколько огромный синонимический ряд качественных прилагательных с семой улахан 'большой, крупный, огромный': аарыма 'очень мощный, крупный, внушительных размеров', баадаар 'очень большой, крупный (о размере чего-л.)', бадаар 'громоздкий, торчащий остроконечными концами', байах 'ненамного большой (от общепринятой средней мерки)', балтаар 'большой, широкий; имеющий сверху или снизу утолщенный вид', балтархай 'слишком большой, крупный', балысхан 'огромный, громадный', болгуу 'массивный, внушительного размера', болуу 'огромный, жесткий, твердый', боно 'особенно крупный, большой, видный', ботобоно 'довольно упитанный, не худой (в основном о ребенке)', бөдөн 'крупный, большой величины, больших размеров, силы, масштаба; особенно большой, крупный', бөдөн-садан 'крупный, большого роста, больших размеров', бөхүргэс 'сплошь крупный, ядреный (напр., о плодах, клубнях картофеля)', даллан 'весьма крупный, больших размеров', добун 'огромный, большой, внушительных размеров (обычно о местности, поляне)', дөрөл

‘высокорослый, крупный, упитанный’, *дуолан* ‘громадный, огромный по размеру’, *кукүр* ‘массивный, огромный’, *лонсобор* ‘большой и высокий, крупный (о человеческом носе)’, *лөкө* ‘большой, весьма крупный; ощутимый’, *лөку* ‘большой и тяжелый (напр., об инструменте)’, *лөнүгүрэс* ‘все как один крупные (о многих однородных предметах, напр., о картофелинах)’, *лэнкэ* ‘очень большой и широкий (напр., о шапке)’, *обургу* ‘довольно большой, значительный по величине’ и т. д. Приведенный материал свидетельствует о том, что якутский язык очень богатый, в нем много образных, художественных слов. Каждый член синонимического ряда имеет свои особенности в функционировании, т. е. в речи. Например, прилагательное *бөдөн* ‘крупный, большой величины, больших размеров, силы, масштаба; особенно большой, крупный’ используется в отношении к предметам круглой, округленной, овальной формы, например, *бөдөн отон* ‘крупная ягода’, *бөдөн хортуюска* ‘крупная картошка’ и т. д. Сочетания *улахан отон* ‘большая брусника’, *улахан хортуюска* ‘большая картошка’ звучат неестественно для носителей якутского языка.

Сочетание адъектива *улахан ‘большой’* с другими параметрическими прилагательными

Случаи пересечения или дублирования семантических особенностей адъектива *улахан ‘большой’* с различными параметрическими прилагательными представлены в таблице, где показаны характерные параметры прилагательного в якутском языке. В качестве претендентов на змещение были взяты трехмерные параметрические прилагательные со значениями ‘высокий’, ‘длинный’, ‘глубокий’, ‘широкий’ и ‘толстый в объеме’: *уһун* ‘длинный; вытянутый’, *киэн, кэтит* ‘широкий’, *дириң* ‘глубокий’, *урдук* ‘высокий’, *эмис* ‘жирный; большой в объеме’, *суюн* ‘толстый, тучный’, *модьу* ‘толстый, при этом крепкий’, *халың* ‘большой в объеме, толстый’, которые определяют размер и величину визуально (в том числе тактильно). Отметим, что якуты понятие ‘толстый; большой в объеме, в обхвате, в поперечнике; глубокий; полный, тучный, плотный; бесчисленный, несменный’ [ТСЯЯ XIII. С. 255–256] визуализируют через разные ориентиры, основанные по способу, восприятию измерения. Например, *эмис* ‘жирный; большой в объеме’ – это трехмерный ориентир, *суюн* ‘толстый, тучный’ – поперечный параметр, *модьу* ‘толстый, при этом плотный, тучный, крепкий, основательный’ – это поперечный и тактильный параметры, *халың* ‘толстый’ – это вертикальный параметр. Также в качестве атрибутива послужили прилагательные, обозначающие возраст объекта – *аңа* (*аңа саастаах*) ‘старший; взрослый’ и узкое понятие, как *элбэх нэһилиэнньэлэх* ‘многонаселенный’.

Как видим, стопроцентное совпадение значения с прилагательным *улахан ‘большой’* показывает адъектив со значением возраста *аңа* (*аңа саастаах*) ‘старший; взрослый’, о котором можно сказать, что он мало используется в просторечии, а чаще всего зменяется прилагательным *улахан ‘большой’*. Данная семантическая нагрузка зафиксирована в лексическом значении прилагательного *улахан ‘большой’* [ТСЯЯ XII. С. 126]. Использование выражения, может быть, обусловлено тем, что взрослый человек визуально выглядит выше и больше ростом, чем младший по возрасту:

аңа саастаах дьон ‘взрослые люди’ = *улахан дьон* ‘взрослые люди’;
аңа уол ‘старший сын’ = *улахан уол* ‘взрослый сын’.

Существует в якутском языке традиционная градация человеческого возраста: *оҕолор* ‘дети’ → *аңа саастаах дьон* ‘взрослые люди’ → *аҕам саастаах дьон (кырдаңастар)* ‘пожилые, старые люди’, где наблюдается довольно заметная лексическая разница между прилагательными *аңа* ‘старший, старше’ и *аҕам* ‘старый’. В связи с этим в отношении к пожилым людям используется *аҕам саастаах* ‘пожилые’, тогда как параметрия *улахан ‘большой’* не используется.

Атрибутивные конструкции с предметными именами

Attributive constructions with subject names

Прилагательные со значениями 'размер, величина', 'возраст' и т. д.	Предметное имя	Возможность выражения при помощи улахан 'большой'		%
		1	2	
<i>аҗа (аҗа саастаах) 'стар- ший; взрослый'</i>	<i>оҗо 'ребенок' кыыс 'дочь' үол 'сын' дьон 'люди'</i>		да да да да	100
<i>элбэх (ахсааннаах, нэһилиэннъэлээх, ожлоох, киһилээх и т.д.) 'многочисленный, многона- селенный, многолюдный и т. д.'</i>	<i>нэһилиэк 'наслег' куорат 'город'</i>		да да	100
<i>тыластаах 'громкий'</i>	<i>тылас 'звук' музыка 'музыка'</i>		да да	100
<i>киэн, кэтит 'широкий'</i>	<i>куөл 'озеро' танаң 'одежда' иһим 'посуда' харах 'глаза' балаңан 'балаган' суол 'дорога' билии 'знание' көбүс 'спина' сарын 'плечи'</i>		да да да да да да да да да	100
<i>дириң 'глубокий'</i>	<i>куөл 'озеро' уу 'вода' иһим 'посуда' хаар 'снег' бадараан 'болото, топь'</i>		да да да да да	99,9
<i>эмис 'толстый, жирный', суюн 'толстый, тучный', модьыу 'толстый, крепкий'</i>	<i>киһи 'человек' кыыс 'девушка' оскуома 'гвоздь' быя 'веревка' атах 'нога' илии 'рука' куолас 'голос'</i>		да да да да да да да	100
<i>куүстээх 'сильный'</i>	<i>ыарыы 'болезнь' уот 'огонь' куолас 'голос' тыал 'ветер' уу 'вода' санаа 'желание' ардах 'дождь' киһи 'человек'</i>		да да да да да да да нет	87

Окончание табл.

1	2	3	4
<i>yhyn</i> ‘длинный; вытянутый’	<i>кыыс</i> ‘девушка’ <i>остуол</i> ‘стол’ <i>оскуома</i> ‘гвоздь’ <i>сул</i> ‘дорога’ <i>была</i> ‘веревка’ <i>атах</i> ‘нога’ <i>илии</i> ‘рука’	да да да да нет нет нет	58
<i>урдук</i> ‘высокий’	<i>дыиэ</i> ‘дом’ <i>мас</i> ‘дерево’ <i>үүнүү</i> ‘урожай’ <i>халлаан</i> ‘высокое небо’ <i>таямым</i> ‘уровень’ <i>куолас</i> ‘высокий голос’	да да да нет нет нет	50
<i>халынг</i> ‘большой в объеме, толстый’	<i>кингэ</i> ‘книга’ <i>суорбан</i> ‘одеяло’ <i>аймак</i> ‘род, родня’ <i>тайба, тыа</i> ‘необъятная тайга, лес’ <i>сыа, хаха</i> ‘жир, сало’ <i>тирии</i> ‘кожа’ <i>таас</i> ‘стекло’	да да да да нет нет нет	50

Составные прилагательные с аффиксом *-лаах* (элбэх *кихи*-лээх ‘многолюдный’, элбэх *ахсан-наах* ‘множественный’, элбэх *ою-лоох* ‘многодетный’, элбэх *нэхилиэннээ-лээх* ‘многонаселенный; многочисленный’ и т. д.), показывающие множественное количество составляющих частей объекта, полностью могут быть заменены приглагольным *улахан* ‘большой’. Данный факт объясняется тем, что субъект, обладающий большим количеством чего-либо, в свою очередь, имеет большую территорию, площадь, пространство и т. д. В качестве компонента с аффиксом обладания *-лаах* служат названия одушевленных предметов: *кихи* ‘человек’, *ою* ‘ребенок’, *үөрэнээччи* ‘ученик’ и т. д.:

элбэх *нэхилиэннээлээх* *куорат* ‘многонаселенный город’ = *улахан* *куорат* ‘большой город’;
элбэх *оюлоох* *дыиэ* *кэргэн* ‘многодетная семья’ = *улахан* *дыиэ* *кэргэн* ‘большая семья’;
элбэх *кихи* *концерт* ‘концерт, на котором было много людей’ = *улахан* *концерт* ‘большой концерт’.

В якутском языке прилагательные *киэн* ‘широкий’ и *кэтиит* ‘широкий’ являются синонимами, но между собой имеют некоторые семантические различия. Например, прилагательное *киэн* ‘обширный, просторный, широкий’ используется в отношении таких предметов, о внутренности которых определяешь изнутри, т. е. находясь внутри предмета (*тагас* ‘одежда’, *иҳум* ‘посуда’, *балабан* ‘балаган’ или *харах* ‘глаза’ и т. д.). Насчет абстрактных понятий (*билии* ‘знание’, *олох* *суола* ‘дорога жизни’), которые тоже используются в сочетании с прилагательным *киэн* ‘широкий’, можно предположить, что речь идет о «безграничном пространстве». Прилагательное *кэтиит* ‘широкий’, в отличие от *киэн*, является визуальным определителем, а именно оценивает предмет в поперечном разрезе, используется в отношении таких предметов, как *истиэп* ‘степь’, *сул* ‘дорога’, *куөл* ‘озеро’, *көбүс* ‘спина’, *сарын* ‘плечи’ и т. д.

Как видно из таблицы, все сочетания с прилагательными *киэн*, *кэтит* 'широкий' могут дублироваться прилагательным *улахан* 'большой':

киэн дыуупта 'широкая юбка' = *улахан дыуупта* 'большая юбка';
кэтит истиэн 'широкая степь' = *улахан истиэн* 'большая степь'.

Полная сочетаемость атрибутивов *киэн* 'широкий' и *улахан* 'большой' может наблюдаться и у абстрактных понятий:

киэн билилээх 'умный' = *улахан билилээх* 'с большими знаниями'.

Почти стопроцентное совпадение значений наблюдаем в словосочетаниях с прилагательным *дириң* 'глубокий', которое характеризует только те предметы или вещества, которые человек «измеряет» изнутри, оценивает способом «сверху вниз». Глубиной так или иначе обладают предметы, в которых что-то кладут или вынимают, так называемое «вместилище»:

дириң күөл 'глубокое озеро' = *улахан күөл* 'большое озеро';
дириң харах 'глубокие глаза' = *улахан харах* 'большие глаза';
дириң иһим 'глубокий сосуд' = *улахан иһим* 'большой сосуд'.

Прилагательное *улахан* 'большой' часто используется в отношении толстых предметов, выраженных прилагательными *эмис* 'толстый, жирный', *модьу* 'толстый, крепкий', *суон* 'толстый, тучный', *киэн* 'широкий', *кэтит* 'широкий', особенно когда речь идет о людях, животных (*мас* 'дерево, палка', *кихи* 'человек', *балык* 'рыба'):

эмис балык 'жирная рыба' = *улахан балык* 'большая рыба';
эмис кихи 'толстый, жирный человек' = *улахан кихи* 'большой человек'.

Даже когда речь идет о низком голосе – *модьу куолас* 'низкий голос', *суон куоластаах* 'с низким голосом', якуты говорят *улахан куоластаах* 'с большим голосом', *улахан сангалаах* 'громко говорящий'.

Следующим прилагательным, показавшим наибольший высокий процент совпадения с *улахан* 'большой', стал отыменный адъектив *куустээх* 'сильный', оказывающий большое физическое воздействие:

куустээх таптал 'сильная любовь' = *улахан таптал* 'большая любовь';
куустээх уот 'сильный огонь' = *улахан уот* 'большой огонь'.

Но когда речь о сильном человеке или о сильном животном, визуальное восприятие большого объекта редко сочетается с физическими способностями, другими словами:

куустээх кихи 'сильный человек' ≠ *улахан кихи* 'большой человек'.

Прилагательное вертикального и горизонтального параметров *үүн* 'длинный' характеризует предметы вытянутой формы, часто замещает понятие *улахан* 'большой':

үүн кыыс 'высокая девушка' = *улахан кыыс* 'большая девушка';
үүн оствуол 'длинный стол' = *улахан оствуол* 'большой стол'.

А вот когда речь идет о конечностях тела человека или животного (руки и ноги), то мы видим строгое разграничение понятий: *үүн атах* 'длинные ноги' ≠ *улахан атах* 'большие ноги'.

Пространственное понятие *үрдүк* 'высота; высокий' является вертикальным параметром большого размера, применяется к объектам, вертикально фиксированным в пространстве. Когда *дьиэ* 'дом', *мас* 'дерево', *кихи* 'человек', *остуол* 'стол' и т. п. конкретные визуально высокие предметы, естественно, про них можно сказать, что они большие. К любым предметам, просто находящимся на высоте, удаленно от поверхности земли, данный параметр не используется, например, *үрдүк долбуур* 'высокая полка' – это не обязательно большая полка. Совпадения значений адъективов *үрдүк* 'высокий' и *улахан* 'большой' не наблюдается, когда речь идет об абстрактных понятиях, например, *үрдүк үүнүү* 'высокий урожай', *үрдүк таһым* 'высокий уровень', *үрдүк куолас* 'высокий голос'.

В якутском языке, помимо прилагательных *эмис* 'толстый, жирный', *суон* 'толстый, тучный', *модьу* 'толстый, крепкий', которые характеризуют толщину по поперечному диаметру объекта, имеется отдельное обозначение вертикальной толщины плоских объектов *халың* 'толстый, плотный'. Носитель языка никогда не будет использовать *улахан* 'большой' в отно-

шении к плоским пленчатым предметам, как *сыа* ‘жир’, *xaha* ‘сало’, *тирии* ‘кожа’ и т. п., которые оцениваются с точки зрения вертикальной толщины, и которые имеют отдельный маркер определения своих величин:

халың сыа ‘толстый жир’ ≠ *улахан сыа* ‘большой жир’;
халың xaha ‘толстое сало’ ≠ *улахан xaha* ‘большое сало’;
халың тирии ‘толстая кожа’ ≠ *улахан тирии* ‘большая кожа’;
халың таас ‘толстая одежда’ ≠ *улахан таас* ‘большая одежда’.

Но когда речь идет о книге или о большой родне, можно сказать ‘большая книга’, ‘большая родня’:

халың кинигэ ‘толстая книга’ = *улахан кинигэ* ‘большая книга’;
халың аймах ‘большая родня’ = *улахан аймах* ‘большая родня’;
халың таас ‘толстое стекло’ = *улахан таас* ‘большое стекло’.

Итак, в результате исследования разных видов адъективов выявлено, что, помимо параметрических прилагательных, адъективы *аба* ‘старший, взрослый’, *куустээх* ‘сильный’, составное прилагательное *элбэх кинилээх* ‘многолюдный’, не имеющие значение линейных мер, по сути, больше всех показывают размер *улахан* ‘большой’. А параметрические прилагательные *урдук* ‘высокий’, *халың* ‘толстый’, *үүн* ‘длинный’ показали несколько неоднозначную картину, которая должна будет учитываться в определении узуса якутского языка.

Заключение

Таким образом, прилагательное *улахан* ‘большой’, описывающее «мир больших вещей», используется при характеристике величины предмета в отношении его длины, ширины, толщины и глубины. Предмет определяется как большой, если эти линейные измерения объекта оказываются «больше нормы». В целом, в измерительной системе это прилагательное считается универсальным, имеет много синонимов. Но на самом деле, стопроцентное совпадение значений с данным адъективом показали не все параметрические прилагательные, а только *дирин* ‘глубокий’, *эмис* ‘толстый, жирный’, *суюн* ‘толстый, тучный’, *модью* ‘толстый, крепкий’. А популярные адъективы *үүн* ‘длинный; вытянутый’, *урдук* ‘высокий’, *халың* ‘большой в объеме, толстый’, *куустээх* ‘сильный’ только в определенных моментах выражают семантику ‘большой’.

В данном исследовании выявлено, что параметрический адъектив *улахан* ‘большой’ стопроцентно может использоваться вместо посессивов с аффиксом обладания *-ЛАХ* (элбэх *нэхилиенъэлээх* ‘многонаселенный’, элбэх *кинилээх* ‘многолюдный’, *аба* (*аба саастаах*) ‘старший; взрослый’, *тыаастаах* ‘громкий’ и т. д.).

В результате лингвистического анализа в функционально-семантическом аспекте атрибутивных конструкций с предметными именами, в состав которых примененный атрибут *улахан* ‘большой’, выявлено, что он имеет наиболее свободную сочетаемость, чем другие параметрические адъективы, несмотря на то, что имеет много синонимов. Данный адъектив представляет собой такое универсальное слово, которое может заменить довольно большое количество прилагательных. Тем самым видим, что атрибутивная конструкция – это словосочетание, выражающее атрибутивное отношение, т. е. отношение не только качества или количества, но и обладания.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкоznания. 1994. № 5. С. 126–139.

- Кубрякова Е. С.** О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. Вып. 1. С. 4–10.
- Рахилина Е. В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008. 416 с.
- Рахилина Е. В.** Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Ю. Д.** Апресян как теоретик Грамматики конструкций // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2011. С. 548–557.
- Толковый словарь якутского языка. [В 15 т.]. XII. Новосибирск: Наука, 2015. 608 с.
- Толковый словарь якутского языка. [В 15 т.]. XIII. Новосибирск: Наука, 2016. 648 с.
- Croft W.** Some contributions of typology to cognitive linguistics and vice versa // Cognitive linguistics: foundations, scope and methodology. Ed. by T. Janssen, G. Redeker. N.Y.: Mouton de Gruyter. 1999. P. 61–94.
- Croft W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Uni. Press, 2011.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of “let alone”. *Language*, 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Goldberg A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006.
- Tomasello M.** Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition. Cambridge (MA). Harvard Uni. Press, 2003.

References

- Apresyan Yu. D.** Lexical semantics: Synonymous means of language. Moscow, Nauka publ., 1974, 366 p. (In Russ.).
- Kibrik A. A.** Cognitive research on discourse. *Questions of linguistics*. 1994, no. 5, pp. 126–139. (In Russ.).
- Kubryakova E. S.** On cognitive linguistics and semantics of the term “cognitive”. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2001, vol. 1, pp. 4–10. (In Russ.).
- Rakhilina E. V.** Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow, 2008, 416 p. (In Russ.).
- Rakhilina E. V.** Linguistics of constructions. Moscow, “Publishing center “Azbukovnik”, 2010, 584 p. (In Russ.).
- Rakhilina E. V., Plungyan V. A. Yu. D.** Apresyan as a theorist of Grammar of constructions. In: *Word and language: collection of articles for the 80th anniversary of Yu.D. Apresyan*. Moscow, YASK, 2011, pp. 548–557. (In Russ.).
- Explanatory dictionary of the Yakut language. XII t. [In 15 t.]. Novosibirsk, Nauka publ., 2015, 608 p. (In Russ.).
- Explanatory dictionary of the Yakut language. XIII t. [In 15 t.]. Novosibirsk, Nauka publ., 2016, 648 p. (In Russ.).
- Croft, W.** Some contributions of typology to cognitive linguistics and vice versa. In: *Cognitive linguistics: foundations, scope and methodology*. Ed. by T. Janssen, G. Redeker. N. Y.: Mouton de Gruyter. 1999, pp. 61–94.
- Croft, W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Uni. Press, 2011.
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of “let alone”. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.

Goldberg, A. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006.

Tomasello, M. *Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition*. Cambridge (MA). Harvard Uni. Press, 2003.

Информация об авторе

Иванова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник

Information about the Author

Irina B. Ivanova, Candidate of Sciences (Philology), Research Fellow

*Статья поступила в редакцию 20.03.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 29.11.2024*

*The article was submitted 20.03.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 29.11.2024*

Научная статья

УДК 81-139
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-87-101

Комплексная лексикографическая цифровая модель репрезентации локального текста (на примере Армянского текста русской поэзии)

Сергей Николаевич Андреев¹, Нина Викторовна Бубнова^{1,2}
Лариса Викторовна Павлова¹, Ирина Викторовна Романова¹
Ольга Юрьевна Гавенко^{3,4,5}, Наталья Александровна Шашок^{3,4}

¹ Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

² Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации,
Смоленск, Россия

³ Институт динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова СО РАН
Иркутск, Россия

⁴ Федеральный исследовательский центр информационных и вычислительных технологий
Новосибирск, Россия

⁵ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

smol.an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7076-1241>
85ninochka67@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9839-2389>
pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5105-3941>
irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>
olga.yu.gavенко@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-1120>
n.shashok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3658-6110>

Аннотация

Коллективный исследовательский проект «Армянский текст русской поэзии» посвящен разработке комплексной лексикографической цифровой модели репрезентации локального текста, положенной в основу уникальной универсальной системы описания семантических и стилистических характеристик собранного впервые особого корпуса поэтических текстов; при этом локальный текст как структура, подчиняющаяся законам поэтического языка, является объектом, к которому обоснованно применяется методология информационных технологий. Текстологическая научная новизна проекта заключается в создании в открытом доступе наиболее полного на сегодняшний день и достаточного для объективного анализа и разработки новой модели корпуса поэтических произведений русской литературы, посвященных Армении и отражающих межнациональные отношения России и Армении. Исследовательская новизна заключается в разработке оригинальной модели системного описания поименованных и непоименованных сущностей, имеющих тенденцию к семантизации и сюжетообразованию. Такое описание основано на анализе частотной лексики и дополнено литературоведческим анализом, что позволяет объективно выделить константы локального текста. Составленный корпус текстов сопровождается комплексной лексикографической базой – системой словарей и указателей, как традиционных (частотный словарь лексики корпуса, словарь онимов, указатель образов с лексемой Армения), так и уникальных (указатель лексических комбинаций, которые маркируют общеязыковые, ситуативные или индивидуально авторские ассоциации с константами армянского текста). Архитектура системы разработана с учетом задачи построения комплексной цифровой репрезентации локального текста, для решения каждой подзадачи реализован отдельный

© Андреев С. Н., Бубнова Н. В., Павлова Л. В., Романова И. В., Гавенко О. Ю., Шашок Н. А., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 2

специфичный модуль, при этом архитектура информационной системы представления результатов репрезентации позволяет применить разработанную модель к анализу любого локального текста, что, в свою очередь, имеет потенциально широкое применение в цифровых текстологических исследованиях. Форма репрезентации всего уникального материала – сайт в сети Интернет, на котором модель описания локального текста со всеми базами данных находится в открытом доступе. Варианты ролевой модели доступа к системе предполагают соответствующие возможности конкретного пользователя выполнять административные действия и действия, связанные с целевым использованием программного продукта; функционал программного приложения предусматривает расширение системы согласно запросам филологов-экспертов.

Ключевые слова

корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, лексикография, локальный текст, армянский текст русской поэзии

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект №22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы».

Для цитирования

Андреев С. Н., Бубнова Н. В., Павлова Л. В., Романова И. В., Гавенко О. Ю., Шашок Н. А. Комплексная лексикографическая цифровая модель репрезентации локального текста (на примере Армянского текста русской поэзии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 87–101. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-87-101

The Integrated Lexicographic Digital Model of the Representation of a Local Text (using the example of the Armenian text of Russian poetry)

Sergey N. Andreev¹, Nina V. Bubnova^{1,2}
Larisa V. Pavlova¹, Irina V. Romanova¹
Olga Yu. Gavenko^{3,4,5}, Natalia A. Shashok^{3,4}

¹ Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

² Russian Federation Army Air Defense Military Academy
Smolensk, Russian Federation

³ Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russian Federation

⁴ Federal Research Center for Information and Computational Technologies
Novosibirsk, Russian Federation

⁵ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

smol.an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7076-1241>
85minochka67@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9839-2389>
pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5105-3941>
irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>
olga.yu.gavenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-1120>
n.shashok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3658-6110>

Abstract

The collective research project “Armenian Text of Russian Poetry” is dedicated to the development of an integrated lexicographic digital representation model of a local text, which forms the basis for a unique universal system describing semantic and stylistic characteristics of a special corpus of poetic texts never collected before. The textual scientific novelty of the project consists in creating the most complete open corpus of poetic works of Russian literature dedicated to Armenia, accompanied by various dictionaries and indexes: the frequency dictionary, the dictionary of onyms, lexical combinations frequency index, the dictionary of images, and the bibliography. The research novelty lies in the development of an original model for the systematic description of named and unnamed entities that tend to semanticize and

form plot. This description is based on the analysis of frequent vocabulary and is supplemented by a literary analysis, allowing to objectively identify the constants of the local text. The compiled corpus of texts is accompanied by a comprehensive lexicographic database – the system of dictionaries and indexes, both traditional (a frequency dictionary of corpus vocabulary, the dictionary of onyms (toponyms and anthroponyms), the image index with the lexeme Armenia and unique ones (the index of lexical combinations that mark common language, situational or authorian associations with the constants of the Armenian text). The architecture of the system is designed taking into account the task of building an integrated digital representation of a local text, a separate specific module is implemented to solve each subtask, while the architecture of the information system for presenting the results of representation allows to apply the model to the analysis of any local text, which, in its turn, has potentially wide application in digital textual research. The form of the unique material representation is an Internet website, where the entire description model of the local text with all the databases is publicly available. The variants of the role model access to the system assume appropriate capabilities of a particular user to perform administrative actions and actions related to the intended usage of the software product; the functionality of the software application provides for the expansion of the system according to the requests of philologists.

Keywords

corpus linguistics, computational linguistics, lexicography, local text, Armenian text of Russian poetry

Acknowledgments

The studies are funded by The Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00339 “Electronic resource “Armenian Text of Russian Poetry”: representation of the local text of Russian literature”.

For citation

Andreev S. N., Bubnova N. V., Pavlova L. V., Romanova I. V., Gavenko O. Yu., Shashok N. A. The Integrated Lexicographic Digital Model of the Representation of a Local Text (using the example of the Armenian text of Russian poetry). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 87–101. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-87-101

Введение

На сегодняшний день в гуманитарных науках активно развивается специализирующееся на изучении так называемого «локального» текста направление, предполагающее исследования образа места. В качестве места может выступать город (столичный – Москва [Селеменева, 2009, Топоров, 2003, Люсий, 2013], Лондон [Прохорова, 2005] и т. п., провинциальный – Пермь [Абашев, 2000], Вологда [Вологодский текст, 2015], Калининград [Гаврилина, 2011] и др.), регион (Сибирский текст [Тюпа, 2002], Крымский текст [Люсий, 2016], Кавказский [Плисс, 2014] и др.) или страна (итальянский текст русской литературы [Константинов, 2005], туркестанский [Шафранская, 2016]). Локальный текст может изучаться как в контексте творчества одного автора (например, Алма-Ата в прозе Ю. Домбровского [Баянбаева, 2015]), так и в совокупности произведений литературы об одном и том же топосе [Люсий, 2017].

Проблема локального теста является междисциплинарной, соответственно, существуют разные методологические подходы к ее изучению и решению.

Показательно, что о существовании «петербургского мифа» впервые написал историк, культуролог и краевед Н. П. Анциферов, который рассматривал историю через призму литературных образов [Анциферов, 1922]. Лингвист В. Н. Топоров [Топоров, 1984] и литературовед Ю. М. Лотман [Лотман, 1984] – представители структурализма – перевели проблему «петербургского мифа» в «петербургский текст» как семиотическую систему и одновременно как механизм порождения текстов.

Культурологическое и философское направление осмыслиения литературного пространства представляют еще одно популярное научное направление [Гачев, 1993; Ванчугова, 1997]: оно сосредоточено на том, чтобы передать «духовность» города как продукт городской цивилизации; рассматриваются преимущественно философские и культурологические приемы выражения духовности. К этому направлению близка геопоэтика, изучающая взаимодействие мира географии и мира искусства, включая литературу, в том числе нехудожественную [Сид, 2015].

Лингвистический аспект осмысления локального текста представлен лексикографическими трудами [Бурдакова, Нымм, 2017; Словарь неофициальных топонимов, 2014 и др.] или ономастическими [Картавенко, 2020]. Однако словари, как правило, выполняются не на художественном материале; они аккумулируют стереотипные представления горожан о настоящем и прошлом их города и его различных объектов. Например, авторы проекта «Словаря локального текста Могилева-Подольского» предлагают следующие рубрики, по которым рассредоточен материал: 1) символы идентичности; 2) локусы и топонимы; 3) события; 4) лица; 5) сообщества и институты [Алексеевский, Жердева, Лурье, Сенькина, 2008].

В последние годы вырос интерес к ономастическим исследованиям и возросла их значимость, так как через призму имен собственных, аккумулирующих в своей семантике самую разноплановую – лингвистическую, культурологическую, социальную, историческую, психологическую, этнографическую – информацию, в русле антропоцентрического направления в языкоznании реализуются сведения о человеке и об окружающем его мире [Королева, 2010; Максимчук, 2018, 2022].

Авторы данного исследования исходят из представления о том, что любой локальный текст формируется из текстов разных авторов и времен создания, но объединенных определенной внеtekстовой реальностью, при этом она должна представлять собой «конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [Меднис, 2003. С. 10].

Таким образом, главный признак локального текста – наличие упоминаний определенного места, локуса, уже имеющего свое объективное географическое положение, свою историю и культурное наполнение. Объем этих упоминаний и описаний локуса может быть разным, соответственно, тексты могут быть полностью посвящены месту, или место будет играть в них второстепенную роль. В данной работе акцент делается в первую очередь на повторяющихся у разных авторов характеристиках.

Другое важное условие формирования локального текста – способность элементов описания места семантизироваться, обрасти дополнительными значениями. Часто упоминающиеся в сходном значении элементы и характеристики – **константы** – формируют **ядро** локального текста; остальные тексты, содержащие «случайные», единичные малоинформационные элементы и характеристики, составляют **периферию** локального текста.

Константы локального текста могут в совокупности образовать нарратив, тогда можно говорить о формировании локального **мифа**, однако этого может и не быть. До сих пор локальный текст изучался преимущественно на материале прозаических, нарративных текстов, поэтому его элементы и объединялись в основном по нарративным моделям. Если речь идет о локальном тексте на поэтическом материале, необходимо учитывать специфику лирики как рода литературы. В лирическом, стихотворном тексте семантические связи выстраиваются не столько в горизонтали – на синтагматическом уровне, сколько по вертикали – на парадигматическом. Вслед за В. М. Жирмунским мы считаем основным материалом лирики слово, соответственно основой анализа стихотворения предлагается рассматривать тематический (лексический) уровень [Жирмунский, 1921. С. 7].

Таким образом, становится очевидной необходимость модификации методологических подходов к изучению локального текста с учетом междисциплинарного характера данного вопроса.

Методы и результаты

Целью настоящего исследования является создание модели и описание Армянского текста русской поэзии. Основное направление – разработка универсальной системы семантических и стилистических характеристик корпуса поэтических текстов, отражающих не только локальный Армянский текст, но и межнациональные отношения России и Армении. В качестве тако-

го корпуса выступает уникальный Армянский текст русской поэзии – поэтические произведения, посвященные Армении.

Впервые попытка собрать подобную антологию была осуществлена больше полувека назад [Это Армения, 1967], однако она требует существенных дополнений в силу временных и идеологических ограничений. Второе издание имело тематический характер – было сосредоточено на теме геноцида [Амирханян, 2012]. Научный вклад коллектива, работающего в рамках проекта, заключается в публикации в 2021 году сразу двух изданий антологии «Армения в зеркале русской поэзии» совместно с крупным армянским исследователем-филологом профессором М. Д. Амирханяном [Амирханян, 2022]. Эта антология первоначально насчитывала около 400 текстов и нуждалась в научной атрибуции стихотворений и текстологической выверке, а также в дополнении, прежде всего за счет произведений современных авторов.

Проблема, с которой пришлось столкнуться при составлении корпуса, формулировалась следующим образом: включать ли в него стихотворения армянских авторов или поэтов, не относящихся к русскому этносу. Решена эта проблема была так: к русской поэзии относится все, что создано на русском языке. Таким образом, на сегодняшний день собран корпус текстов XVIII–XXI веков об Армении, в составе которого 795 стихотворений.

Авторами представленной работы **создана теоретико-методологическая модель рассмотрения локального текста**, а также выделены его формальные признаки, позволяющие всесторонне описать языковую картину мира Армянского текста. Эта модель нашла выражение в системе словарей и указателей, выполненных на материале Армянского корпуса, и развернутой интерпретации их данных.

Основным результатом исследования стал специально созданный сайт, посвященный Армянскому тексту: <https://localtext.linghub.ru/> (на стадии разработки), на котором предусмотрены следующие разделы.

Раздел «**Корпус**» содержит две вкладки: **Наполнение корпуса** и **Поиск. Наполнение корпуса** представляет собой список текстов, расположенных по авторам, авторы – по алфавиту. При нажатии на название открывается текст стихотворения и метаданные – имя автора, название, год написания, год публикации, ссылка на публикацию. Корпус технически обеспечен возможностью пополнения, разметка корпуса позволяет осуществлять систему **поиска** по лемме, словоформе, предложению. Пользователь получает таблицу результатов, соответствующих запросу (жирным шрифтом выделено искомое слово, показан минимальный контекст).

Частотный словарь является одним из главных инструментов объективного выявления репрезентативных единиц объектов локального текста, собственно, все исследование опирается на изучение лексики корпуса, в первую очередь частотной. В структуре словаря к каждому слову (лемме) есть указание на его ранг, количество словоупотреблений, а также предусмотрен переход к конкордансу, позволяющий обратиться ко всем контекстам словоупотреблений.

Наиболее частотные слова словаря должны представлять ядро репрезентативных единиц локального текста. Для еще большей чистоты результата было принято решение выделить частотную лексику, характерную только для Армянского текста поэзии, исключив из нее частотную лексику поэзии в целом. Для этого была использована программа AntConc, которая предназначена для корпусных исследований, в частности, она позволяет сравнивать разные корпуса для выявления специфики исследуемого корпуса. Был составлен альтернативный корпус из соотносимого количества стихотворений тех же авторов, которые попали и в основной Армянский корпус, но стихотворения выбирались случайным образом на любые темы, без упоминаний армянских реалий.

Результаты такого сравнения показали, что в качестве **единичных объектов Армянского текста** могут выступать:

– **поименованные сущности.** Топонимы: *Армения, Арагат, Севан, Ереван, Ван, Арцах, Евфрат, Айастан*; антропоним: *Сарьян* – они являются маркированными. *Айастан* – национальное название Армении, *Севан* – самое крупное озеро на ее территории, а остальные то-

понимы маркируют исторически Западную Армению. Она представлена библейской горой Аракат, по-прежнему являющейся символом Армении, изображенным на государственном гербе, хотя по Московскому и Каррскому договорам территории, на которой находится Аракат, в 1921 году перешла к Турции. Евфрат, согласно Библии, был одной из четырех рек, на которые ветвилась река, вытекающая из Эдемского сада. Евфрат был западной границей государства Великая Армения (со II в. до н. э. по V в. н. э.), сейчас это территория Турции, Сирии и Ирака. К Западной Армении относятся также расположенный на берегу одноименного озера город Ван – древняя столица Урарту, потом армянского царства Васпуракан, и Арцах – историческая армянская область на территории Азербайджана, непризнанное государство в Закавказье с 1991 по 2023 год. Антропоним всего один: Мартирос Сергеевич Сарьян (1880–1972) – основоположник национальной школы армянской живописи, ученик В. Серова и К. Коровина;

– **безымянные, нарицательные**: природные объекты (*камень, гора, вершина, озеро*), территория (*страна*); наименования людей по социальному признаку (*народ, царь, брат*) и по национальному (*армянин, турок* (выделен исторический конфликт)); фрукты, которые символизируются (*гранат, виноград*); культовые сооружения: *хачкар* (памятник и святыня, представляющий собой стелу с резными изображениями креста), *храм*; предметный мир представлен библейским *ковчегом*. Признак представлен двумя прилагательными: *армянский, древний*.

Далее исследование Армянского текста представляет собой подробную интерпретацию данных, отражающих поименованные и непоименованные сущности, с позиций лингвистики и литературоведения; эти отдельные исследования наполняют раздел **Библиография** – наряду с указанием работ по темам, близким к проекту.

Имена собственные выполняют функцию культурных маркеров. За этот аспект отвечает **Словарь онимов**. В макроструктуре словаря предполагается размещение онимов по убыванию их индексов частотности в рамках всего Армянского текста. Наиболее частотные имена сформируют ядро ономастического пространства локального текста, а низкочастотные онимы – периферийную область. Микроструктура словаря предполагает включение нескольких словарных зон: зоны предметных сведений, зоны языковых сведений и зоны дополнительных сведений. В структуру *предметных сведений* словарной статьи с антропонимом входит следующая информация: годы жизни, род деятельности носителя имени и основные события, сопутствующие биографии. Для топонима это сведения о местонахождении, количественные данные о населении (для населенных пунктов), историческая справка с указанием связанных с этим местом событий и названия достопримечательностей. К числу *языковых сведений* об антропонимах относится указание: формы родительного падежа и родовой принадлежности имени, образуемого от антропонима имени прилагательного и этимологии онима; для топонима указывается форма родительного падежа и родовой принадлежности онима, образуемого от топонимного имени прилагательного, наименования жителей и этимология названия. В зоне *дополнительных сведений* размещается информация об ассоциативно-культурном фоне имени, а также ссылки на все тексты, в которых содержится данный оним [Бубнова, 2023 (б)].

Имена собственные в художественном тексте являются «смысловыми сгустками», а заключенная в их семантике многоплановая историко-культурная информация о жизни народа применительно к локальному тексту позволяет рассматривать «ономастический портрет» определенного этноса [Бубнова, 2023 (а)]. Рассмотрен образный потенциал самого частотного имени собственного – наименования страны Армения (Наири, Айастан). Этому аспекту посвящен специальный раздел – **Указатель образов**; он содержит перечень предметов и явлений, с которыми сравнивается *Армения*. Структура указателя содержит следующие сведения: дата издания стихотворения, название текста, автор, слово-репрезентант концепта-цели, концепт-цель, слово-репрезентант концепта-источника, концепт-источник, текст образца. В результате исследования установлено, что в 75 % случаев *Армения* встречается в составе образа, в ряде случаев – сразу в нескольких образах. Стремление к метафорической интерпретации

Армении усиливается в переломные моменты истории и, напротив, ослабевает в относительно более стабильные. Выявлена преобладающая модель – Армения ассоциируется с человеком, чьи дети – армянский народ.

В механизме семантизации констант Армянского текста участвуют контролируемые и неосознанные ассоциации, которые можно выявить с помощью оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»¹. В результате обработки корпуса программный комплекс выдает так называемые лексические комбинации. Они маркируют общеязыковые, ситуативные или индивидуально авторские ассоциации – в нашем случае с константами Армянского текста [Павлова, Романова, 2015. С. 53–137]. Лексические комбинации с константами Армянского текста отражены в **Указателе лексических комбинаций** – уникальном лексикографическом ресурсе.

Под **лексическими комбинациями** мы понимаем устойчивые, т. е. повторяющиеся в разных текстах группы слов. Это могут быть пары, могут быть многокомпонентные скопления. Речь идет не о коллокациях. В лексических комбинациях между словами-спутниками, т. е. компонентами комбинации, может быть интервал в несколько слов или строк. Программный комплекс выделяет комбинации, анализируя окружение каждого слова на любом заданном исследователем материале (например, фрагменте текста в 50 или 100 слов) [Андреев, Павлова, Романова, 2023. С. 50]. Это явление неочевидно и трудно для обнаружения, потому что между самими словами-спутниками может не быть грамматической или семантической связи. Лексические комбинации – это свидетельства ассоциативных связей. Некоторые из них без труда поддаются объяснению, поскольку отражают соседство явлений в действительности или, например, обусловлены созвучием. Другие ассоциации присущи индивидуальному сознанию, порождены личным опытом и психологическими особенностями и, в большинстве случаев, носителем этого сознания не фиксируются и рационально не воспроизводятся.

Лексический ресурс, на базе которого формируются комбинации, функционально неоднороден: есть лексемы, которые чрезвычайно часто оказываются по соседству друг с другом. Эти частотные и востребованные лексемы мы называем *лейтмотивными*. Это своего рода ядро лексического ресурса.

За пределами лейтмотивного ядра, на периферии, остаются *вариации* – лексемы, которые участвуют в создании лексических комбинаций гораздо реже, добавляются к лейтмотивным звеньям в конкретных текстах и тем самым индивидуализируют эти тексты. Лексические комбинации сигнализируют о притяжении текстов, которое трудно или невозможно обнаружить «невооруженным глазом». Чаще всего это типологические сходства, указывающие на формирование некой общности – сверхтекста. В описываемом случае речь идет о локальном тексте и маркирующих его лексических комбинациях.

Например, самыми частотными в комбинациях со словом *Сарьян* оказываются: *краска* (36 словоупотреблений), *солнце* (35), *Армения* (33); они составляют лейтмотивное ядро. *Краска* является главным атрибутом творчества живописца, она же указывает на колорит его полотен (важен не конкретный цвет, а буйство цвета). «В поисках же выразительных средств первостепенное значение имеет цвет», – утверждал Сарьян [Сарьян об искусстве, 1980. С. 63]. Компонент *Армения* поддерживает образно-мотивную ситуацию тождества Сарьяна и Армении [Павлова, Романова, 2024 (а)]. Появление *солнца* в лейтмотивном ядре гораздо менее предсказуемо, если не знать отношения самого художника к солнцу: «Больше всего на свете я люблю солнце. <...> С ним связана моя жизнь, все мое творчество. Ибо все, что я любил и люблю, все, что меня восхищало и радовало, все, что я писал и пишу, – все это рождено солнцем, согрето его теплом» [Там же. С. 163]. Равнозначность *Армении* и *солнца* – не только природная

¹ Павлова Л. В., Романова И. В., Самойлова Т. А. Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 19137 «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Дата регистрации 26 апреля 2013 года. Модифицированная версия программы: motif на платформе Net Framework 4. Разработчик – Руслан Одинцов.

реалия, но и главное впечатление от полотен мастера – они залиты солнечным светом, создающим богатство цветовых переливов. Можно привести примеры лексических комбинаций: *Армения – краска – Сарьян* (7 раз), *краска – Сарьян – солнце* (6).

На общем электронном ресурсе Указатель лексических комбинаций организован вокруг ряда частотных онимов (Аракат, Севан, Ереван, Сарьян), т. е. включает лексические комбинации с компонентами, маркирующими локальный текст. В структуре Указателя содержатся сведения: 1) о количестве компонентов в составе лексической комбинации с заранее определенным армянским компонентом (3 – минимальное количество), 2) о частоте встречаемости данной лексической комбинации, 3) о стихотворениях, в которых она встречается (с возможностью открыть текст стихотворения, в котором компоненты комбинации графически выделены).

Еще один Указатель посвящен **заглавиям** стихотворений Армянского текста. Среди них особое место занимают заглавия, содержащие *адресную форму*. Они маркируют главный объект, на который направлены сознание и речь лирического субъекта, и подчеркивают не отстраненное созерцание, а активное взаимодействие между субъектом и чужой для него страной. Стихотворения с адресными заглавиями можно рассматривать как относящиеся к ядру локального текста. Они обращены к самой Армении, армянскому народу, конкретным деятелям национальной культуры и науки, а также к наиболее ярким национальным топонимам. Такие заглавия сконцентрированы в XX веке, преимущественно в 1910-е годы и в советский период 1960–80-х. Именно адресные стихотворения маркируют два периода наиболее тесных личных контактов русских поэтов с Арменией. В этих текстах наряду с событиями национальной трагедии армян, связанной с геноцидом, раскрывается во всей полноте любовь, сочувствие, сопричастность русских поэтов к бедам братского народа, восхищение стойкостью и непобедимостью национального характера армян. Заглавия, обращенные к конкретным знаменитым людям, прославившим Армению, преимущественно относятся к мирному времени и отражают как личный вклад этих людей в культуру и историю, так и характер дружеских и крайне уважительных взаимоотношений с русскими поэтами; образы лирических субъектов здесь отступают на второй план. В XXI веке количество адресных стихотворений резко снижается, преобладают заголовки, отражающие главные исторические и культурные достопримечательности Армении, что является свидетельством более отстраненного, туристического взгляда на эту страну.

Другую значительную часть исследования локального текста составляет изучение **непониманных сущностей**, не отраженное в отдельных словарях и указателях, но по-прежнему опирающееся на анализ лексики, которая обеспечивает вообразимость локуса (форма, цвет, отношения).

1. *Цвет*. В результате изучения цветообозначений в Армянском тексте обнаружилось, что численно преобладает синяя группа (в ней лидерами стали синий, голубой, лазурный) и красная группа (красный, розовый, алый, багряный). Синий цвет и его оттенки доминируют вопреки тому, что наиболее почитаемый цвет для армян – красный, именно он связан с благополучием, святостью, женским началом. Семантика синего и его оттенков у русских поэтов нейтральна или позитивна, что не соотносится с негативными по преимуществу этническими представлениями армян об том цвете [Павлова, Романова, 2022].

2. *Форма*. Рассматривались характеристики, отражающие географическую среду ландшафта локуса (оппозиции: камень – вода, тепло – холод, вертикальное – горизонтальное измерение, флора – фауна). На уровне частей речи (соотношение глаголов – прилагательных) рассматривался вопрос о степени динамичности – статичности (декоративности) описания. Соотношение обеих этих частей речи с существительными говорит об интенсивности описательности. Выявлена тенденция к ослаблению динамики в описании Армянского текста от XIX к XXI веку и нарастание статики и декоративности описания, а уровень номинальности во все периоды оказался стабильно низок [Андреев, 2022. С. 4069].

3. *Отношения*, в том числе и социальные, были проанализированы, в частности, путем изучения лексики соответствующих семантических групп, которые отражают актуальные

для армянского локального текста аспекты: религиозный, военный, эмотивный, сенсорный (различные модальности).

Все эти количественные данные позволяют определить соотношения между признаками и общую структуру признаковой модели армянского текста, но также они позволяют выявить изменения, которые имели место при формировании армянского текста в ходе его развития.

Удалось установить, что основные признаки Армянского текста сложились именно в начале ХХ века и потом только корректировались. Так, в частности, показательны основные тенденции соотношения военной и религиозной тем, исторически ведущих для осознания Армянского текста. Тема религии оказывается константной в XIX, начале XX и в XXI веках. XIX век отличается тем, что охватывает приблизительно более трети лексики военной, ее количество резко возрастает в течение начала XX столетия, соответствующего времени геноцида армянского народа. Советский период существенно выделяется среди остальных, в нем наблюдается резкое падение и религиозной, и военной лексики, что можно объяснить цензурными ограничениями. Очевидно, военные события начала XX века в Армении и тема геноцида армянского народа стали выражаться другими способами, тему войны в Армении заслонила тема скорби по жертвам трагических событий. В наше время максимально растет тема религии и слабо растет тема войны [Андреев, 2023. С. 2507].

Анализ локальных текстов по авторам свидетельствует о значительных различиях в индивидуально-авторском восприятии реалий локуса, что находит отражение в его художественном описании. Специфика восприятия локуса состоит в подсознательной или целенаправленной фиксации внимания на отдельных характеристиках из всей совокупности его свойств. Так, соотношения военной и религиозной тем у разных поэтов показало, что, в частности, у М. Матусовского наблюдается тенденция к превалированию военной лексики, у В. Брюсова эти две темы сбалансированы, у С. Городецкого превалирует религиозная тема, а у Мандельштама это превалирование имеет статистически значимый характер. Стихи М. Матусовского, С. Городецкого и В. Брюсова показали максимально усредненный результат по количеству слов исследуемых тем, стихи В. Звягинцевой и особенно И. Снеговой оказались максимально удалены от усредненных значений, т. е. тематически своеобразны [Там же. С. 2508–2509]. Квантитативный анализ лексики позволил опровергнуть расхожее мнение о том, что корни Армянского текста следует искать в произведениях О. Э. Мандельштама, которые, надо отметить, обоснованы от произведений всех остальных авторов, писавших об Армении.

В рамках изучения непоименованных сущностей проанализирован образ лирического субъекта (лирического «я») и связанных с ним мотивов, которые характеризуют его отношение к Армении. Так, можно говорить об эволюции образа лирического субъекта в Армянском тексте русской поэзии. От созерцания экзотики далекой страны он стремится вжиться в судьбы ее народа и примеряет маски страдающих, гонимых, но непокоренных армян; затем он знакомится с Арменией через ее литературу, приезжает сюда и чувствует себя приемным сыном этой многострадальной земли, а история Армении учит его мужеству и состраданию, пробуждает христианское чувство вины. Знакомство с яркими представителями армянской культуры и науки делает его причастным к этой великой культуре и истории. Постепенно Армения становится объектом восхищения, любви и источником творческого вдохновения, местом, куда хочется возвращаться снова и снова [Павлова, Романова, 2024 (б)].

Междисциплинарный характер проблемы локального текста, подчеркнутый выше, учитывается в полном объеме при построении архитектуры информационной системы, хранящей и обрабатывающей корпус Армянского текста.

Архитектура информационной системы «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”» уникальна, в ее теоретической основе заложена научная новизна проекта: впервые для исследования собран корпус поэтических локальных текстов достаточного объема, что необходимо для объективного анализа и для разработки новой модели. Понимание локального текста как объекта, к которому обоснованно применима методология информационных тех-

нологий, возникает при взгляде на поэтический локальный текст как на структуру, с одной стороны, выстроенную законами поэтического языка, с другой – подчиняющуюся руслу тех литературных течений, в рамках которых рождается и существует сам феномен локального текста. Информационная составляющая поэтического локального текста (как и любого поэтического текста) обоснованно становится объектом многомерного анализа информации поэтической структуры [Кожемякина, 2022, 2023].

На этапе проектирования архитектуры системы «Армянский текст русской поэзии» было принято решение скомбинировать ее с учетом требуемого функционала системы, что дало возможность выделить на макроуровне следующие части: сервисы, отвечающие за данные, хранилища данных, сервисы авторизации и пользовательский интерфейс. Варианты ролевой модели доступа к системе предполагают соответствующие возможности конкретного пользователя выполнять административные действия и действия, связанные с целевым использованием программного продукта.

Комплексная цифровая презентация уникального материала проекта представлена на сайте в открытом доступе в сети Интернет, информационная система изменяется на уровне функционала, что расширяет возможности применения результатов проекта «Армянский текст русской поэзии» в цифровых исследованиях локального текста.

Следует отметить еще один важный момент, касающийся многомерного анализа локального текста и имеющий значение для перспективы исследований. Речь идет об условном, но достаточно четком разделении литературоведческих и лингвистических аспектов локального текста. Лингвистические аспекты, иначе говоря, статистика языка как системы, представляют собой основу, которая путем ее квантитативного анализа дает материал для глобальных наблюдений за поэтической материей, существующей в некоторой статике, если говорить о поэтических формах в хронологическом срезе, и в динамике, когда лингвистический анализ направлен на творчество одного автора. Литературоведческий анализ поэтического локального текста принципиально опирается на изучение тем и образов, поскольку, если даже ставить под вопрос само существование поэтического нарратива, особенная насыщенность семантических полей локального текста не вызывает сомнений. Если обратиться к технологиям обработки такого специфического материала, как поэтический локальный текст, то очевидно обоснованное применение классических математических методов, широко используемых в исследованиях, включающих в себя методологию квантитативной филологии. Дальнейший многомерный информационный анализ семантических полей, тем, образов локального текста требует применения современных технологий с использованием информационных моделей языка как инструмента работы со сложной структурой художественного целого.

Заключение

Комплексная лексикографическая цифровая модель представления локального текста, разработанная в рамках проекта «Армянский текст русской поэзии», положена в основу уникальной универсальной системы описания семантических и стилистических характеристик собранного впервые особого корпуса поэтических текстов. Научная новизна проекта выражена в двух аспектах: текстологическом и исследовательском. Создание в открытом доступе наиболее полного корпуса поэтических произведений русской литературы, посвященных Армении, сопровождающегося различными словарями и указателями, представляет собой текстологическую новизну. Разработка оригинальной модели системного описания участвующих в семантизации и сюжетообразовании поименованных и непоименованных сущностей, с опорой на анализ частотной лексики и детальный литературоведческий анализ, с последующим объективным выделением констант локального текста, определяет исследовательскую новизну. Комплексная лексикографическая база – система словарей и указателей – сопровождает составленный корпус текстов.

Предложенная командой проекта модель универсальна; архитектура системы спроектирована с учетом поставленной задачи разработки комплексной цифровой репрезентации локального текста, что позволяет применить модель к анализу любых задач, связанных с изучением локального текста. Сайт в открытом доступе в сети Интернет демонстрирует форму репрезентации всего собранного и полученного уникального текстологического материала, при этом функционал информационной системы предусматривает ее расширение по запросу экспертов, что делает электронный ресурс «Армянский текст в русской поэзии» оригинальным проектом, имеющим потенциально широкое применение в цифровых текстологических исследованиях.

Список литературы

- Абашев В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
- Алексеевский М. Д., Жердева А. М., Лурье М. Л., Сенькина А. А.** Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442.
- Амирханян М. Д.** Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
- Амирханян М. Д.** Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Изд. II. Ереван: Лусабац, 2012. 158 с.
- Андреев С. Н.** Распределение сенсорной лексики в локальных армянских текстах XIX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 4066–4073.
- Андреев С. Н.** Соотношение религиозной и военной лексики в армянском тексте: квантитативный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2504–2510.
- Андреев С. Н., Павлова Л. В., Романова И. В.** Лексические комбинации в «Сарьянском цикле» русских поэтов // Квантитативная филология. 2023. № 1 (5). С. 34–52.
- Анциферов Н. П.** Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
- Баянбаева Ж. А.** Алма-Ата в прозе Ю. О. Домбровского // Полилингвальность и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 354–358.
- Бубнова Н. В.** «Ономастический портрет» Армении в одном тексте Михаила Фридмана // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. ст. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2023а. С. 29–38.
- Бубнова Н. В.** Проект словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» // Громовские чтения. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исследований Междунар. науч. конф., Кострома, 15–16 сентября 2022 года. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2023б. С. 392–399.
- Бурдакова О. Н., Нымм Е. Ю.** Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 116–138.
- Ванчугова В. В.** Москвософия & Петербургология. Философия города. М.: Пилигрим, 1997. 222 с.
- Вологодский текст в русской культуре: сб. ст. по материалам конф. Вологда: Легия, 2015. 380 с.
- Гаврилина Л. М.** Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 75–83.
- Гачев Г.** Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М: Наука; Восточная литература, 1993. 393 с.

- Жирмунский В. М.** Композиция лирических стихотворений. Пб.: ОПОЯЗ, 1921. 107 с.
- Картавенко В. С.** Культурно-историческая содержательность региональных топонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 37–42.
- Kozhemyakina O. Yu** Conceptual design of the software system for automated complex analysis of poetic texts // Вычислительные технологии. 2022. Т. 27, № 2. С. 122–137.
- Кожемякина О. Ю.** Информационные системы анализа поэтических текстов: история, методы и алгоритмы // Вычислительные технологии. 2023. Т. 28, № 3. С. 136–166.
- Константинова С. Л.** «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. Псков: ПГПУ, 2005. 159 с.
- Королева И. А. А. Т.** Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных: работы последних лет. Смоленск: Смядынь, 2010. 156 с.
- Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам XVIII / Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 30–45.
- Люсый А. П.** Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсый. М.: Вече; Русский импльс, 2013. 320 с.
- Люсый А. П.** Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
- Люсый А. П.** Русская литература как система локальных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 341 с.
- Максимчук Н. А.** Ономастические маркеры Смоленско-Витебского приграничья: способы выявления и описания // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст., Витебск, 15–16 марта 2018 года. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. С. 24–27.
- Максимчук Н. А.** Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч. Ч. Смоленск, СГПУ, 2002. 184 с.
- Меднис Н. Е.** Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с.
- Павлова Л. В., Романова И. В.** «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022. № 12. С. 20–32.
- Павлова Л. В., Романова И. В.** Неочевидные структуры текста: Применение программных комплексов для нужд филологического анализа текста. Смоленск: Свиток, 2015. 148 с.
- Павлова Л. В., Романова И. В. (а)** Образно-мотивные ситуации «сарьяновского» корпуса русской поэзии // Известия Смоленского гос. ун-та. 2024. № 1(65). С. 20–34.
- Павлова Л. В., Романова И. В. (б)** Образы лирических субъектов в стихотворениях русских поэтов об Армении // Новый филологический вестник. 2024. № 1 (68). С. 57–69.
- Плисс А. А.** Мотивная структура «Кавказского текста» в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 202 с.
- Прохорова Л. С.** Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2005. 21 с.
- Сарьян об искусстве: сост. М. Казарян, Я. Хачикян. Ереван: Совет, грох, 1980. 211 с.
- Селеменева М. В.** «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
- Сид И.** История понятия «геопоэтика» // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 11 (722). С. 153–170.
- Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска: авт.-сост. Д. В. Бутеев, В. Ю. Сергеев, А. Г. Сибиченков; ред. В. В. Никифорова; ассоциация «Безсеребряный векъ». Смоленск: Маджента, 2014. 336 с.

- Топоров В. Н.** Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Тр. по знаковым системам XVIII / Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 4–29.
- Топоров В. Н.** Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
- Тюпа В. И.** Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
- Шафранская Э. Ф.** Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.
- Это Армения: стихи русских поэтов; ред., сост., автор предисл. Л. М. Мкртчян. Ереван: Айастан, 1967. 180 с.

References

- Abashev V. V.** Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century. Perm, Publishing house of Perm University, 2000. 404 p. (in Russ.)
- Alekseevsky M. D., Zherdeva A. M., Lurie M. L., Senkina A. A.** Materials for the “Dictionary of the local text of Mogilev-Podolsky”. *Anthropological Forum* 2008, no. 8, pp. 419–442. (in Russ.)
- Amirkhanyan M. D.** Armenia in the mirror of Russian poetry. Yerevan, Copy Print, 2022. 662 p. (in Russ.)
- Amirkhanyan M. D.** Genocide in Western Armenia and Russian poetry. Ed. II. Yerevan, Lusabats Publishing House, 2012. 158 p. (in Russ.)
- Andreev S. N.** Distribution of sensory vocabulary in local Armenian texts of the XIX–XXI centuries. Philological Sciences. *Questions of theory and practice* 2022, vol. 15, no. 12, pp. 4066–4073. (in Russ.)
- Andreev S. N.** Correlation of religious and military vocabulary in the Armenian text: quantitative. Philological Sciences. *Questions of theory and practice* 2023, vol. 16, no. 8, pp. 2504–2510. (in Russ.)
- Andreev S. N., Pavlova L. V., Romanova I. V.** Lexical combinations in the “Saryan cycle” of Russian poets. *Quantitative Philology* 2023, no. 1 (5). pp. 34–52. (in Russ.)
- Antsiferov N. P.** The soul of St. Petersburg. Pb., Brockhaus-Efron, 1922, 226 p. (in Russ.)
- Bayanbayeva J. A.** Alma-Ata in the prose of Yu. O. Dombrovsky. *Polylingualism and transcultural practices* 2015, no. 5, pp. 354–358. (in Russ.)
- Bubnova N. V.** “Onomastic portrait” of Armenia in one text by Mikhail Fridman. Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow: A collection of scientific articles. Smolensk, Smolensk State University, 2023a, pp. 29–38. (in Russ.)
- Bubnova N. V.** The project of the dictionary of proper names of the electronic resource “Armenian text of Russian poetry”. Gromov readings. Problems of modern regional lexicography: To the 100th anniversary of the birth of A.V. Gromov and the 30th anniversary of the “Linen Dictionary”: Collection of materials and research of the international scientific conference, Kostroma, September 15–16, 2022. Kostroma, Kostroma State University, 2023b, pp. 392–399. (in Russ.)
- Burdakova O. N., Nymm E. Yu.** From the experience of compiling dictionaries of the local text of the cities of the post-Soviet cultural space. *Almanac of Northern European and Baltic Studies* 2017, no. 2, pp. 116–138. (in Russ.).
- Vanchugova V. V.** Moskvosophy & Peterburgology. Philosophy of the city. Moscow, RIC “Pilgrim”, 1997, 222 p. (in Russ.).
- Vologda text in Russian culture: a collection of articles based on the conference materials. Vologda, Legia, 2015, 380 p. (in Russ.).

- Gavrilina L. M.** Kaliningrad text in the semiotic space of culture. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 06, pp. 75–83. (in Russ.).
- Gachev G.** Images of India (The experience of existential cultural studies). Moscow, Nauka; Oriental Literature, 1993, 393 p. (in Russ.).
- Zhirmunsky V. M.** Composition of lyrical poems. Peterburg, OPOYAZ, 1921, 107 p. (in Russ.).
- Kartavenko V. S.** Cultural and historical content of regional toponyms. Onomastics of the Volga region: materials of the XVIII International Scientific conference. Kostroma, September 9–10, 2020. In 2 vols., vol. 2. Kostroma, Kostroma State University, 2020, pp. 37–42. (in Russ.).
- Kozhemyakina O. Yu.** Conceptual design of the software system for automated complex analysis of poetic text. *Computational technologies*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 122–137.
- Kozhemyakina O. Yu.** Information systems for the analysis of poetic texts: history, methods and algorithms. *Computational Technologies*, 2023, vol. 28, no. 3, pp. 136–166. (in Russ.).
- Konstantinova S. L.** “Italian text” of Russian literature of the XIX-XX centuries. Pskov, PGPU, 2005, 159 p. (in Russ.).
- Koroleva I. A.** A.T. Tvardovsky and the Smolensk Poetic School: through the prism of proper names: works of recent years. Smolensk, Smyadyn, 2010, 156 p. (in Russ.).
- Lotman Yu. M.** The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city. Semiotics of the city and urban culture. Works on sign systems XVIII; Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 664. Tartu, 1984, pp. 30–45. (in Russ.).
- Lyusy A. P.** Moskovsky text: textual concept of Russian culture. Moscow, Publishing house “Veche”, LLC “Russian Impulse”, 2013, 320 p. (in Russ.).
- Lyusy A. P.** The Crimean text of Russian literature: history and modernity. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, no. 11 (750), pp. 161–171. (in Russ.).
- Lyusy A. P.** Russian literature as a system of local texts: dissertation for the degree of Doctor of Philology. Moscow, 2017, 341 p. (in Russ.).
- Maksimchuk N. A.** Onomastic markers of the Smolensk-Vitebsk border area: methods of identification and description. In: *Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles*, Vitebsk, March 15–16, 2018. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 2018, pp. 24–27. (in Russ.).
- Maksimchuk N. A.** Normative-scientific picture of the world of the Russian language personality in a comprehensive linguistic examination. In 2 hours Part 1. Smolensk, SSPU, 2002, 184 p. (in Russ.).
- Mednis N. E.** Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, Publishing house of NGPU, 2003, 170 p. (in Russ.).
- Pavlova L. V., Romanova I. V.** The “Color” component of the frequency dictionary of the “Armenian text”. Litera. 2022, no. 12, pp. 20–32. (in Russ.).
- Pavlova L. V., Romanova I. V.** Non-obvious text structures: Application of software complexes for the needs of philological text analysis. Smolensk, Scroll, 2015, 148 p. (in Russ.).
- Pavlova L. V., Romanova I. V.** Figurative-motivic situations of the “Saryanov” corpus of Russian poetry. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024a, no. 1(65), pp. 20–34. (in Russ.).
- Pavlova L. V., Romanova I. V.** Images of lyrical subjects in poems by Russian poets about Armenia. *New Philological Bulletin*, 2024b, no. 1 (68), pp. 57–69. (in Russ.).
- Pliss A. A.** The motivic structure of the “Caucasian text” in Russian literature of the first half of the XIX century. Abstract of the dis. ...candidate of Philological Sciences. Makhachkala, 2014, 202 p. (in Russ.).
- Prokhorova L. S.** The London urban text of Russian literature of the first third of the XIX century: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01. Tomsk, 2005, 21 p. (in Russ.).

- Saryan on art. Comp. M. Kazaryan, Ya. Khachikyan. Yerevan, Sovetsky, grokh, 1980, 211 p. (in Russ.).
- Selemeneva M. V.** “The Moscow text” in the Russian literature of the twentieth century. (based on the material of artistic prose of the 1910s-1950s). *Bulletin of the RUDN. Series: Literary studies, journalism*, 2009, no. 2, pp. 20–27. (in Russ.).
- Sid I.** The history of the concept of “geopoetics”. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 11 (722), pp. 153–170. (in Russ.).
- Dictionary of unofficial toponyms of Smolensk / author-comp. D. V. Buteev, V. Yu. Sergeev, A. G. Sibichenkov; ed. V. V. Nikiforov; association “Silverless Age”. Smolensk, Magenta, 2014, 336 p. (in Russ.).
- Toporov V. N.** Petersburg and the Petersburg text of Russian literature (introduction to the topic). In: *SEMIOTICS OF THE CITY AND URBAN CULTURE. Works on sign systems XVIII* / Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 664. Tartu, 1984, pp. 4–29. (in Russ.).
- Toporov V. N.** The Petersburg text of Russian literature: Selected works. Saint Petersburg, Art – SPb, 2003, 616 p. (in Russ.).
- Tyupa V. I.** Mythologeme of Siberia: on the question of the “Siberian text” of Russian literature. *Siberian Philological Journal*, 2002, no. 1, pp. 28–35. (in Russ.).
- Shafranskaya E. F.** Turkestan text in Russian culture: The colonial prose of Nikolai Karazin (historical, literary, cultural and ethnographic commentary). St. Petersburg, Its publishing house, 2016, 370 p. (in Russ.).
- This is Armenia: poems of Russian poets; Ed., comp., author of the preface L. M. Mkrtchyan. Yerevan, Hayastan, 1967, 180 p. (in Russ.).

Информация об авторах

- Андреев Сергей Николаевич**, доктор филологических наук, профессор
Бубнова Нина Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент
Павлова Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор
Романова Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
Гавенко Ольга Юрьевна, доктор технических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, старший преподаватель
Шашок Наталья Александровна, аспирант, младший научный сотрудник

Information about the Authors

- Sergey N. Andreev**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor
Nina V. Bubnova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Associate Professor
Larisa V. Pavlova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irina V. Romanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Literature and Journalism
Olga Yu. Gavenco, Doctor of Sciences (Technical Sciences), Candidate of Sciences (Philology), Chief Researcher, Leading Researcher, Senior lecturer
Natalia A. Shashok, PhD Student, Junior Researcher

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 20.12.2024

Научная статья

УДК 81'32, 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-102-119

Лексическая сочетаемость в описаниях органолептических свойств вина (дистрибутивный и кластерный анализ)

Алина Олеговна Клеванова¹

Татьяна Георгиевна Скребцова²

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

¹lina.klevanova.04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5667-3809>

²t.skrebtsova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7825-1120>

Аннотация

Настоящая статья лежит в русле исследований энологического дискурса, связанного с описанием процессов производства и дегустации вина и представленного различными речевыми жанрами. Основываясь на репрезентативном корпусе винных описаний, авторы стремятся выявить типические способы описания органолептических свойств вина: аромата и вкуса. Предмет анализа составляют автоматически извлеченные грамматические конструкции трех типов, заключающие в себе информацию о вкусе и запахе вина. Характерная особенность текстов винной дегустации заключается в активном использовании метафор ввиду недостатка средств первичной номинации для обозначения тонких оттенков вкуса и запаха. Основную роль выполняют синестетические метафоры. Выделяются также онтологические метафоры, позволяющие приписывать вину свойства человека или неодушевленного предмета. Помимо метафор, широко распространены ассоциативные отсылки к другим природным носителям аромата и вкуса – фруктам, ягодам, цветам и пр. Цель исследования заключается в выявлении корреляций между типами используемых метафор, грамматическими конструкциями, в которых они реализуются, и тематическими разделами винных описаний (аромат, вкус, послевкусие). С этой целью применяются два метода компьютерной лингвистики: метод дистрибутивной семантики и кластерный анализ. Метод дистрибутивной семантики показал, что в описаниях аромата вина главную роль играют ассоциации, синестетические метафоры описывают преимущественно вкус и запах, а онтологические метафоры могут характеризовать вкус и послевкусие. Существует корреляция между типом метафоры и реализацией ее грамматической конструкцией; также наблюдается зависимость выделяемых характеристик вкуса и запаха от категории цвета. Результаты кластерного анализа подтвердили связь между типами метафор и грамматических конструкций. Также было обнаружено, что некоторые из выделенных кластеров отличаются тематической однородностью, описывая определенный аспект восприятия (послевкусие, характеристика «тела» вина и пр.). Таким образом, использованные методы показали взаимосвязанные результаты. Исследование демонстрирует возможности применения методов компьютерной лингвистики для анализа тематических разновидностей дискурса и открывает перспективы автоматического порождения соответствующих текстов.

Ключевые слова

лексическая сочетаемость, энологический дискурс, винное описание, метафора, кластерный анализ, дистрибутивная семантика

Для цитирования

Клеванова А. О., Скребцова Т. Г. Лексическая сочетаемость в описаниях органолептических свойств вина (дистрибутивный и кластерный анализ) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 102–119. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-102-119

© Клеванова А. О., Скребцова Т. Г., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 2

Lexical Co-occurrence in Descriptions of Organoleptic Properties of Wine (distributional and cluster analysis)

Alina O. Klevanova¹, Tatiana G. Skrebtsova²

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

¹lina.klevanova.04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5667-3809>

²t.skrebtsova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7825-1120>

Abstract

The present study pertains to the field of oenological discourse, which is defined by its focus on the description of wine production and tasting represented by a variety of text types and stylistic genres. Drawing on a representative corpus of wine descriptions, the authors seek to reveal the typical language used to specify the organoleptic properties of wine, such as aroma and flavour. Due to the lack of specialized items denoting subtleties of smell and taste, metaphors are lavishly used, mostly synaesthetic ones. Ontological metaphors are also present, mapping qualities of humans or inanimate objects on wine. Apart from metaphors, association-based references to various fruit, berries, and flowers are quite common. All the metaphors and associations occur in a limited set of grammatical construction types. The study explores correlations between particular grammatical constructions, metaphor types, and thematical sections of wine descriptions (aroma, flavour, aftertaste). To this purpose, two computational techniques have been applied: distributional semantics and cluster analysis. The former has shown that associations play a central role in rendering wine aroma, synaesthetic metaphors are instrumental in specifying both aroma and flavour, while ontological metaphors are occasionally used to characterize flavour and aftertaste. Metaphor types and grammatical constructions are shown to be inter-related. Besides, aroma and flavour descriptions often happen to be dependent on wine colour (red, white, rose). The application of cluster analysis has corroborated the above-mentioned link between metaphor types and grammatical constructions. Some clusters also tend to be thematically homogeneous, reflecting a particular aspect of perception, e.g. aftertaste or wine body. Thus, the methods applied have yielded compatible results. The study demonstrates the validity of computational techniques in analyzing thematic text varieties and opens up the prospects of their automatic generation.

Keywords

lexical co-occurrence, oenological discourse, winetasting description, metaphor, cluster analysis, distributional semantics

For citation

Klemanova A. O., Skrebtsova T. G. Lexical Co-occurrence in Descriptions of Organoleptic Properties of Wine (distributional and cluster analysis). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 102–119. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-102-119

Введение

С давних времен вино занимает особенное место в материальной и духовной жизни человека. История его производства и потребления уходит вглубь веков и тысячелетий. Вино как культурный феномен воплощает в себе смыслы и ценности, которые нашли свое отражение в литературе, искусстве и религии народов мира.

Потребность в описании технологий изготовления вина, его перцептивных свойств и потребительских качеств способствовала формированию особого тематического вида дискурса. Современный энологический дискурс охватывает широкий спектр тем, связанных с историческими, техническими и культурными аспектами виноделия, а также элементами маркетинга и коммерции. Он включает разнообразные жанры: научные исследования свойств вина, технические спецификации процессов виноделия, официально-деловые документы и отчеты, а также ориентированные на потребителя описания особенностей того или иного напитка и даже устные обсуждения вкуса, запаха и цвета вина, которые происходят на дегустациях.

В нашей стране в последние годы происходит активный рост винодельческой отрасли, спрос на ее продукцию заметно увеличивается [Павлова, Роговенко, 2024], а русский «вин-

ный» язык переживает важный этап своего формирования. В связи с этим актуальными становятся исследования, направленные на анализ особенностей русского энологического дискурса.

Настоящая статья посвящена изучению лексической сочетаемости в текстах, описывающих органолептические свойства вина (точнее, его вкус и аромат). В качестве материала используются винные описания, также называемые «дегустационными заметками» [Паркер, 2008. С. 9–11], которые могут размещаться на контрэтикетке винной бутылки или использоваться в качестве рекламы соответствующей продукции на сайте. Винные описания играют важную роль при составлении профилей различных вин, определении их особенностей и потребительской ценности. В нашем исследовании использованы материалы сайтов таких винотек и винных бутиков города Санкт-Петербург, как «Калейдоскоп напитков мира» (535 описаний)¹, «Альта Вина» (510 описаний)² и «SimpleWine» (480 описаний)³.

Опираясь на метод дистрибутивной семантики и кластерный анализ, мы стремимся выделить характерные лексические способы описания вкуса и аромата вина, в том числе типические метафоры, а также выявить закономерности, связанные с использованием тех или иных языковых выражений для характеристики различных аспектов восприятия.

1. Лексические особенности энологического дискурса

Энологический дискурс – это профессиональный дискурс, связанный с описанием сортов винограда и качества винной продукции, а также процессов ее производства, обработки и употребления. Он включает следующие разновидности:

- 1) производственный дискурс (научно-технические описания процессов производства и программы профессиональной подготовки специалистов-виноделов);
- 2) дискурс «винной» документации (нормы и стандарты производства и хранения, классификация вин и их названия, технические карты вина, сертификаты);
- 3) дискурс винной дегустации (дегустационные описания свойств вина, гастрономические рекомендации) [Абрамичева, Лашина, 2020. С. 5; Долгих, 2022. С. 164].

Общим элементом для всех видов энологического дискурса является наличие собственной терминологической системы как совокупности терминов, которые принадлежат к определенной области научных знаний (ср. [Лашина, 2020. С. 20–22]). Терминология активно используется в дискурсе производства и «винной» документации, ср. *терруар, ассамбляж, мацерация* и т. п. В дискурсе дегустации термины встречаются реже: в основном, для обозначения сортового состава вина, емкостей и процессов, которым вино подвергается во время дегустации. Терминология является универсальной; в русском языке она по большей части заимствована из романских и германских языков (посредством калькирования, транскрипции или описательного перевода) [Абрамичева, Лашина, 2020].

Помимо терминологии, отдельные жанры энологического дискурса отмечены обширным использованием метафор. Речь идет о дискурсе винной дегустации, ориентированной не на производителя, а на потребителя. В научно-технических и официально-деловых жанрах метафоры встречаются редко. Таким образом, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что термины и метафоры «делят между собой» лексическое пространство энологического дискурса. Потребность в использовании метафор диктуется недостатком средств первичной номинации для обозначения тонких оттенков вкуса и запаха. В подобных случаях метафора «из средства создания образа <...> превращается в способ формирования недостающих языку значений» [Арутюнова, 1978. С. 336]. Метафоры в значительной степени специфичны для каж-

¹ Калейдоскоп напитков мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.napitkimira.com/> (дата обращения: 15.10.2023).

² Альта Вина [Электронный ресурс]. URL: <https://altavina.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

³ SimpleWine [Электронный ресурс]. URL: <https://simplewine.ru/> (дата обращения: 21.10.2023).

дого языка, и поэтому винные описания в разных культурах также различаются [Матвеева, 2013; Абрамичева, Лашина, 2020; Долгих, Нечаева, 2022].

В дискурсе винной дегустации метафорические выражения служат для вербализации оценки перцептивно воспринимаемых качеств вина. Стандартный органолептический анализ, имеющий место на профессиональных дегустациях, включает три основных этапа:

- 1) визуальный анализ;
- 2) обонятельный, или ольфакторный, анализ;
- 3) вкусовой анализ [Зыбцев, 2021. С. 112–129].

На каждом этапе оценивается определенная характеристика вина – «глаз», «нос» и «рот» соответственно, – и отмечается его основные достоинства и недостатки. Результаты анализа находят отражение в дегустационной заметке, посвященной описанию индивидуальных особенностей конкретного напитка и характеристике его качества в сопоставлении с другими винами соответствующей группы [Паркер, 2008. С. 11].

Профессиональная дегустация вина проводится в соответствии с определенным регламентом, и структура дегустационной заметки иконически отражает последовательность оцениваемых параметров: сначала идет описание цвета, затем аромата, вкуса и послевкусия напитка. Задачей дегустатора в данном случае является как можно более детальная и точная вербализация своих ощущений, направленная на то, чтобы определенным образом «настроить» восприятие потребителя, «подсказать» ему релевантные нюансы вкуса и запаха и пробудить в его сознании соответствующие ассоциативные связи.

2. Метафора в дискурсе винной дегустации

За длительную историю изучения метафоры сформировались различные подходы к ее анализу и интерпретации, ср. [Теория метафоры, 1990]. Метафору можно рассматривать в разных плоскостях: как фигуру речи, механизм семантической деривации, тип переносного значения или как когнитивный феномен, тесно связанный с мышлением и деятельностью человека. Употребление метафорического выражения может быть мотивировано стремлением к «украшению» речи либо отсутствием в языке прямых эквивалентов тому или иному понятию (ср. термин «лексическая лакуна» в [Блэк, 1990. С. 156]). Поскольку в дискурсе винных описаний приданье тексту какой-либо стилистической или эмоциональной окраски не является целью автора (дегустатора), к метафоре прибегают как к средству передачи определенных значений.

В дегустационных заметках метафоры встречаются в основном в описании аромата и вкуса вина, а для характеристики особенностей визуального восприятия используются обозначения цветов и их оттенков (впрочем, они также могут являться продуктом метафорического переноса, ср. *соломенный, золотистый*). Однако именно при описании вкуса и запаха избежать метафор особенно трудно, что «связано с известной лингвистам сложностью вычленения отдельных модальностей в целостном воплощенном человеческом опыте, и <...> свидетельствует об очевидной ограниченности средств непосредственного выражения перцепции в области запаха, вкуса и аромата» [Шиляев, Шлотгауэр, 2019. С. 113].

Отмечается, что восприятию запаха свойственна определенная предметность [Матвеева, 2013. С. 120]. При ольфакторном анализе вина дегустирующий опирается на свой предшествующий опыт, т. е. проводит аналогию с ранее знакомым (освоенным) запахом. Поэтому в дегустационных заметках мы встречаем словосочетания *ноты черной смородины, вишни и ежевики; оттенки сырой земли; ноты желтого лимона, косточек белых фруктов, мокрого камня и ментола; шоколад с ароматами обжарки; дубовые оттенки* и др. Важно отметить, что никакие из перечисленных веществ в состав вина не добавляются: все винные ароматы являются результатом химических реакций, происходящих на этапе производства и хранения вина. Подобные языковые выражения складываются из ассоциативной способности человека.

ческого сознания, воплощая в себе некий «психологический параллелизм», который появляется под влиянием определенных сходных воздействий на органы чувств [Скляревская, 1993. С. 56]. Мы будем называть их ассоциациями.

Широкий спектр ассоциаций, возникающих при дегустации вина, собран на так называемом «колесе ароматов» («The Wine Aroma Wheel»), разработанном в 1980-х гг. профессором энологии Энн Ноубл. В его различных секторах представлены группы винных ароматов (цветочные, фруктовые, ореховые, пряные, минеральные и пр.). Каждый сектор далее разделяется на более мелкие доли, соответствующие ассоциациям с конкретными объектами. Так, группа древесных ароматов включают ассоциации с сосновой, кедром, дубом и сандаловым деревом. В целом, «колесо ароматов» является классификацией запахов, которые могут быть присущи вину [Noble et al., 1980] (рис. 1).

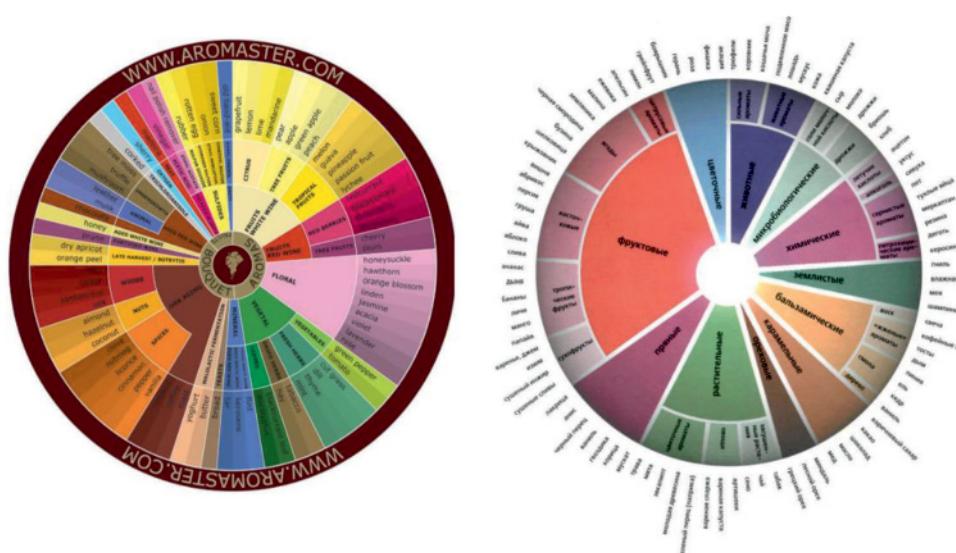


Рис. 1. Колесо винных ароматов (на английском и русском языках)
Fig. 1. Wine Aroma Wheel (in English and Russian)

В винных описаниях нередко встречаются характеристики, которые присущи концептуальным системам, не связанным непосредственно со сферой перцепции. Оттенки вкуса и аромата осмысливаются в категориях признаков материальных сущностей. На основании анализа дегустационных заметок можно выделить следующие концептуальные метафоры, принадлежащие к тому типу, который принято называть онтологическими метафорами:

- 1) «Вино ← человек». Качества вина сравниваются с личностными качествами человека (характером, внешними параметрами, возрастом и пр.): *молодой, старый, мускулистый, благородный, щедрый, агрессивный, навязчивый, женственный/мужественный* (об уровне алкоголя) и другие. Кроме того, вино может иметь *характер, шарм, силу, индивидуальность*;
- 2) «Вино ← неодушевленный предмет». В основе лежит сравнение вкусовых впечатлений от вина с физическими свойствами предмета – его весом, формой, материалом: *легкий, тяжелый, металлический, ржавый, сотканный, плоский, округлый, объемный, многогранный*;
- 3) «Вино ← сооружение». Акцент делается на общем впечатлении от восприятия вкуса и запаха вина: *сбалансированный, структурированный, обрамленный* [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 49–60].

Онтологические метафоры, будучи широко распространенными в языке, нередко представляют собой так называемые мертвые, или стертые, метафоры. Однако, как видно из при-

веденных примеров, при описании свойств вина эти средства вторичной номинации нередко сохраняют образность.

В винных описаниях также распространены синестетические метафоры, основанные на смешении ощущений, воспринимаемых отдельными органами чувств (ср. [Ульман, 1970]). Так, запах может описываться при помощи лексики, относящейся к области вкусовых отношений; также вкус и запах могут характеризоваться через отсылку к другим модусам восприятия, ср.:

- 1) запах ← вкус (*сладкий запах, горький аромат*);
- 2) запах/вкус ← осязание (*сухой, теплый, мягкий, обжигающий, шелковистый, острый, гладкий*);
- 3) запах/вкус ← зрение (*палитра, оттенок, яркий, красочный*);
- 4) запах/вкус ← слух (*аккорд, нотки, гармония, слышаться*).

Как и в случае с онтологическими метафорами, синестетические метафоры широко встречаются и за пределами сферы дегустации. Некоторые из них являются вполне привычными (в особенности перенос из области вкуса на область запаха). В то же время примечательно, что при описании свойств вина могут быть задействованы все пять модусов восприятия.

Синестетические метафоры в тексте часто соединяются с предметными ассоциациями в рамках одного словосочетания, ср.: *ноты спелых яблок, груши; цветочные и цитрусовые оттенки; фруктовые аккорды спелого персика; деликатные пряные штрихи* и т. п. Ассоциации могут также образовывать самостоятельные именные группы, например: *В аромате доминируют спелые черные ягоды – вишня, черешня, слива; Вино имеет сложный, выразительный вкус с увлекательной кислотностью, нотами цветов и оттенками фруктов (груша, персик, абрикос, лichi, ананас, маракуйя и папайя)*.

3. Анализ лексической сочетаемости в дискурсе винной дегустации

3.1. Автоматическая обработка данных и формирование корпуса текстов

Материал настоящего исследования составили дегустационные заметки на русском языке, собранные с сайтов винотек и винных бутиков Санкт-Петербурга посредством веб-парсинга, основанного на алгоритме *Beautiful Soup*. На их основе был составлен корпус текстов объемом более 1 500 заметок, в дальнейшем разбитых на предложения. Ввиду того, что винная дегустационная заметка включает в себя три блока описаний («глаз», «нос», «рот»), была проведена первичная обработка, позволившая выделить описания, относящиеся только к аромату и вкусу вина. Объем итогового корпуса составил 3 700 предложений, разделенных по категориям «Красное вино» (1 305 предложений), «Белое вино» (1 236 предложений) и «Розовое вино» (1 183 предложения). Вина этих трех видов были выбраны в качестве основы, так как в зависимости от времени брожения и сорта используемого винограда (красного или белого) эти оттенки являются базовыми для всех видов вин [Зыбцев, 2021. С. 8].

Далее корпус был размечен с использованием библиотек *NLTK*⁴ и *Rymorphy3*⁵: предложения были разбиты на отдельные токены, были удалены все знаки препинания, каждому токену был приписан тег, содержащий информацию о его частеречной принадлежности, морфологических характеристиках и синтаксической функции. Также были удалены нераспознанные токены (в основном, содержащие грамматические ошибки), а также слова, написанные не на кириллице (названия сортов винограда, вина или виноградника).

⁴ NLTK: nltk.probability module // nltk.org [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nltk.org/api/nltk.probability.html> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵ Rymorphy3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pypi.org/project/rymorphy3/#description> (дата обращения: 14.10.2023).

Затем была проведена процедура извлечения словосочетаний с использованием библиотеки *spacy*.

Были выявлены два вида сочетаний, представленные соответственно именными и глагольными группами. Наше внимание было сосредоточено на анализе именных групп, поскольку соответствующие глагольные конструкции показали довольно низкую частотность (3,7 % от общего числа сочетаний). Помимо этого, употребление глагола в переносном значении характеризовало преимущественно ощущения субъекта восприятия, а не свойства объекта (т. е. вина), ср.: *Позвольте себе окунуться в мир богатства и изыска, насладиться его многогранным характером и насыщенным вкусом*. В связи с этим было принято решение не рассматривать глагольные конструкции.

Итак, на основе правил, описывающих атрибуты токенов, были извлечены именные группы нескольких грамматических типов (см. ниже). Отметим, что в подавляющем большинстве они включали онтологические и синестетические метафоры, а также предметные ассоциации, ср.:

1) существительное с зависимым прилагательным или причастием (N + Adj): *щедрый вкус; фруктово-минеральные акценты; завершающий аккорд; незабываемое впечатление; черные ягоды; бархатистые танины*;

2) существительное с другим зависимым существительным в родительном падеже (N + N): *ноты клубники; оттенки специй; цветы граната; баланс кислотности; нюансы клубники; нотки кофе; акценты какао*;

3) два существительных, объединенных сочинительной связью, с союзом или без (N + (Conj) + N): *фрукты и ягоды; яблоко, вишня; свежесть и элегантность*.

Неметафорические сочетания были вручную удалены, и в результате общий объем данных составил 8 008 словосочетаний для корпуса «Красное вино», 7 322 словосочетания для корпуса «Белое вино» и 6 568 словосочетаний для корпуса «Розовое вино».

Далее для применения методов дистрибутивной семантики и кластерного анализа полученные словосочетания были представлены в виде векторов (word-embeddings). Для векторного преобразования мы использовали библиотеку *Transformers*, реализованную на языке Python и содержащую множество предобученных языковых моделей⁶. В частности, была выбрана модель *bert-base-multilingual-cased* системы BERT⁷, которая поддерживает большое количество языков, включая русский.

3.2. Дистрибутивная семантика: семантические связи между лексическими единицами

Из автоматических подходов к исследованию сочетаемости, возможно, наибольшей известностью обладает метод дистрибутивного анализа, ср. [Апресян, 2007. С. 79]. В его рамках был разработан метод дистрибутивной семантики, направленный на исследование лексико-семантического аспекта сочетаемости.

В последние годы, в связи с развитием компьютерной и корпусной лингвистики, дистрибутивная семантика получила широкое применение. В основе данного подхода лежит дистрибутивная гипотеза: «языковые единицы, встречающиеся в схожих контекстах, имеют близкие значения» [Sahlgren, 2008. Р. 34]. Метод дистрибутивной семантики предполагает вычисление семантической близости между словами с учетом их статистической дистрибуции [Мурашо-

⁶ *Transformers* // Hugging Face [Электронный ресурс]. URL: <https://huggingface.co/transformers/v3.0.2/index.html> (дата обращения: 14.04.2024).

⁷ BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1810.04805> (дата обращения: 22.04.2024).

ва, 2016. С. 68–69]. Для этого слова и словосочетания представляются в виде контекстных векторов (см. выше) [Gallant, 1991]. Множество векторов, в свою очередь, образует словесное векторное пространство, в котором отображается информация о том, сколько раз данное слово или выражение было встречено в данном контексте [Boleda, 2020. Р. 2].

Для проведения анализа были задействованы библиотеки *scikit-learn*⁸ и *NLTK*. Мы применили метрику косинусного сходства k для определения косинуса угла между двумя векторами, т. е. двумя лексическими единицами:

$$k(a, b) = \frac{a * b}{|a| * |b|},$$

где a , b – векторы, представленные конкретными словами или словосочетаниями. Согласно данной метрике, чем больше косинус угла приближается к единице, тем выше сходство в значении слов. Это позволяет определить контекст, для описания содержания которого могут использоваться определенные языковые выражения. Далее с использованием коэффициента максимального правдоподобия выявлялись закономерности встречаемости слов в конкретном окружении.

Вычисление метрик косинусного сходства показало, что лексика, присущая описаниям «носа» вина, также используется для описаний «рта», что объясняется наличием функциональной связи между органами обоняния и вкуса. Так как человек достаточно ограничен в непосредственном восприятии вкусов в силу своих анатомических особенностей (распознанию подлежат четыре разновидности вкусов: сладкий, соленый, кислый и горький, а также дополнительный «изысканный» вкус (умами) [Александров и др., 2016. С. 205–206]), более тонкие нюансы он различает благодаря обонянию.

При этом многие синестетические метафоры, такие как *нотка*, *тон*, *оттенок*, *штрих*, *палитра*, *акцент* и др., в равной степени связаны с характеристиками как аромата, так и вкуса. Что касается ассоциаций, они используются в основном при описании запаха и послевкусия напитка. Онтологические метафоры служат для общей характеристики «тела» вина, т. е. таких его параметров, как кислотность, сбалансированность, плотность, вязкость, текучесть, концентрации алкоголя, уровень сахаров и танинов: *полнотелое и насыщенное вино, округлый вкус, мягкие танины, яркая кислотность, легкая горечь зрелости*.

Посредством вычисления коэффициента максимального правдоподобия было обнаружено, что синестетические метафоры широко используются в сочетании с ассоциациями: *пряные оттенки, нота черники, ягодная палитра, перечный тон, штрих графита, фруктово-бальзамический акцент* и др. Онтологические метафоры, напротив, встречаются отдельно, ср.: *многогранный вкус, вкус гладкий, вкус структурированный*. Таким образом, можно отметить, что отдельные типы метафоры тяготеют к выражению посредством определенных грамматических конструкций. Так, онтологические метафоры преимущественно выражаются при помощи конструкций типа $N + Adj$, синестетические метафоры (в том числе в сочетаниях с ассоциациями) образуют конструкции типа $N + Adj$ и $N + N$, а ассоциации – $N + (Conj) + N$.

Довольно неожиданным результатом стало выявление ярко выраженной зависимости между категориями вкуса/запаха и цвета (имеются в виду три базовых цвета вина – белый, розовый и красный). Как выяснилось, цвет вина во многих случаях оказывает значимое влияние на ассоциативную способность дегустатора.

Было обнаружено, что ассоциации во многом обусловлены базовыми цветами вина. Так, при описании ароматических и вкусовых свойств красных вин дегустаторы чаще прибегают к лексике, обозначающей объекты насыщенного темного цвета. Высоким значением косинус-

⁸ Парные метрики, Сходство и ядра // scikit-learn.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://scikit-learn.ru/stable/modules/metrics.html?ysclid=m1f9hostgf373940632> (дата обращения: 14.04.2024).

ного сходства ($\approx 0,96$) для словосочетания *красное вино* обладают такие выражения, как *ягода и шоколад, темный фрукт, черника и вишня, чернослив и вишня, аромат ежевики, ежевика и вишня, горький шоколад, обожженный дуб, кофе и ягоды* и некоторые другие. Приведенные сочетания также имеют наибольшую частоту встречаемости в соответствующих корпусах. Так, в табл. 1 представлены наиболее частотные словосочетания корпуса «Красное вино», среди которых высокой частотой встречаются обладают словосочетания, описывающие явления, ассоциативно связанные с красными или темными цветами палитры.

Таблица 1

Словосочетания, связанные с красным цветом,
в корпусе «Красное вино»

Table 1

Phrases associated with the red color in the Red Wine corpus

Ранг	Словосочетание	Частота
1	чёрный смородина	90
2	долгий послевкусие	80
3	чёрный ягода	77
4	бархатистый танин	69
5	шелковистый танин	68
6	танин вкус	67
7	красный фрукт	59
8	спелый вишня	59
9	красный ягода	56
10	мягкий танин	56
11	чёрный перец	45
12	оттенок ягода	44
13	спелый фрукт	42
14	спелый ягода	42
15	длительный послевкусие	41
16	специя ягода	41
17	насыщенный аромат	40
18	тон ягода	40

В описаниях белого вина, напротив, обычно наблюдаются ассоциации со светлыми объектами. Преобладают «фруктовые» и «цветочные» группы, в частности, белые и желтые цветы (белые цветы, белая роза, цветущий одуванчик, сухоцвет и ромашка), семечковые фрукты (зеленое яблоко, желтое яблоко, зеленая груша), косточковые фрукты (абрикос и персик, желтая слива, белая слива, белый персик, абрикос и нектарин), цитрусовые и тропические фрукты (лимон и лайм, ананас и банан, лимонная цедра), а также различные травы (мята и анис, нюансы шалфея, сухая трава, полевые цветы).

Кажется закономерным, что описания розовых вин в этом смысле оказываются где-то «посередине» между описаниями красного и белого вина. Ассоциации здесь тяготеют к красным тонам (красная ягода, малина и клубника, красная смородина, земляника и малина); встречаются также отсылки к светлым и насыщенным (но не темным) оттенкам цветущих растений (белые цветы, полевые цветы, цветы персика, цветы вишни), цитрусовым (лайм и цветы, лайм и лимон) и тропическим фруктам (манго и маракуйя, манго и лichi, оттенок дыни).

Схожая зависимость наблюдается и в использовании онтологических метафор. Цвет вина влияет на общее восприятие вкуса и запаха: красные, белые и розовые вина оказываются различны по «телу», «структуре» и «характеру». При описании красных вин дегустатор чаще обращает внимание на его текстуру и «тельность». Предполагается, что это связано с более высокой концентрацией танинов в красном вине по сравнению с белым и розовым (ср. [Доминэ, 2010. С. 70–74]). Соответственно, лексика в описаниях танинов имеет выраженную семантическую связь с единицей *красное вино* и составляет 10,8 % корпуса «Красное вино», в то время как для корпуса «Белое вино» и «Розовое вино» та же лексика составляет всего 1,1 и 0,7 % соответственно. Когда дегустатор характеризует индивидуальный характер вина, такие качества, как *благородность, богатство, сочность, насыщенность и многогранность*, скорее, будут отмечаться у красных вин. Что касается белых вин, они наделяются такими свойствами, как *нежность, легкость, деликатность, элегантность и гармоничность*, а в их букете преобладают яркие акценты. Розовое вино, в свою очередь, описывается как *гармоничное, мягкое, легкое и нежное с выраженнымными нотками свежести* во вкусоароматической палитре (см. табл. 2).

Таблица 2

Прилагательные для описания вкуса и запаха (онтологические метафоры)

Table 2

Adjectives specifying taste and smell (ontological metaphors)

Прилагательное	Частота в корпусе «Красное вино»	Частота в корпусе «Белое вино»	Частота в корпусе «Розовое вино»
аккуратный	1	1	3
благородный	13	3	1
богатый	57	33	16
восхитительный	5	4	1
выраженный	11	17	7
выразительный	36	36	23
гармоничный	67	74	75
глубокий	17	3	1
деликатный	31	48	43
интенсивный	57	36	27
лёгкий	15	124	114
многогранный	15	10	7
мягкий	88	41	58
насыщенный	82	38	26
нежный	50	63	61
ощутимый	9	2	4
свежий	33	80	118
сложный	21	15	6
сочный	102	43	61
щедрый	21	9	6
элегантный	41	58	55
яркий	96	110	93
Всего сочетаний типа N+ADJ:	4105	3236	3376

3.3. Кластерный анализ: группировка лексических единиц по их семантическому сходству

Кроме метода дистрибутивной семантики, мы также провели анализ наших данных посредством кластеризации⁹. Кластерный анализ представляет собой статистическую процедуру, которая позволяет разбивать «множества исследуемых объектов и признаков на однородные в соответствующем понимании группы или кластеры» [Торопчина, Двоерядкина, Вохминцева, 2006. С. 6–7]. При этом критерии, определяющие принципы группировки объектов, не задаются заранее и определяются моделью уже в процессе обработки.

Существует множество алгоритмов кластеризации, выбор которых зависит от целей исследования и характера анализируемых данных. В нашем исследовании мы используем алгоритм *k*-средних (*K-Means*), который относится к числу неиерархических алгоритмов кластеризации [Осипова, Лавров, 2017. С. 117]. На вход подаются векторные представления слов (в нашем случае словосочетаний). В основе алгоритма лежит определение центров кластеров μ_j (центроидов) путем подсчета среднего значения всех расположенных в нем векторов x_i и последующей минимизации суммы квадратов внутрикластерных расстояний до центра кластера. Эта процедура выполняется итеративно, т. е. центроиды обновляются до тех пор, пока не будет достигнуто оптимальное разбиение данных на кластеры:

$$J = \sum_{j=1}^k \sum_{i=1}^n \min_{\mu_j \in C} (\|x_i^{(j)} - \mu_j\|^2),$$

где C – множество полученных кластеров; k – число полученных кластеров в множестве C ; n – количество наблюдений; $x_i^{(j)}$ – i -е наблюдение в j -м кластере; μ_j – центроид j -го кластера.

Одним из ключевых условий использования алгоритма *k*-средних является наличие заранее установленного числа кластеров. Для определения этого числа мы применяли так называемую методику локтя, которая основывается на анализе графика зависимости суммы квадратов внутрикластерных расстояний (SSE) от количества кластеров. Применение данной методики показало, что в нашем случае необходимо создать пять кластеров для каждого из трех видов вин. Для сокращения размерности был использован метод анализа главных компонентов (Principal Component Analysis, или PCA), а сам процесс был проведен несколько раз с различной инициализацией центроидов (параметр *k-means++*), поскольку алгоритм *k*-средних может дообучаться в процессе выполнения задачи.

Оценка кластеризации проводилась на основе показателя силуэта, который измеряет среднее расстояние до объектов одного кластера в сравнении с другими кластерами¹⁰. Оценка выше 0,5 указывает на хорошее качество кластеризации, ниже 0,25 – на плохое, значения между 0,25 и 0,5 считаются удовлетворительными.

Для проверки эффективности модели процедура была проведена несколько раз. Результаты показали, что вне зависимости от числа испытаний данные разбиваются по кластерам неравномерно. На рис. 2 представлены результаты последнего (наиболее успешного) разбиения. На оси абсцисс указано число полученных кластеров, на оси ординат – количество данных в каждом кластере. Как можно увидеть, в то время как для красного вина в каждый кластер вошло примерно одинаковое количество объектов, кластеры для белого вина значительно отличались друг от друга по объему. Предполагается, что данный результат связан с более богатым

⁹ См.: Кластеризация в ML: от теоретических основ популярных алгоритмов к их реализации с нуля на Python // Habr [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/798331/> (дата обращения: 12.04.2024); Кластерный анализ // dmitrymakarov.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dmitrymakarov.ru/intro/clustering-16/#1-metod-k-srednikh> (дата обращения: 12.04.2024).

¹⁰ Cp.: What is Silhouette Score? // Medium [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@hazallgultekin/what-is-silhouette-score-f428fb39bf9a> (дата обращения: 12.04.2024).

и разнообразным наполнением описаний вкуса и запаха красных вин по сравнению с описаниями белого вина. Для розового вина данные были распределены практически равномерно, за исключением объемного четвертого кластера (cluster 3.0).

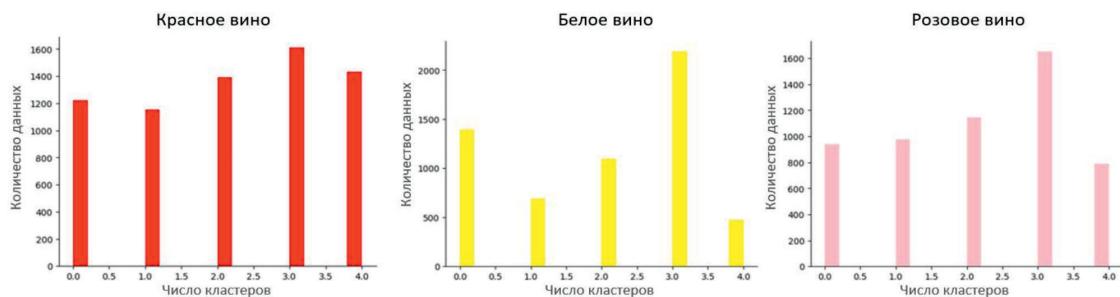


Рис. 2. Распределение данных по кластерам
Fig. 2. Distribution of data across clusters

Рис. 3 демонстрирует, что полученные кластеры характеризовались довольно высокой степенью разреженности. Особенно большое расстояние между объектами наблюдалось в кластерах E и D для красного и белого вин, и в кластерах B и D для розового вина. При этом показатели оценки силуэта для двух из трех видов вин составили меньше 0,5 (0,345 для красного, 0,44 для белого, 0,53 для розового вина). Это свидетельствует о том, что разные по значению лексические единицы зачастую объединялись в один кластер, в то время как однородные данные помещались в разные.

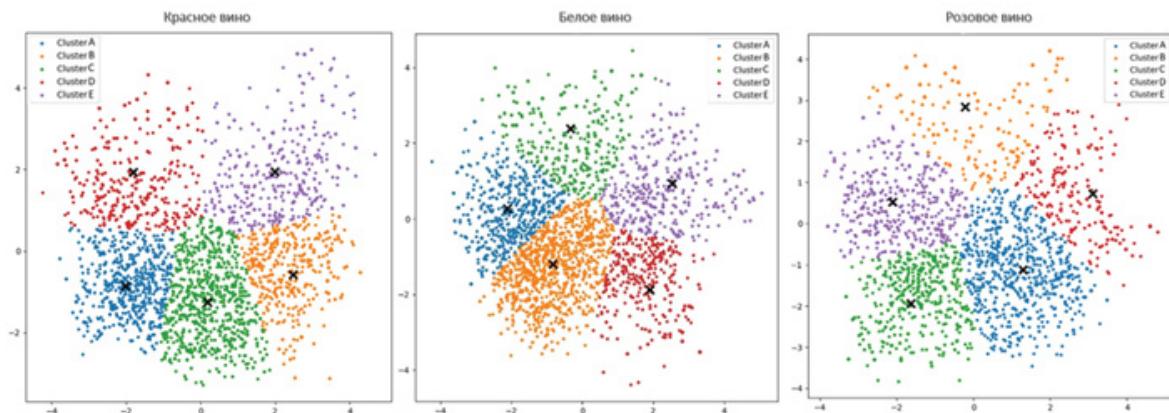


Рис. 3. Кластеры для красного, белого и розового вин
Fig. 3. Clusters for red, white and rose wine

В табл. 3 приводится описание полученных кластеров для каждого из трех видов вин с точки зрения трех аспектов: содержания (тематических групп), характера метафоры, используемой для передачи данного содержания, и грамматической конструкции. Следует отметить, что тематические группы указаны только для тех кластеров, где имелась явная возможность их выделения.

Как видно из таблицы, алгоритм разбивает объекты, основываясь не только на их семантической близости, но и на схожести соответствующей грамматической конструкции. При этом ввиду довольно высокой частотности, ассоциации (в том числе в сочетаниях с синестетической

Таблица 3

Содержание кластеров

Table 3

The content of the clusters

Номер кластера	Содержание кластера		
	Красное вино	Белое вино	Розовое вино
Кластер А (0,0)	<i>Послевкусие</i> : онтологические метафоры, N + Adj. <i>Описание вкуса</i> и «тела» вина: онтологические метафоры, N + Adj	<i>Оттенки и нюансы аромата и вкуса</i> : онтологические метафоры, N + Adj; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj	<i>Послевкусие</i> : онтологические метафоры, N + Adj. <i>Описание вкуса</i> и «тела» вина: онтологические метафоры, N + Adj
Кластер В (0,1)	Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj	<i>Фруктовые описания</i> : сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj	Ассоциации, N + (Conj) + N
Кластер С (0,2)	<i>Оттенки и нюансы аромата и вкуса</i> : онтологические метафоры, N + Adj; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N	Ассоциации, N + (Conj) + N	<i>Оттенки и нюансы аромата и вкуса</i> : онтологические метафоры, N + Adj; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N
Кластер D (0,3)	<i>Описание танинов</i> : онтологические метафоры, N + Adj. Ассоциации, N + Adj. Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + Adj	<i>Оттенки и нюансы аромата и вкуса</i> : онтологические метафоры, N + Adj; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj. Ассоциации, N + Adj	Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj
Кластер Е (0,4)	Ассоциации, N + (Conj) + N	<i>Послевкусие</i> : онтологические метафоры, N + Adj	<i>Фруктовые и ягодные описания</i> : ассоциации, N + (Conj) + N; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj

метафорой) распределяются довольно неравномерно и проникают почти во все кластеры. Тем не менее в некоторых кластерах можно проследить наличие определенной темы: например, характеристика послевкусия (*ягодное послевкусие*, *приятное послевкусие*, *долгое послевкусие*, *длительное послевкусие*), характеристика вкуса и «тела» вина (*богатый вкус*, *сочная кислотность*, *гармоничная кислотность*, *деликатный оттенок*, *великолепная кислотность*, *хороший баланс*, *средняя полнота*), описания путем сравнения с фруктами (*тропические фрукты*, *нотки яблок, манго и лайма*) или ягодами (*оттенки вишни, малина и клубники, ягодный взрыв*).

С целью выделения большего числа таких тематических групп, мы предприняли попытку повторного проведения кластерного анализа на материале кластеров с наиболее разнородным

содержанием. В частности, мы выбрали кластеры D для красного вина (D1) и белого вин (D2), в которые попали все виды метафор (онтологические, синестетические и ассоциации), описывающие разные аспекты запаха, вкуса и послевкусия. При помощи методики локтя было определено, что для данных D1 оптимальное число кластеров составляет три, а для данных D2 – пять. В табл. 4 представлено описание новых кластеров. Можно отметить, что данное разбиение получилось более однородным (показатель семантической близости для обоих вин составил 0,58 и 0,61 соответственно).

Таблица 4

Содержание кластеров для групп D1 и D2

Table 4

The content of the clusters for D1 and D2

Номер кластера	Содержание кластера	
	Красное вино D1	Белое вино D2
Кластер А (0,0)	Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + Adj	<i>Яблочные и цветочные описания</i> : сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj
Кластер В (0,1)	<i>Фруктовые описания</i> : сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj	<i>Цветочные описания</i> : сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N, N + Adj
Кластер С (0,2)	<i>Описание танинов</i> : онтологические метафоры, N + Adj	Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + Adj
Кластер D (0,3)	–	<i>Оттенки и нюансы аромата и вкуса</i> : онтологические метафоры, N + Adj; сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N
Кластер Е (0,4)	–	Сочетания синестетических метафор с ассоциациями, N + N

В результате было выявлено, что основную часть лексики винных описаний составляют ассоциации. Они образуют больше всего самостоятельных кластеров и имеют тенденцию проникать в кластеры других тематических групп. В большинстве случаев выражения, реализованные в сочетаниях N + Adj и N + N, рассматриваются моделью как наиболее близкие и относятся к одному классу. В сравнении, конструкции типа N + (Conj) + N группируются отдельно. Это подтверждает существование корреляции между грамматической структурой словосочетания и его ролью в винном описании.

Кроме того, послевкусовые ощущения и описания вкуса («тела» и структуры) вина объединяются в один кластер, поскольку они передаются путем использования однотипных онтологических метафор. Синестетические метафоры хаотично распределяются по разным кластерам, поскольку они часто употребляются в сочетании с ассоциациями и иногда с онтологическими метафорами (ср. *вишневый оттенок* и *богатый оттенок*).

При многократном проведении кластеризации возможно более четкое разграничение тематических групп: есть тенденция к выделению описаний структуры вина, танинов или разных видов «ассоциативных» групп (например, отдельные ассоциации с фруктами, ягодами, цветами, специями и т. д.).

Заключение

Описания органолептических свойств вина в значительной степени основываются на использовании метафор. Это особенно ярко проявляется в области вкусового и обонятельного восприятия, будучи обусловлено недостатком средств первичной номинации. В описаниях аромата и вкуса вина регулярно задействуются синестетические метафоры, причем в качестве сферы-источника метафорической проекции могут выступать все три остальных модуса перцепции: зрение, слух, осязание. Используются также онтологические метафоры, приписывающие вину качества человека, неодушевленного объекта и сооружения. Помимо этого, широко распространены ассоциативные отсылки к фруктам, ягодам, цветам и пр. Все эти средства призваны компенсировать отсутствие специализированных лексических единиц, характеризующих тонкие нюансы аромата и вкуса.

Для изучения особенностей лексической сочетаемости в дискурсе винной дегустации был собран презентативный корпус винных описаний. В результате автоматической обработки из него были извлечены три вида именных конструкций. Далее этот материал обрабатывался при помощи методов дистрибутивной семантики и кластерного анализа.

Метод дистрибутивной семантики показал, что при описании аромата вина главную роль играют ассоциации, синестетические метафоры описывают преимущественно вкус и запах, а онтологические метафоры могут характеризовать его вкус и послевкусие. Помимо этого, существует корреляция между типом метафоры и соответствующей грамматической конструкцией. Также наблюдается зависимость характеристик вкуса и запаха от категории цвета: в описаниях красного, белого и розового вина используются различные, почти не пересекающиеся группы лексических единиц.

В результате применения кластерного анализа было отмечено, что, несмотря на различия в описаниях разных видов вин, сформированные для них кластеры довольно схожи с точки зрения содержания. Так, для всех вин в отдельный кластер выделяются описания послевкусия и вкуса, представленные онтологическими метафорами, ассоциации в конструкциях типа $N + N$, а также сочетания синестетических метафор с ассоциациями, характеризующие аромат. Более того, наблюдается тенденция к выделению конкретных тематических групп: описания структуры вина, послевкусия, танинов, а также разных видов «ассоциативных» описаний (например, ассоциации только с фруктами, ягодами, цветами, специями и пр.).

Таким образом, примененные методы показали взаимосвязанные результаты. Полученные кластеры в основном характеризуются внутренней однородностью с точки зрения и описываемого аспекта (аромата, вкуса и послевкусия), и грамматической конструкции, и характера используемой метафоры.

Результаты автоматической обработки наглядно свидетельствуют о высокой степени метафоричности, наблюдаемой в описаниях вкусового и обонятельного восприятия, и дают наглядное представление о характере используемых метафор и ассоциаций. Исследование демонстрирует широкие возможности применения методов компьютерной лингвистики для анализа тематических разновидностей дискурса и открывает перспективы автоматического порождения соответствующих текстов.

Список литературы

- Абрамичева Е. Н., Лашина Д. А.** Энологические термины как объект перевода // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодежью. Воронеж: Шико-Севастополь, 2020. № 1. С. 3–13.
- Александров Д. А., Харламова А. Н., Северина Т. Г., Колесникова М. Л., Семенович А. А., Башаркевич Н. А., Кубарко А. И., Переверзев В. А.** Вкусовая сенсорная система – ней-

- рофизиологические механизмы (лекция для студентов) // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 2. С. 203–209.
- Апресян Ю. Д.** Дистрибутивный анализ // Большая российская энциклопедия. Т. 9. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 79.
- Арутюнова Н. Д.** Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, № 4. С. 333–343.
- Блэк М.** Метафора // Теория метафоры; пер. М. А. Дмитровской. М.: 1990. С. 153–172.
- Долгих З. Б.** О некоторых лексических особенностях португальского энологического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1. С. 162–168.
- Доминэ А.** Вино / пер. Н. В. Матвеева, Л. И Кайсарова; под ред. Е. С. Розанова. М.: АСТ, 2010. 928 с.
- Зыбцев Ю. Э.** Настольная книга дегустатора. 3-е изд. М.: Эксмо, 2021. 592 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
- Лашина Е. Б.** Понятие о термине, терминологической системе и терминологической цепочке // Глобус: гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 20–22.
- Матвеева Т. М.** Перцептивная категория запаха в языке профессиональных дегустаторов (на материале немецкого языка) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 24 (315). С. 118–122.
- Мурашова Л. П.** Теория дистрибутивной семантики применимо к анализу узкой контекстуальной дистрибуции лексем «man» и «woman» // Научный вестник ЮИМ. Проблемы лингвистики. 2016. № 1. С. 68–71.
- Осипова Ю. А., Лавров Д. Н.** Применение кластерного анализа методом k-средних для классификации текстов научной направленности // Математические структуры и моделирование. 2017. № 3 (43). С. 108–121.
- Павлова Т. А., Роговенко Н. С.** Современное состояние рынка виноделия в России // Финансы и управление. 2024. № 2. С. 14–26.
- Паркер Р. М.** Винный гид покупателя. 6-е изд. / пер. с англ.; под ред. Ю. Э. Зыбцева, В. Л. Чеботарева, Г. С. Рябчука. М.: Эксмо, 2008. 2024 с.
- Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993. 150 с.
- Теория метафоры** / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- Торопчина Г. Н., Двоерядкина Н. Н., Вахминцева Г. П.** Элементы кластерного анализа: учеб. пособие. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. 42 с.
- Ульман С.** Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
- Шиляев К. С., Шлотгаэр Е. А.** Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обзорах вин и коньяков // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 114–134.
- Boleda G.** Distributional Semantics and Linguistic Theory // Annu. Rev. Linguist. 2020. Vol 6. P. 1–22.
- Gallant S.** Context vector representations for document retrieval // Proceedings of AAAI Workshop on Natural Language Text Retrieval, 1991.
- Lakoff G.** Master metaphor list. University of California, 1994. URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf> (дата обращения: 23.02.2024).
- Noble A. C., Flath R. A., Forrey R. R.** Wine head space analysis. Reproducibility and application to varietal classification // Journal of Agricultural and Food Chemistry, 1980. Vol. 28, No 2. P. 346–353.
- Sahlgren M.** The Distributional Hypothesis. From context to meaning // Distributional models of the lexicon in linguistics and cognitive science (Special issue of the Italian Journal of Linguistics). 2008. Vol. 20, No. 1. P. 33–53.

References

- Abramicheva E. N., Lashina D. A.** Oenological terminology as an object of translation. *Problems and prospects of modern humanities: pedagogy, teaching methods, philology, organization of work with youth*. Voronezh, Shiko-Sevastopol, 2020, no. 1, pp. 3–13. (in Russ.)
- Alexandrov D. A., Kharlamova A. N., Severina T. G., Kolesnikova M. L., Semenovich A. A., Basharkevich N. A., Kubarko A. I., Pereverzev V. A.** Gustatory sensory system – neurophysiologic mechanisms (lecture for students). *Smolenskiy Meditsinskiy Al'manakh [Smolensk Medical Almanac]*, 2016, no. 2, pp. 203–209. (in Russ.)
- Apresyan U. D.** Distribution analysis. *Bolshaya Russkaya Encyclopedia [Big Russian Encyclopedia]*. Vol. 9. Moscow, Bolshaya Russkaya Encyclopedia, 2007. (in Russ.)
- Arutyunova N. D.** Functional types of linguistic metaphor. *Izvestiya AN SSSR. A series of literature and language*, 1978, vol. 37, no. 4, pp. 333–343.
- Black M.** Metaphor. Translated by M. A. Dmitrovskaya. *Theory of metaphor*. Collection of papers ed. by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow, 1990, pp. 153–172.
- Dolgikh Z. B.** On some lexical particularities of the Portuguese oenological discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2022, pp. 176–168. (In Russ.)
- Domine A.** Wine. Königswinter: H. F. Ullmann Publishing, 2008, 926 p. (Russian edition).
- Zybtsev U. E.** Taster's Handbook. 3rd ed. Moscow, Eksmo, 2021, 592 p. (In Russ.).
- Lakoff G., Johnson M.** Metaphors we live by. University of Chicago Press, 1981, 256 p. (Russian edition).
- Lashina E. B.** The Concept of the Term, the Terminological System and the Terminological Chain. *Globus: Humanities*, 2020, no. 2, pp. 20–22. (In Russ.).
- Matveeva T. M.** Perceptual Category of Smell in Language of Professional Tasters (on the Basis of German Language). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2013, no. 24 (315), pp. 118–122. (In Russ.).
- Murashova L. P.** Narrow Contextual Distribution of The Lexemes «Man» And «Women» Analyzed in The Framework of Distributional Semantics. *Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*, 2016, no. 1, pp. 68–71. (In Russ.).
- Osipova U. A., Lavrov D. N.** Application of Cluster Analysis by the K-Means Method for the Classification of Scientific Texts. *Mathematical structures and modeling*, 2017, no. 3 (43), pp. 108–121. (In Russ.).
- Pavlova T. A., Rogovenko N. S.** The Current State of The Wine Market in Russia. *Finance and Management*, 2024, no. 2., pp. 14–26. (In Russ.).
- Parker R. M.** Parker's Wine Buyer's Guide. A Fireside Book. Simon & Schuster, 1987, 731 p. (Russian edition).
- Sklyarevskaya G. N.** Metaphor in the Language System. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 150 p. (In Russ.).
- Theory of metaphor.** Collection of papers. Ed. by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow, 1990, 512 p. (In Russ.).
- Toropchina G. N., Dvoeryadkina N. N., Vokhminseva G. P.** Elements of Cluster Analysis. A study guide. Blagoveshchensk, Amur State University, 2006, 42 p. (In Russ.).
- Ullmann S.** Semantic Universals. *Novoe v lingvistike [News of Linguistics]*. Moscow, 1970, pp. 250–299. (In Russ.).
- Shilyaev K. S., Shlotgauer E. A.** Conceptual Metaphor and Metonymy in Russian Wine and Cognac Reviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 61, pp. 114–134. (In Russ.).
- Boleda G.** Distributional Semantics and Linguistic Theory. *Annu. Rev. Linguist*, 2020, vol. 6, pp. 1–22.
- Gallant S.** Context Vector Representations for Document Retrieval. Proceedings of AAAI Workshop on Natural Language Text Retrieval, 1991.

- Lakoff G.** Master Metaphor List. University of California, 1994. URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf> (accessed 23.02.2024).
- Noble A. C., Flath R. A., Forrey R.R.** Wine Head Space Analysis. Reproducibility and Application to Varietal Classification. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*, 1980, vol. 28, no. 2, pp. 346–353.
- Sahlgren M.** The Distributional Hypothesis. From Context to Meaning. *Distributional models of the lexicon in linguistics and cognitive science (Special issue of the Italian Journal of Linguistics)*, 2008, vol. 20, no. 1, pp. 33–53.

Информация об авторах

Клеванова Алина Олеговна, студент-бакалавр

Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Alina O. Klevanova, Bachelor of Arts

Tatiana G. Skrebtssova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 05.11.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 07.02.2025*

*The article was submitted 05.11.2024;
approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 07.02.2025*

Научная статья

УДК 811.161.1+81'33
DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-120-129

**Концепт «здоровье» в языковом сознании подростков 13–16 лет
с врожденным пороком сердца и их сверстников
без данного заболевания в анамнезе**

Вероника Александровна Каменева¹

Надежда Владимировна Рабкина²

Светлана Вячеславовна Коломиец³

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

¹ russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

³ kolomsvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2885-094X>

Аннотация

В работе впервые проведено сопоставление данных о концептуализации понятия здоровья в языковом сознании подростков 13–16 лет с врожденным пороком сердца (ВПС) и их сверстников без данного заболевания в анамнезе. Объект – ассоциативное поле концепта «здоровье», сформированное на основе данных направленного ассоциативного эксперимента на слово-стимул *здоровье*. Цель – выявить наличие/отсутствие зависимости когнитивных признаков концепта «здоровье» в языковом сознании подростков с особенностями здоровья и их здоровых сверстников. В генеральную совокупность вошли 167 ассоциатов, сформированных по данным психолингвистического эксперимента с 56 подростками, прооперированными по поводу ВПС через год после хирургического вмешательства, и 135 реакций от их 56 здоровых сверстников. По итогу анализа генеральной совокупности ассоциатов было сформировано ассоциативное поле концепта «здоровье». Результаты ассоциативного эксперимента в обеих группах подростков показали, что в ядре концепта находятся признаки, связанные с лечением и здоровым образом жизни или спортом, однако у детей с ВПС реакции, связанные с лечением, а также организмом и его функционированием были более многочисленны, чем в группе сравнения. У условно здоровых подростков тематическая классификация оказалась более разветвленной, как и лексическое многообразие. Ценностный компонент здоровья у подростков с ВПС ассоциируется с жизнью, а у их условно здоровых сверстников – со счастьем. Отсутствие глаголов среди реакций может указывать на невозможность влиять на собственное здоровье, несмотря на многочисленные реакции, связанные со спортом и здоровым образом жизни. Можно сделать вывод, что для подростков с ВПС здоровье – условие выживания, которое в большей степени зависит от врачей, чем от них самих, и существует в дихотомии с болезнью.

Ключевые слова

концепт, здоровье, языковое сознание подростков с особенностями здоровья, врожденный порок сердца, ассоциативное поле концепта

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»), <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

Для цитирования

Каменева В. А., Рабкина Н. В., Коломиц С. В. Концепт «здоровье» в языковом сознании подростков с ВПС и их сверстников без данного заболевания в анамнезе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-120-129

Concept of Health in Linguistic Consciousness of Teenagers 13–16 years old with Congenital Heart Disease and Their Conventionally Healthy Peers

Veronika A. Kameneva¹, Nadezda V. Rabkina²
Svetlana V. Kolomiets³

Kemerovo State University,
Kemerovo, Russian Federation

¹russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

²nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

³kolomsvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2885-094X>

Abstract

The article features the cognitive signs of the concept ‘health’ in the linguistic consciousness of teenagers (13–16 y.o.) operated for congenital heart disease and their conventionally healthy peers. It is the first of its kind linguistic study of the concept of health in the worldview of patients vs. their healthy counterparts. The associative field of the concept was based on a directed associative experiment that featured the word “health” as stimulus. The research objective was to identify the effect of health status on the cognitive signs of the concept in the linguistic consciousness of teenagers. The general population included 167 associates from 56 teenagers with congenital heart disease and 135 reactions from their 56 healthy peers. In both groups, the core of the concept included signs related to medical treatment and a healthy lifestyle or sports; however, the children with congenital heart disease gave more reactions related to the body and its functioning. The conventionally healthy teenagers provided a richer thematic classification, lexical diversity, and personal attitude. Verbs were almost entirely absent from both reaction groups, which might indicate that modern teenagers perceive health as something they cannot affect, despite giving numerous associates related to sports and healthy life style. With regard to the value component, the teenagers with congenital heart disease associated health with life while their healthy peers associated it with happiness. For children with congenital heart disease, health is a condition of survival, which depends more on doctors than on themselves and is in constant dichotomy to illness.

Keywords

concept, health, linguistic consciousness of teenage patients, congenital heart disease, associative concept field

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00002: Cognitive-discursive parameterization of medical discourse in patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital, <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

For citation

Kameneva V. A., Rabkina N. V., Kolomiets S. V. Concept of Health in Linguistic Consciousness of Teenagers with Congenital Heart Disease and Their Conventionally Healthy Peers. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-120-129

Введение

Понятие *концепт* по-прежнему остается величиной «загадочной» [Аскольдов, 1928. С. 23] в силу своей глубины и абстрактной природы. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным авторы данного исследования рассматривают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую

информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007. С. 34].

Учитывая, что «через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт» [Карасик, Слышик, 2005. С. 4], большинство исследователей прибегают к таким методам исследования концептов, как анализ ключевой лексемы концепта, построение лексико-семантического поля, контекстный и текстовый анализ, стилистическая интерпретация, дефиниционная интерпретация, фреймовый анализ, паремиологический и этиологический анализ и др. [Захарова, Щербина, 2013; Рыжкина, 2014; Смирнова, 2009].

Экспериментальные методы исследования концептов позволяют верифицировать объективацию концепта у представителей определенной лингвокультуры и получить доступ к объективации концептов в групповом сознании или сознании отдельных индивидов: это ассоциативный (свободный и направленный), рецептивный и экспликативный эксперименты [Байдак, 2010; Петкау, 2013; Попова, Стернин, 2001]. По словам А. А. Залевской, ассоциативный эксперимент можно отнести к числу направлений исследования «специфики значения как состояния индивида» [Залевская, 1999. С. 104]. Полученные реакции респондентов на слово-стимул – ассоциат – рассматриваются как языковые репрезентанты когнитивных признаков, определяющих содержание концепта [Стернин, 2007].

Ценности, которые определяют поведение людей, лингвистически могут быть описаны в виде этнокультурных, социокультурных и индивидуально-культурных концептов [Карасик, 2004]. Общечеловеческие ценности представлены универсальными концептами, отражающими универсальные характеристики физического мира, а субъективно-национальные, этнические индивидуальные компоненты определяют мировоззрение нации, этноса, отдельного человека [Александров, Андреева, 2010].

Антропоцентричность концепта «здоровье» определяет его универсальный/общечеловеческий и индивидуальный характер, формирующийся в контексте восприятия действительности человеком. Ценность здоровья для человека неоспорима и признается таковой еще со времен Античности, когда здоровье рассматривалось дуально с позиций гедонизма и аскетизма. Сегодня мировое сообщество апеллирует к постулату ВОЗ о том, что понятие здоровья охватывает собой все благополучие человека (физическое, душевное и социальное) и не может быть сведено только к факту отсутствия болезни или инвалидности [Туркина, Вербина, 2019. С. 43]. Существует несколько различных концептуальных моделей здоровья: медицинская (отсутствие симптомов болезней); биомедицинская (отсутствие субъективного нездоровья); биосоциальная (полноценная общественная жизнь); ценностно-социальная (полноценная жизнь с точки зрения материальных и духовных потребностей) [Калю, 1988].

В лингвистике на сегодняшний день концепт «здоровье» проанализирован в следующих аспектах: в русской, английской, немецкой, французской, чувашской и китайской языковых картинах мира; в паремиях европейских и восточных языков; в художественном, юмористическом, рекламном, публицистическом и медицинском дискурсах; как культурный код и т. д., например, [Ковалева 2023; Маркелова, Новикова, 2021; Хашхаян, Скнар, 2018].

А. Ю. Петкау посредством психолингвистического эксперимента с участием респондентов трех разных возрастных групп смоделировал структуру концепта «здоровье», куда вошли его ольфакторный, визуальный, хроматологический, аудиальный, глюттонимический, гаптический образы. В сознании молодых людей концепт «здоровье» актуализировался как состояние организма (ядро концепта), которое поддерживается здоровым образом жизни, а также отсутствие болезни (приядерная зона). В старшей возрастной группе, наоборот, зафиксировано сравнение здоровья с драгоценностью и пересечение концепта «здоровье» с концептом «болезнь». Для младших школьников основой здоровья выступает здоровый образ жизни, в том числе двигательная активность, чистота, сохранение осанки (ядро концепта) и отсутствие болезни

(приядерная зона концепта); также ими осознается важность здорового питания, правильного режима дня, экологии и душевного спокойствия [Петкау, 2013; 2015; 2016].

Е. Б. Пенягина провела ассоциативный эксперимент среди студентов: ядром концепта «здоровье» в групповом сознании молодых людей оказался признак *здоровый образ жизни*; в приядерную зону вошли признаки медицинская сфера и универсальные признаки; в периферию – *правильное питание, ценность и необходимость, природные факторы* и т. д. [Пенягина, 2022].

В. В. Сальникова и Е. А. Кудисова посредством метода свободного ассоциативного эксперимента описали особенности репрезентации концепта «здоровье» в восприятии молодых людей 18–22 лет, столкнувшихся с пандемией COVID-19. Ядром концепта стал спорт, в приядерную зону вошли такие понятия, как *здоровый образ жизни, больница, счастье*; в ближней периферии оказались ассоциации *хороший, регулярный, физическая культура, правильное питание и жизнь*; дальнюю периферию составили *витамины, питание, карантин, заболевание, медицинская маска, массаж, радость* и т. д. В групповом сознании молодых людей здоровье – многогранное явление физического, эмоционального и психического плана, выступающее неким гарантом благополучия в социуме [Salnikova, Kudisova, 2022].

Е. Е. Руслякова в своей работе описывает аналогичный ассоциативный эксперимент со школьниками разных возрастов: для младших школьников здоровье – отсутствие болезни, а главный фактор его сохранения – здоровый образ жизни, старшие школьники акцентируют физический аспект, способы сохранения которого – режим дня и физическая активность [Руслякова, 2015].

И. В. Грошев рассматривает особенности восприятия внутренней картины болезни и здоровья среди пациентов детского возраста с точки зрения их гендерной принадлежности: для девочек основными способами сохранения здоровья выступают хорошее поведение и послушание, для мальчиков – гигиена, спорт и правильное питание [Грошев, 2016].

Приведенный выше теоретический обзор демонстрирует актуальность ассоциативного эксперимента как метода исследования структуры и содержания концепта, а также релевантность изучения представлений о здоровье у различных социальных и возрастных слоев населения. Целью данной работы стало соотнесение когнитивных признаков концепта «здоровье» в языковом сознании подростков с особенностями здоровья и их здоровых сверстников. В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи:

- 1) сформировать ассоциативное поле по полученным данным ассоциативного эксперимента с количественными ограничениями на реакции на слово-стимул *здоровье* у подростков, прооперированных по поводу врожденного порока сердца (ВПС);
- 2) идентифицировать и описать предметно-понятийные, образные и ценностные ассоциации в языковом сознании подростков, перенесших операцию по корректировке ВПС;
- 3) сформировать ассоциативное поле по полученным данным ассоциативного эксперимента с количественными ограничениями на реакции на слово-стимул *健康发展* у условно здоровых подростков;
- 4) идентифицировать и описать предметно-понятийные, образные и ценностные ассоциации в языковом сознании у условно здоровых подростков;
- 5) сравнить полученные результаты обеих групп.

Применялся метод направленного ассоциативного эксперимента, который был проведен путем анкетирования в марте 2024 г. Участникам двух групп было предложено записать три реакции на слово-стимул *健康发展*.

В генеральную совокупность вошли 167 ассоциатов, полученных от 56 подростков (13–16 лет) с ВПС, и 135 реакций от их 56 условно здоровых сверстников. Для всех респондентов русский язык – родной.

Для решения задачи по выявлению предметно-понятийных, образных и ценностных ассоциаций в языковом сознании респондентов обеих групп использовался концептуальный ме-

тод. В ходе проведения исследования применялся количественный метод, использующийся при подсчетах совпадающих реакций респондентов, для выявления доминантных когнитивных признаков анализируемого концепта. Решения второй и третьей задач осуществлялись на материале сформированных ассоциативных полей.

Наше исследование, помимо теоретической значимости, подразумевающей дальнейшее изучение объективации концептов в групповом и индивидуальном сознании людей с разными статусами здоровья, обладает объективной практической значимостью. Результаты могут быть использованы в качестве практического материала на спецкурсах и семинарах по когнитивным медицинским дисциплинам, а также во врачебной практике для оценки статуса пациентов разных возрастных групп.

Результаты и обсуждение

Анализ ассоциативного эксперимента

Количественный анализ ассоциаций на слово-стимул *здоровье у подростков, переживших операцию по корректировке ВПС*, показал следующую картину: (*занятия*) *спорт(ом)* (15), *витамины* (13), *жизнь* (12), *лекарства* (10), *питание* (10), *тело* (9), *зарядка* (7), *лечение* (7), *болезнь(и)* (6), *еда* (6), *ЗОЖ / образ жизни* (6), *организм* (6), *больница* (4), (*здоровые*) *орган(ы)* (4), *иммунитет* (4), *таблетки* (4), *врач(и)* (3), *диета* (3), *дух* (3), *красота* (3), *самочувствие* (3), *фитнес* (3), *аптека* (2), *бег* (2), *закаливание* (2), *нет болезней* (2), *операция* (2), *радость* (2), *сила* (2), *физкультура* (2), *болячка*, *восстановление*, *дыхание*, *йога*, *молодость*, *система*, *счастье*, *режим*, *форма*, *хирург*.

Тематический анализ реакций позволил выявить следующую классификацию.

Лечение (56):

- средства лечения (лекарства): *витамины* (13), *лекарства* (10), *таблетки* (4);
- манипуляции и процессы: *лечение* (7), *операция* (2), *восстановление*;
- состояние не/здоровья: *болезнь/и* (6), *нет болезней* (2), *болячка*;
- актанты: *врач(и)* (3), *хирург*;
- пространство: *больница* (4), *аптека* (2).

Спорт (41):

- виды физической активности: *зарядка* (7), *фитнес* (3), *бег* (2), *закаливание* (2), *физкультура* (2), *йога*;
- прочее: (*занятия*) *спорт(ом)* (15), *ЗОЖ / образ жизни* (6), *режим, форма, система*.

Организм и физиология (29):

- тело: *тело* (9), *организм* (6), (*здоровые*) *орган(ы)* (4);
- процессы и состояния: *иммунитет* (4), *самочувствие* (3), *сила* (2), *дыхание*.

Ценности и абстрактные понятия (22):

- внешний вид: *красота* (3);
- экзистенциальные ценности: *жизнь* (12), *дух* (3);
- чувства и эмоции: *радость* (2), *счастье*;
- время: *молодость*.

Еда (19): *питание* (10), *еда* (6), *диета* (3).

Реакции на слово-стимул *здоровье*, полученные от **условно здоровых респондентов**, количественно расположились следующим образом: *спорт* (21), *больница* (10), (*хорошее / правильное / полезное / здоровое*) *питание* (8), *счастье* (6), (*здоровый*) *образ жизни / ЗОЖ* (5), *аптека* (4), *медицина* (4), *врач(и)* (3), *жизнь* (3), *лекарство(а)* (3), *сердце* (3), *сила* (3), *сон* (3), *борьба* (2), *будущее* (2), *существительное* (2), *таблетки* (2), *фрукты* (2), *активность*, *анализы*, *анатомия*, *банан*, *белый цвет*, *биология*, *бодрость*, *большая спина*, *витамины*, *вода*, *гене-*

тика, градусник, Данил Степанов, дух, зависимость, качалка, крепкое, курение, мозг, не требуется, нормально, овощи, огурец, отлично, помидор, пофиг, природа, проблемы, прогулки, пульс, радость, родители, сигареты, спокойствие, стетоскоп, торт, тренировка, турник, умиротворение, форма, хорошее, убивает, укол, хорошее самочувствие, хорошее состояние, хорошо, чистота, штанга.

Тематический анализ позволил сгруппировать реакции следующим образом.

Спорт (35):

- виды физической активности: *борьба* (2), *прогулки*, *тренировка*;
- оснащение: *качалка*, *турник*, *штанга*;
- прочее: *спорт* (21), (здоровый) *образ жизни / ЗОЖ* (5), *активность*, *форма*.

Лечение (34):

- пространство: *больница* (10), *аптека* (4);
- актанты: *врач(и)* (3);
- средства лечения (лекарства): *лекарство(а)* (3), *таблетки* (2), *витамины*;
- средства лечения (инструменты): *градусник*, *стетоскоп*;
- манипуляции и процессы: *анализы*, *укол*;
- состояние не/здоровья: *сила* (3), *проблемы*, *хорошее самочувствие*, *хорошее состояние*, *бодрость*.

Еда (16):

- продукты: *фрукты* (2), *банан*, *овощи*, *огурец*, *помидор*, *торт*;
- жидкость: *вода*;
- прочее: (хорошее / правильное / полезное / здоровое) *питание* (8).

Ценности и абстрактные понятия (13):

- чувства и эмоций: *счастье* (6), *радость*, *спокойствие*, *умиротворение*;
- экзистенциальные ценности: *жизнь* (3), *дух*;
- время: *будущее* (2);
- гигиена: *чистота*.

Организм и физиология (9):

- органы: *сердце* (3), *большая спина*, *мозг*;
- состояния и процессы: *сон* (3), *пульс*.

Наука (7): *медицина* (4), *анатомия*, *биология*, *генетика*,

Оценка (6): *крепкое*, *хорошее*, *нормально*, *отлично*, *пофиг*, *хорошо*, *не требуется*.

Вредные привычки (4): *зависимость*, *курение*, *сигареты*, *убивает*.

Лингвистика (2): *существительное* (2).

Люди (2): *родители*, *Данил Степанов*.

Цвет (1): *белый цвет*.

Внешний мир (1): *природа*.

Итак, лексическое разнообразие вербальных реакций, полученных от условно здоровых подростков, почти в два раза превышает данные по подросткам с ВПС. Эти результаты подтверждают выводы, сделанные нами ранее на основе анализа средств лексической когезии у подростков с ВПС [Каменева, 2024]. Лексическое разнообразие стало отражением разнообразия тематического: тематическая классификация реакций в группе условно здоровых подростков получилась гораздо более разветвленной, чем в группе их сверстников с ВПС, в основном за счет индивидуальных реакций. Характерным для юных пациентов с ВПС оказалось и отсутствие оценочных реакций, которые присутствовали у подростков без опыта оперативного лечения ВПС (*хорошо*, *хороший*, *пофиг*).

При этом следует отметить большее число реакций *жизнь* у пациентов с ВПС по сравнению с группой контроля (12 против 3): вероятно, если для условно здоровых детей здоровье – ценный ресурс, то для детей с сердечно-сосудистыми заболеваниями поддержание здоровья – это условие выживания.

В обеих группах совпали темы *лечение, спорт, ценности, организм и физиология, еда*. Однако у пациентов с ВПС группа реакций, семантически связанных с лечением, лидирует с большим отрывом от группы *спорт*, в то время как у условно здоровых сверстников эти группы количественно почти одинаковы.

Можно сделать вывод, что в сознании современного подростка, независимо от анамнеза, здоровье находится в состоянии бинарной оппозиции к болезни, т. е. здоровье – это неустойчивое состояние, которое можно поддерживать только постоянной борьбой с заболеваниями (*лечение*) и постоянной профилактикой (*спорт, здоровое питание*). Интересно, что среди реакций практически полностью отсутствуют глаголы (кроме однократного *убивать* в группе сравнения), что может быть выражением некоей глубинной невозможности индивида осуществлять над своим здоровьем какие-либо действия, т. е. делать его объектом своих действий: индивид не может повлиять на свое здоровье, несмотря на обилие реакций, семантически связанных со спортом и питанием, учитывая, что лечение априори от него не зависит.

По результатам ассоциативного эксперимента, как в группе подростков с ВПС, так и в группе сравнения, создается впечатление, что, хотя здоровье и воспринимается подростками как ценность, за которую надо бороться при помощи ЗОЖ, отсутствие глаголов среди реакций свидетельствует об обратном.

Заключение

Анализ результатов ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «здоровье» в группах подростков с ВПС и их условно здоровых сверстников дал результаты, схожие с ассоциативными экспериментами с участием детей и подростков, проведенными другими исследователями [Петкау, 2013; 2015; 2016; Пенягина, 2022; Salnikova, Kudisova, 2022; Руслякова, 2015; Грошев, 2016]: как и там, в нашем исследовании в семантическом центре концепта «здоровье» оказались здоровый образ жизни, спорт, медицина.

Ядро концепта «здоровье» по представлениям подростков с ВПС совпало с таковым у их условно здоровых ровесников: в него входят тематические группы *лечение* и *спорт*, но у подростков с ВПС группа *лечение* количественно превышает группу *спорт*, в то время как в группе сравнения структура концепта получилась двухъядерной. При этом смыслы, связанные с организмом и физиологией, в структуре концепта по материалам группы подростков с ВПС располагаются ближе к ядру. Ценостный компонент у подростков с ВПС логичным образом проявляется в том, что они считают здоровье гарантом выживания, но зависит оно, скорее, от врачей, чем от них самих. Здоровье человека определяется многими факторами – уровнем жизни, здравоохранения, социальной принадлежностью и т. д., но не действиями самого индивида, пусть даже спорт и ЗОЖ подразумевают таковые.

Список литературы

- Александров О. А., Андреева О. А.** Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2010. № 3. С. 26–29.
- Аскольдов С. А.** Концепт и слово // Русская речь. Вып. II / под. ред. Л. В. Щербы. Л.: Academia, 1928. С. 28–44.
- Байдак А. В.** Экспериментальные методы исследования концептов «жизнь» и «смерть» // Известия Томского политехн. ун-та. 2010. Т. 316. № 6. С. 228–232.
- Воркачев С. Г.** Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
- Грошев И. В.** Особенности восприятия, осознания и формирования внутренней картины болезни у девочек и мальчиков // Социология медицины. 2016. Т. 15. № 2. С. 91–97. DOI: 10.18821/1728-2810-2016-15-2-91-97

- Залевская А. А.** Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 382 с.
- Захарова Т. В., Щербина В. Е.** К вопросу о методике лингвокогнитивных исследований // Вестник ЮУрГГПУ. 2013. № 9. С. 222–230.
- Калью П. И.** Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы пере-стройки здравоохранения: обзорная информация. М.: Медицина, 1988. 248 с.
- Каменева В. А., Рабкина Н. В., Румянцева А. А.** Сравнительный анализ средств лексической когезии устных текстов, созданных подростками с ВПС после оперативного вмешательства и их условно здоровыми сверстниками // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 1. С. 33–40. DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-1-33-40
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В. И., Слышик Г. Г.** Предисловие // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. I. С. 4–6.
- Ковалева С. В.** Специфика представления концептуальной зоны «здоровье» в текстах народных заговоров // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7. DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15
- Маркелова Т. В., Новикова М. Л.** Концептосфера «здоровье – болезнь»: культурный код // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848–847. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874
- Пенягина Е. Б.** Содержание и структура концептов «Аптека», «Деньги», «Здоровье»: лингвокогнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2022. 22 с.
- Петкау А. Ю.** Концепт *здоровье* в восприятии школьников младшего возраста: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 247–255.
- Петкау А. Ю.** Концепт *здоровье* в постсоветской социальной рекламе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 116–126.
- Петкау А. Ю.** Концепт *здоровье* в сознании молодых носителей русского языка: экспликативный эксперимент // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4. С. 20–24.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
- Руслякова Е. Е.** Отношение к здоровью и внутренняя картина здоровья школьников // Мир науки. Педагогика и психология. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN315.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).
- Рыжкина А. А.** О методах анализа концепта // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2014. № 11. С. 117–120.
- Слышик Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
- Смирнова О. М.** К вопросу о методологии описания концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 247–253.
- Стернин И. А.** Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 33–40.
- Туркина В. Г., Вербина О. В.** Концепт «здоровье» в философско-культурологической рефлексии // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 4. С. 23–44.
- Хашхаян М. А., Скнар Г. Д.** Концепт «Здоровье» и «Health» в паремиях русской и английской лингвокультур // Лингвистические и психологические особенности преподавания иностранных языков: сб. материалов межвузовской научно-метод. конф. Ростов н/Д, 2018. С. 197–203.
- Salnikova, V. V., Kudisova, E. A.** Associative field of the HEALTH concept in the language consciousness of students during the pandemic. Theory & Practice, 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1872–1876.

References

- Aleksandrov O. A. Andreeva O. A.** Universal concepts in a man's cognitive system. *Philology. Theory & Practice*, 2010, no. 3, pp. 26–29. (in Russ.)
- Askoldov S. A.** Concept and word. In: Shcherba L. V. (ed.) *Russian speech. Iss. II*. Leningrad: Academia Publ., 1928, pp. 28–44. (in Russ.)
- Baydak A. V.** Experimental methods for studying the concepts of “life” and “death”. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 228–232. (in Russ.)
- Vorkachev S. G.** Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Gnosis Publ., 2004. 236 p. (in Russ.)
- Groshev I. V.** The characteristics of perception, awareness and development of interior picture of disease in girls and boys. *Sociology of Medicine*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 91–97. DOI: 10.18821/1728-2810-2016-15-2-91-97 (in Russ.)
- Zalevskaya A. A.** Introduction to psycholinguistics. Moscow: RSUH Publ., 1999. 382 p. (in Russ.)
- Zakharova T. V., Shcherbina V. E.** To the question about methodology of linguacognitive studies. *Herald SURSHPU*, 2013, no. 9, pp. 222–230. (in Russ.)
- Kalyu P. I.** Essential characteristics of the concept of “health” and some issues of restructuring health care: overview information. Moscow: Medicine Publ., 1988. 248 p. (in Russ.)
- Kameneva V. A., Rabkina N. V., Rumyantseva A. A.** Means of Lexical Cohesion in Oral Speech: Teenagers Operated for Congenital Heart Disease vs. Apparently Healthy Peers. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 33–40. DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-1-33-40 (in Russ.)
- Karasik V. I.** Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow, Gnosis publ., 2004. 390 p. (in Russ.)
- Karasik V. I., Slyshkin, G. G.** Preface. In: Karasik V. I., Sternin I. A. (eds.) *Anthology of concepts*. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. I, pp. 4–6. (in Russ.)
- Kovaleva S. V.** The specifics of the presentation of the conceptual zone of health in the texts of folk spells. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 7. DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15 (in Russ.)
- Markelova T. V., Novikova M. L.** “Health – Disease” conceptual sphere: cultural code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 848–874. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874 (in Russ.)
- Penyagina E. B.** Content and structure of the concepts “Pharmacy”, “Money”, “Health”: linguocognitive analysis: Abstract Dissertation of the Candidate of Philology Sciences. Perm, 2022. 22 p. (in Russ.)
- Petkau A. Yu.** The concept of health in the perception of young schoolchildren: experimental data. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2016, no. 14, pp. 247–255. (in Russ.)
- Petkau A. Yu.** The concept of health in post-Soviet social advertising. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity*, 2015, no. 1, pp. 116–126. (in Russ.)
- Petkau A. Yu.** The concept *health* in the minds of young native Russian speakers: an explicative experiment. *Issues of cognitive linguistics*, 2013, no. 4, pp. 20–24. (in Russ.)
- Popova Z. D., Sternin I. A.** Essays on cognitive linguistics. Voronezh, Istoki, 2001. 191 p. (in Russ.)
- Ruslyakova E. E.** Attitude towards health and internal picture of health of school studentsWorld of Science. *Pedagogy and Psychology*, 2015, no. 3. [Online]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN315.pdf> (accessed on: 24.04.2024). (in Russ.)
- Ryzhkina A. A.** About methods of concept analysis. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2014, no. 11, 117–120. (in Russ.)
- Slyshkin G. G.** Linguocultural concepts and metaconcepts. Volgograd, Peremen Publ., 2004. 340 p. (in Russ.)
- Smirnova, O. M.** On the methodology of concept investigation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 3, pp. 247–253. (in Russ.)

- Sternin I. A.** Psycholinguistics and conceptology. *Questions of psycholinguistics*, 2007, no. 5, pp. 33–40. (in Russ.)
- Turkina V. G., Verbina O. V.** Health concept in philosophical-cultural reflection. *Science. Art. Culture*, 2019, no. 4, pp. 23–44. (in Russ.)
- Khashkhayyan M. A., Sknar G. D.** The concept of “Health” and “Health” in the proverbs of Russian and English linguistic cultures. In: Linguistic and psychological features of teaching foreign languages: Proceeding of the interuniversity scientific and methodological conference. Rostov-on-Don, 2018, pp. 197–203. (in Russ.)
- Salnikova V. V., Kudisova E. A.** Associative field of the HEALTH concept in the language consciousness of students during the pandemic. *Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 6, pp. 1872–1876.

Информация об авторах

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор

Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук

Коломиец Светлана Вячеславовна, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Veronika A. Kameneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Nadezda V. Rabkina, Candidate of Sciences (Philology)

Svetlana V. Kolomiets, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 25.05.2024;
одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 30.09.2024*

*The article was submitted 25.05.2024;
approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 30.09.2024*

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-130-144

Освоение прямого дополнения при изучении взрослыми русского языка как иностранного

**Ксения Константиновна Кашлева¹
Софья Викторовна Краснощекова²**

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

²Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

¹ kkashleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1343-1630>

² krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Аннотация

В статье исследуется освоение прямого дополнения при изучении взрослыми русского языка как иностранного (L2). Для этого был проведен эксперимент со студентами уровней А1-С1. Полученные данные сравнивались с контрольной группой носителей русского (L1). Исследование показало, что важную роль в этом процессе играют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Глаголы с 5–6 типами объекта продемонстрировали большую разницу между группами L1 и L2, чем глаголы с 3–4 типами объекта. Выяснилось, что типы прямого дополнения, которые используют изучающие РКИ с низким уровнем владения, не всегда самые частотные в русском языке. На употребление типов прямого дополнения уровень владения языком влияет только частично. Изучающие РКИ почти на любом уровне знакомы с разными типами объектов, при этом употребление периферийных типов объектов, таких как инфинитивы, не зависит от уровня владения языком.

Ключевые слова

валентность глагола, освоение второго языка, русский язык как иностранный, структура предложения, прямое дополнение

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Кашлева К. К., Краснощекова С. В. Освоение прямого дополнения при изучении взрослыми русского языка как иностранного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 130–144. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-130-144

Direct Object Acquisition in the Speech of Adult L2 Russian Learners

Kseniia K. Kashleva¹, Sofia V. Krasnoshchekova²

¹HSE University,

Moscow, Russian Federation

²Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

¹ kkashleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1343-1630>

² krasnoshchekova_sv@iiling.spb.ru <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Abstract

This article investigates direct object acquisition by adult learners of Russian as a second language (L2). Students of different proficiency levels (A1-C1) took part in the experimental study and their data was compared with that produced by the L1 speakers. It found that verb valency, as well as learner proficiency levels, significantly impact this process. Verbs with 5–6 object types demonstrate more differences between L1 and L2 groups than verbs with 3–4 object types, indicating a link between verb valency and acquisition difficulty. Object types used by low proficiency level speakers turned out not to be always the most common or frequent in standard Russian, as the most common types do not equal the simplest ones. The distribution of direct object types was only partly affected by the proficiency level. L2 learners of almost any level appeared to be familiar with different direct object types. It claims that non-accusative, peripheral object types, like infinitives, do not depend on the language proficiency level, regardless of their frequency.

Keywords

verb valency, second language acquisition, Russian as a foreign language, sentence structure, direct object

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interests.

For citation

Kashleva K. K., Krasnoshchekova S. V. Direct object acquisition in the speech of adult L2 Russian learners. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 130–144. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-130-144

Introduction

Russian verbs usually carry more grammatical information than nouns, making processing verbs more difficult [Dragoy & Bastiaanse, 2010]. So, verb acquisition is an important aspect of acquisition of Russian as a second language (L2) in general.

This article is aimed to investigate direct object acquisition by adult learners of Russian as a second language (L2). It has two main aspects: case acquisition, as a direct object in Russian is marked by case, and acquisition of verb argument structures.

Case processing is a classic problem in L2 Russian acquisition [Peirce, 2018; Taraban & Kempe, 1999] and is quite well-studied. Kempe & MacWhinney have investigated the acquisition of overt morphological cases by adult native speakers of English who were learning L2 Russian or L2 German [Kempe & MacWhinney, 1998] and the case-marking cues [Kempe & MacWhinney, 1999]. Their conclusion is that L2 Russian learners mostly relied on the endings when identifying a case. In the more recent research, Artoni & Magnani focused their study on the production of case marking [Artoni & Magnani, 2015]. It has also previously been observed that there are many similarities between L1 and L2 Russian morphological processing, the main one being the role of frequency [Tkachenko & Chernigovskaya, 2010]. A solid review of the acquisition of Russian morphology and how it affects the practice of teaching Russian as L2 can be found in [Nuss, 2022].

As for the acquisition of verb argument structures, it is strongly connected with verb valency acquisition. Although verb valency acquisition plays an important role in second language acquisition (SLA) in general and is crucial for forming high proficiency, there are fewer works discussing it from this perspective. Most of them obviously consider English as an L2 [Zhao & Jiang, 2020; Laufer & Waldman, 2011; Montrul, 2001]. There are just few works considering verb valency acquisition in

adult L2 Russian learners. Verb valency was compared in Croatian and Russian as foreign languages, but this paper has some general examples of different verb types and possible mistakes of L2 learners [Brac & Magić, 2014].

Regarding direct object acquisition in particular, there are several works elaborating on the L1 acquisition of nominal direct objects by Russian children [Janssen & Meir, 2019; Ladinskaya et al., 2019]. Papers related to verb arguments in Russian as an L2 concentrate mainly on the acquisition of case forms (or, specifically, case endings) and the L2 learners' errors in the choice between different cases [Cherepovskaia et al., 2021]. However, to the authors' knowledge, there are no works investigating direct object acquisition by L2 Russian learners.

This experimental study contributes to the theory of L2 acquisition in Russian, filling the research gap in the area of verb argument structure acquisition. It also provides new information on the Russian interlanguage system. An interlanguage is a separate linguistic system based on the utterances which are produced when the learner attempts to say sentences of a target language [Selinker, 1972, p. 214]. An interlanguage system, or rather a continuum of interlanguages gradually replacing one another, is individual for each language learner. It has specific features making it different from the target language. Though not as well-developed as L1, an interlanguage is still a full-fledged means of communication. One of the overall goals of SLA research is to obtain a full and non-contradictory understanding of how this system, or systems, works in general.

So, the research questions of this study are:

1) What linguistic and extralinguistic factors influence choosing the type of direct object? Linguistic factors are verb government and frequency of direct object types. An extralinguistic factor (the factor that does not belong to the system of language), considered in this study, is the language proficiency level of a speaker.

2) To what extent linguistic features that influence the choice of a direct object relate to the level, and is the level the leading factor causing differences in direct objects in L1 and L2 speakers?

Our hypothesis is that direct object acquisition correlates to the language proficiency level in the following aspects: (a) object types used by low proficiency level speakers are the most common or frequent in standard Russian; (b) in general, non-accusative object types are peripheral for L2 learners, regardless of their language proficiency level.

Direct object in Russian

As objects are all arguments, except a subject, whose form is directly determined by a given head [Müller, 2018, p. 38], a direct object (or most patient-like) can be defined as an argument of a transitive verb that bears the action of that verb. Another argument of a transitive verb is a subject (or most agent-like). Russian is a nominative-accusative language, so the subject and the agent of a transitive verb are coded alike by the nominative, while the patient, i.e., a direct object, appears in the accusative. However, there are verbs classes in Russian that take other constructions, which are semantically and syntactically identical to a direct object. These could be:

- genitive phrase. Accusative often alternates with genitive under negation.
- prepositional phrase. It plays the role of a direct object in a distributional context when participants expressed by direct objects are distributed among a group of actors, places or other participants. For instance:

Mi kupili po knige.
we.NOM buy.PL.PST per book.DAT.SG.F
'We bought a book for everyone'.

- sentential argument, e.g., an infinitive or a subordinate clause. Verbs of speaking, thinking, emotions, and perception may take as a direct object subordinate clauses or infinitive clauses with the meaning of speech/thought/emotion content.

- adverbial phrase. Verbs of thinking and speaking can also take as an argument an adverb *tak* ‘so’ (*kak* ‘how’ in questions) which can be considered as a substitute for a direct object or an infinitive. Some transitive verbs (for instance, *znat’* ‘to know’) take as an argument adverbs *mnogo* ‘much’, *malo* ‘little’, *dostatochno* ‘enough’ [Letuchij, 2016].

Thus, the types of objects chosen for the research are: accusative noun phrase (DON), accusative pronominal phrase (DOPR), genitive phrase (GEN), infinitive (INF), subordinate clause / sentential actant (SUB), adverbial phrase (AdvP), and prepositional phrase (PP).

Method and Materials

We took fifty most frequent transitive verbs [Ljashevskaja & Sharov, 2009] and analyzed different types of direct objects of these verbs. Some verbs had the same set of direct object types, so we took verbs with unique sets ($n = 17$): *govorit’* ‘to speak’, *davat’* ‘to give’, *delat’* ‘to do’, *znat’* ‘to know’, *l’ubit’* ‘to love’, *moch’* ‘can / be able to’, *nachinat’* ‘to start’, *nazyvat’* ‘to call’, *otvechat’* ‘to answer’, *pokazyvat’* ‘to show’, *ponimat’* ‘to understand’, *prodolzhat’* ‘to continue’, *privodit’* ‘to lead / to bring’, *prinimat’* ‘to receive’, *smotret’* ‘to watch / to look’, *umet’* ‘can / be able to’, and *hotet’* ‘to want’. Table 1 shows the frequency distribution of direct object types according to the syntactically annotated subcorpora of Russian National Corpus [The Russian National Corpus]. The direct object types include accusative noun (DON), accusative pronoun (DOPR), genitive (GEN), prepositional phrase (PP), adverbial phrase (AdvP), infinitive (INF), and subordinate clause (SUB). Each row represents a different verb, and the percentages indicate the proportion of each direct object type used with that verb. The last row shows the mean value.

Table 1

The frequency distribution of direct object types (in %)

	DON	DOPR	GEN	PP	AdvP	INF	SUB
<i>govorit’</i>	5.92	20.13	6.9	0	1.72	0.1	65.23
<i>davat’</i>	70.65	3.52	11.84	0.2	0.78	13.01	0
<i>delat’</i>	51.84	39.3	8	0.06	0.8	0	0
<i>znat’</i>	24.56	9.61	13.86	0	2.07	0	49.9
<i>l’ubit’</i>	35.56	22.89	6.69	0	0	30.28	4.58
<i>moch’</i>	0	0.32	0.07	0	0.05	99.56	0
<i>nachinat’</i>	23.75	0.56	0	0	0.11	75.58	0
<i>nazyvat’</i>	46.84	48.82	4.34	0	0	0	0
<i>otvechat’</i>	6.52	15.21	10.87	0	0	0	67.4
<i>pokazyvat’</i>	36.54	7.9	0.74	0	0.25	0	54.57
<i>ponimat’</i>	14.83	14.1	7.9	0	2.8	0	60.37
<i>prodolzhat’</i>	37.64	0.84	0	0	0	61.52	0
<i>privodit’</i>	76.8	22.5	0.7	0	0	0	0
<i>prinimat’</i>	84.63	11.42	3.35	0	0	0	0.6
<i>smotret’</i>	67.12	2.74	0	0	0	0	30.14
<i>umet’</i>	0	3.1	0.8	0	7.5	88.6	0
<i>hotet’</i>	1.91	2.32	10.25	0	0	78.42	7.1
Mean	34.42	13.25	5.08	0.01	0.94	26.29	19.99

From the given table, several patterns and results can be observed:

1. Variation in direct object types: Different verbs exhibit varying preferences for direct object types. For example, some verbs predominantly take accusative objects (e.g., *davat'*), while others primarily use subordinate clauses (e.g., *govorit'*).

2. Absence of certain object types: Some verbs have zero percentages for certain object types, indicating that they do not commonly occur with those types of objects. For example, verbs like *nazyvat'* and *privodit'* do not appear to take infinitive, subordinate clause, prepositional, or adverbial phrase objects in the given data, while *umet'* and *moch'* are not able to govern nouns in the accusative.

Verbs *govorit'*, *davat'*, *delat'*, *znat'*, *l'ubit'*, *moch'*, *nachinat'*, *otvechat'*, *pokazyvat'*, *ponimat'*, *prodolzhat'*, *smotret'*, *hotet'* are usually presented in a classroom at A1 level, *umet'* at A2, and *prinimat'*, *privodit'*, *nazyvat'* at B1, according to the requirements of the Test of Russian as a Foreign Language (TORFL). That means that most of the verbs were known to L2 students participating in the study. Types of direct objects introduced to L2 students at A1-B1 levels are DON, DOPR, INF, and SUB. AdvP is introduced in constructions like *kak vy dumaete* ‘what do you think’, but no attention is usually paid to the grammatical role of the word *kak* (in general, students are not taught that it is an adverb in the function of a direct object). GEN as a direct object is introduced at B2 level.

We designed 119 stimuli with these verbs (seven stimuli with each verb), using both aspects, perfect and imperfect. There were different kinds of stimuli: fill in the gaps; complete a sentence; and decide if a sentence is correct or not, and if not, correct it. In “fill in the gaps” and “complete a sentence” stimuli the gaps were provided to be filled in. The task was to write a word or several words. In “correct a sentence” task no gap was provided but a line for a whole sentence. The informants were asked either to write “no” if they judge the sentence correct (“no” means “no correction needed”) or to rewrite the sentence they consider incorrect. There were also thirty-four fillers: in “fill in the gaps” and “complete a sentence” tasks non-object parts of a sentence were omitted (for example, a modifying adverb). The fillers aimed to mask the object-directed purpose of the study. In the “correct a sentence” task, as fillers we used grammatically correct sentences without a direct object. That was done in order to avert the informants’ attention from the “incorrectness” of the sentences and let them believe there may be both correct and incorrect sentences, while all experimental stimuli in the task were in fact incorrect. The data received from the fillers were excluded from the analysis.

Here are some examples of stimuli.

Complete a sentence:

Ty ponimaesh'...? (stimulus)
 You understand.2.SG
 ‘Do you understand...?’
Ochen' vazhno... (filler)
 very important
 ‘It is very important...’

Fill in the gaps:

On ne ponyal... i poprosil povtorit' (stimulus)
 He not understand.PRET... and ask.PRET repeat.INF
 ‘He didn't understand ... and asked to repeat’
Moj drug – vesyolyj chelovek: on... smeetsya (filler)
 My friend cheerful person: he... laugh.3.SG
 ‘My friend is a cheerful person: he ... laughs’ (in this filler an adverb like *chasto* ‘often’ was expected, and not an object).

Correct a sentence:

On mozhet bistro zadachi (stimulus)
 He can.3SG quickly task.PL
 *‘He can tasks quickly’

On pozdro vstal i poetomu opozdal na rabotu (filler)
 He late get.up.PRET and so be.late.PRET on work.ACC
 'He got up late and that's why he was late for work'

A “complete a sentence” task gives an informant more freedom than a “fill in the gaps” task. The former is an overt task allowing to receive more differentiated answers, while the latter is a task obliging an informant to choose answers from a specific set of forms and even lexemes. Both types of tasks test the language production. A “correct a sentence” task allowed us to analyze the informants’ reaction to incorrect sentences. It tests both the language production and comprehension.

So, we had a bank with 153 questions. Each informant got a set of thirty-eight random exercises carried out online. The task distribution was as follows: complete a sentence (ten tasks), fill in the gaps (sixteen tasks), correct the sentence (twelve tasks), i.e., 25% of the total number of the tasks of this type in the bank. There was a time limit for doing exercises (2-5 minutes for each question, depending on the task type). For all RSL participants, the written level grammar test was provided before the set of experimental tasks. All participants provided informed consent.

The participants in our study were sixty-one adult learners of Russian as an L2, mean age = 22.3, thirty-five female, twenty-five male, and one not stated, mostly living in an L2 environment. First languages of RSL (Russian as a second language) participants were Albanian, Arabic, Azerbaijani, Bengali, Bulgarian, Chinese, English, Persian, French, German, Greek, Hindi, Hungarian, Indonesian, Japanese, Korean, Macedonian, Nepali, Portuguese, Serbian, Setswana, Somali, Spanish, Thai, Turkish, Uzbek, and Vietnamese. Most of them demonstrate accusative (like Russian) or neutral (like Chinese) patterns of the alignment of the verbal person markers. The languages with the greatest number of informants are Chinese (n=19), Serbian (n=5), Bulgarian (n=4), Indonesian (n=4), and Spanish (n=3).

RSL participants have different language proficiency levels: A1 (n=3), A2 (n=10), B1 (n=30), B2 (n=17), and C1 (n=4). As the number of A1 and C1 participants was small, A1 results were merged with A2 results, forming A1/2 group, and C1 were merged with B2, forming B2/C1 group.

A control group consisted of 70 adult monolingual Russian L1 speakers permanently living in Russia, mean age = 31.

Results

The number of answers obtained in the experiment is 3,970 (excluding fillers), of which 2,058 were produced by speakers of Russian as a first language (RFL) and 1,912 by RSL. Each example was annotated according to the verb used in it and the type of object given by the informant. It was also necessary to add 2 more labels: no object (NON, if there is no object after the verb or if it is not a direct object) and an answer with empty meaning (EM). EM answers were either written in other languages (not Russian), or with totally unclear meaning, or just said ‘I don’t know’. The number of EM answers ranged from 30% in A1 to 0% in C1.

Small number of informants in each language group makes it impossible to run comparisons between them, so the groups were compared by levels: each level group vs. each level group vs. RFL.

For comparison, we used relative values. An example of the resulting data (in %) is demonstrated in Table 2. The direct object types are accusative noun (DON), accusative pronoun (DOPR), genitive (GEN), prepositional phrase (PP), adverbial phrase (AdvP), infinitive (INF), subordinate clause (SUB), no object (NON), answer with empty meaning (EM). Each column shows a different group of informants (their level), and the percentages indicate the proportion of each direct object type used by this group in their answers.

The most frequent object types in the informants’ answers were DON, INF, and NON both in RSL and RFL groups. DOPR and SUB were less frequent, while AdvP, GEN and PP were the least frequent types. This mostly corresponds to the relative frequencies seen in the Russian National Corpus (Table

Table 2

Direct object types found in the data

	A1/2	B1	B2/C1	RSL Total	RFL
DON	90 (23.3%)	245 (26.8%)	172 (28.1%)	507 (26.5%)	592 (28.8%)
DOPR	12 (3.1%)	61 (6.7%)	58 (9.5%)	131 (6.9%)	263 (12.8%)
GEN	6 (1.6%)	21 (2.3%)	23 (3.8%)	50 (2.6%)	77 (3.7%)
AdvP	15 (3.9%)	63 (6.9%)	33 (5.4%)	111 (5.8%)	103 (5%)
PP	9 (2.3%)	25 (2.7%)	24 (3.9%)	58 (3%)	44 (2.1%)
INF	74 (19.2%)	207 (22.7%)	126 (20.6%)	407 (21.3%)	400 (19.4%)
SUB	46 (11.9%)	80 (8.8%)	50 (8.2%)	176 (9.2%)	162 (7.9%)
NON	76 (19.7%)	175 (19.2%)	125 (20.4%)	376 (19.7%)	409 (19.9%)
EM	58 (15%)	36 (3.9%)	2 (0.3%)	96 (5%)	8 (0.4%)
Total	386 (100%)	913 (100%)	613 (100%)	1912 (100%)	2058 (100%)

1) and means that RSL learners generally tend to follow the same type distribution frequency patterns as they receive in the input. The SUB type shows different frequency variation, being frequent in the Corpus data and infrequent in our experimental results.

For the further analysis evenly aligned percent numbers were compared, using the T-Student test in the SPSS package (ver. 27.0), in order to find out if there is any statistically significant difference in the usage of certain types of direct object by the analyzed groups of informants. The sets being compared are examples with one verb. The abbreviations used in Table 3 are the following: p = p-value, or probability of the null hypothesis being true; T = T-value, score of the T Student test, demonstrating the difference between the groups. *Level vs. level* column shows the difference between groups of informants.

Table 3 presents the statistical tests that demonstrate an obvious significant difference in the use of the following types of objects ($p < 0.05$).

The results show that there are Russian verbs that tend to be treated differently in relation to the object structure depending on the level of language proficiency, and verbs that tend to have the same distribution of object types in the speech of any speaker. The verbs most prone to object differentiation are *govorit'*, *delat'*, *l'ubit'*, and *ponimat'*. The verbs that almost always have the same structure of object types are *moch'*, *nachinat'*, *pokazyvat'*, *prodolzhat'*, and *prinimat'*.

Significant difference in ratio distribution of object types, other than NON and EM, was found only in 5 verbs, *delat'* (DOPR and INF), *govorit'* (DOPR), *lubit'*, *ponimat'*, and *umet'* (DON in all three verbs).

Task “fill in the gaps”, *delat'* (planned: GEN, received: INF)

Ne *delai zhech' koster!* Eto *opasno!*
 not do.INF burn.INF fire it dangerous!
 “*Don't do burn a fire! It's dangerous!”

The distribution of NON and EM is significantly different in 7 verbs, *davat'*, *hotet'*, *nazyvat'*, *otvechat'*, *ponimat'*, *privodit'*, and *znat'*. All these verbs demonstrate differences in EM A1/2 vs. other levels. This is easily explained by low proficiency speakers' tendency to produce ungrammatical utterances. NON usage is different only in *otvechat'* (A1/2 vs. B2/C1 and RUS). It demonstrates that L1 speakers, as well as high proficiency ones, mostly use no-object phrases with *otvechat'* (cf. *otvechat'* NA *vopros* lit. ‘answer ON the question’) instead of a subordinate clause in an indirect speech (cf. *otvechat'*, *chto...* ‘answer that...’).

Let us turn to the qualitative analysis of some examples. We analyzed one sentence with each type of a direct object, excluding PP, as there were no correct examples with this type.

Table 3

Significant difference in the use of types of objects by different groups of informants

verb	object type	level vs. level	p	T
<i>davat'</i>	EM	A1/2 vs. B2/C1	0,047	2,846
		A1/2 vs. RUS	0,047	2,846
<i>delat'</i>	DOPR	A1/2 vs. B2 C1	0,016	-4
		A1/2 vs. RUS	0,011	-4,424
		B1 vs. RUS	0,041	-2,984
<i>delat'</i>	INF	B1 vs. RUS	0,032	3,226
<i>govorit'</i>	INF	A1/2 vs. B1	0,017	-7,667
<i>govorit'</i>	DOPR	B1 vs. RUS	0,047	-4,431
<i>hotet'</i>	EM	A1/2 vs. B1	0,006	5,306
		A1/2 vs. B2 C1	0,009	10,332
		A1/2 vs. RUS	0	10,332
<i>l'ubit'</i>	DON	A1/2 vs. B1	0,013	-4,264
		B1 vs. B2 C1	0,015	4,054
<i>nazyvat'</i>	EM	B1 vs. B2 C1	0	11,6
		B1 vs. RUS	0	11,6
<i>otvechat'</i>	NON	A1/2 vs. B2 C1	0,025	-3,516
		A1/2 vs. RUS	0,028	-3,372
<i>ponimat'</i>	EM	A1/2 vs. B1	0,017	3,911
		A1/2 vs. B2 C1	0,013	4,221
		A1/2 vs. RUS	0,01	4,109
<i>ponimat'</i>	DON	A1/2 vs. RUS	0,015	-4,051
<i>privodit'</i>	EM	B1 vs. B2/C1	0,003	6,602
		B1 vs. RUS	0,003	6,602
<i>smotret'</i>	EM	A1/2 vs. B1	0,042	2,94
		A1/2 vs. B2 C1	0,009	4,68
		A1/2 vs. RUS	0,012	4,382
<i>umet'</i>	DON	B1 vs. RUS	0,035	3,132
<i>znat'</i>	EM	A1/2 vs. B1	0,007	5,054
		A1/2 vs. B2 C1	0,005	5,5
		A1/2 vs. RUS	0,005	5,5
<i>ALL VERBS</i>	EM	A1/2 vs. B1	0,001	9,37
		A1/2 vs. B2 C1	0	13,277
		A1/2 vs. RUS	0	13,424
		B1 vs. B2 C1	0,002	6,908
		B1 vs. RUS	0,002	7,283

AdvP, task “fill in the gaps”. (got: AdvP, planned: SUB)

Ya ne umeu tancevat', no ochen' khochu.
 I.NOM not can.1SG.PRS dance.INF but very want.1SG.PRS
 Pokazhi mne, kak.
 show.IMP.SG I.DAT how

‘I can't dance, but I want to. Can you show me how?’

This example was produced by a Chinese informant of B1 level. We obtained 19 answers with this verb from L2 learners, and only one was incorrect. This verb is studied at A1 level, but mostly with nouns/pronouns in the accusative.

DON, task “correct the sentence”

**On ne prinimaet reshat'samostoyatel'no* ('He doesn't decide on his own'). => *On ne prinimaet reshenie samostoyatel'no* ('He doesn't take a decision on his own').

On ne prinimaet reshenie samostoyatel'no
 he.NOM not take.3SG.PRS decision.ACC.SG on_his_own.ADV
 ‘He does not take a decision on his own’

This correction was made by an Indonesian B1 student. The target structure requires the knowledge of deverbal noun morphology, and such transformations (forming a deverbal noun from a verb) is introduced in a classroom at A2/B1 level. Moreover, the verb *prinimat'* cannot take an infinitive as a direct object. To use a noun in the accusative is the most obvious choice.

DOPR, task “fill in the gaps”. (got: DOPR, planned: AdvP)

'Mama, smotri, chto ya umeyu!'
 mom.SG.F.NOM look.IMP.SG what I.NOM can.1SG.PRS
 ‘Mom, look, what I can do!’

This sentence was produced by a Spanish B1 student. *Umet'* is not a typical transitive verb as it does not take an accusative noun as a direct object, so its valency can be described as limited. The only two correct variations here are a pronoun or an adverb.

GEN, task “fill in the gaps”. (got: GEN, planned: DOPR)

Ya gotov dat' tebe deneg,
 I.NOM ready.ADJ.M give.INF you.SG.DAT money.PL.GEN
 eslitol'ko ty poprosish'.
 if only you.SG.NOM ask.2SG.FUT
 ‘I am ready to give you some money, if you ask.’

This example was from a Serbian B1 learner. The verb *dat'* is probably the most frequent ditransitive verb (verbs with two arguments in addition to the subject) in all languages. Russian has the indirect-object type of ditransitive constructions. It means that the theme of the ditransitive verb is coded like the monotransitive patient, and the recipient is coded differently. In these constructions, the monotransitive patient and the ditransitive theme are grouped together as a direct object (here ‘money’), as opposed to the recipient (here ‘you’), which is referred to as an indirect object [Haspelmath, 2013]. Here, a genitive as a direct object expresses partialness (*dat'* *deneg* means ‘to give *some* money’).

INF, task “complete the sentence” (got: INF, planned: DON)

Nesmotrya na trudnosti, on prodolzhil rabotat'.
 despite difficulty.PL.ACC he.NOM go_on.SG.M.PST work.INF
 ‘Despite the difficulties, he went on working’.

This example was made by an Uzbek B2 student. This is very close to L1 speakers as INF is the most frequent direct object type for this verb.

SUB, task “fill in the gaps”. (got: SUB, planned: INF)

Kogda deti nachali shumet',
 when child.PL.NOM start.PL.PST make_noise.INF

ya *rasserdilas'* i *skazala* im *strogo*,
 I.NOM get_angry.SG.F.PST and say.SG.F.PST they.DAT strictly
chto im *nuzhno* *igrat'* *tikho*.
 that they.DAT need.ADJ.N.SG play.IMP quietly.

‘When children started making noise, I became angry and said that they must play quietly’.

This sentence was from a Greek B2 learner. Here, we checked if the L2 learners are able to use the construction *govorit' + infinitive* that has the meaning of an order (like imperative). L1 speakers tend to use infinitives in this example, while the L2 learners used both infinitives and subordinate clauses, and also had mistakes or sentences without a direct object.

The examples above elucidate that the L2 learners are familiar with the variation of direct object types and are able to use them in their written production.

As for the errors in the answers, they belong to several main groups.

The first group is agreement errors (15% of all errors): (a) anaphoric disagreement, or disagreement in gender or number between an antecedent nominal phrase and an anaphoric pronoun; (b) disagreement within a nominal phrase; (c) filling a gap with a type of object that does not agree with the rest of the sentence.

(a) Anaphoric disagreement (task “fill in the gaps”, verb *pokazat'*, the gap after the verb)

Mal'chik *narisoval* *risunoki* *pokazal* **ee* *mame*
 boy draw.PST picture.m and show.PST *her mother.DAT

“The boy drew a picture and showed *her to the mother”

(b) Disagreement within a NP (task “fill in the gaps”, verb *otvechat'*, the gap after the verb)

On *prekrasno* *otvechal* **eto* *vopros*
 he greatly answer.PST *this.N question.M

“He was answering *this question greatly”

(c) filling a gap with a type of object that does not agree with the rest of the sentence (task “fill in the gaps”, verb *nachinat'*, the gap after the word *novyyu* ‘new’)

Esli *tebe* *ne* *nravitsya* *etot* *pisatel'*, *luchshe* *ne* *nachinat'*
 if you not like this writer better not start
ego *novyyu* **chitat'*
 his new read.IMP

“If you don't like this writer, it's better not to start his new *to read”

The second group are errors in case forms (13%): (a) use of the nominative due to the simplification strategy; (b) chaotic use of case forms disregarding semantics and/or government; (c) use of animate accusative forms instead of inanimate nouns and vice versa; (d) mechanic use of specific case forms in structures that have been learned as a whole, while a stimulus structure demands another case form.

(a) use of the nominative due to the simplification strategy (task “complete the sentence”, the verb *delat'*, NOM is used instead of ACC):

Esli *delat'* **eta* **rabota* *kazhdyj* *den'*,
 If do.IMP *this.NOM *work.NOM every day,
to *bystro* *vyuchish'* *pravilo*.
 then quickly learn.FUT.2.SG rule.

“If you do this work every day, you'll quickly learn the rule.”

(b) chaotic use of case forms (task “fill in the gaps”, the verb *delat'*):

Za *svoju* *zhizn'* *on* *sdelal* *ochen'* **horoshimi* *dlja* *ljudej*.
 during own life he do.PST very *good.PL.INST for people.

“During his life he has done very *good for people”

(c) use of animate accusative forms instead of inanimate nouns and vice versa (task “fill in the gaps”, the verb *privodit'*):

Prikhodite *v* *gosti* i *privodite* **svoi* *deti*.
 come.IMP in guest.PL and lead.IMP own child.PL.ACC.INAN

“Come to our place and bring *your children.”

(d) mechanic use of specific case forms in structures that have been learned as a collocation (task “fill in the gaps”, verb *nazyvat'*, the interference of the construction “*nazyvat'* + ACC + INSTR”):

*Uchjonye nazyvajut *teoriej* *jeffektom prisutstvija*.
scientist.PL call *theory.INSTR effect.INSTR presence

“The scientists call *theory “the presence effect”.”

The next group are semantic errors. Interestingly, this is the largest group, as it takes 26% of all errors. The semantic errors were the following: (a) forming collocations consisting of words that cannot be combined semantically; (b) incorrect comprehension of the verb meaning given in the stimulus.

(a) Incorrect collocation (task “fill in the gaps”, the verb *privodit'* ‘to lead, to bring by leading’ collocates only with animate objects):

*Prikhodite v gosti i *privodite cvety.*
come.IMP in guest.PL and *lead.PL flower.PL

“Come to our place and *bring flowers.”

(b) Incorrect comprehension of the verb (task “fill in the gaps”, the verb *umet'* was comprehended incorrectly or not comprehended at all):

*«Mama, smotri, *magazin ja umeju!» — kriknul mal'chik.*
mother look.IMP *shop I can shout.PST boy
“Mother, look, I can *a shop! A boy shouted”

The last group are omitting errors (14%). The informants often omit: (a) an obligatory argument; (b) a part of a sentential actant.

(a) An argument omitted (task “fill in the gaps”, the verb *govorit'/skazat'*, the gap after *kazhdomy*):

*On podoshel k nam i skazal kazdomu cheloveku *0.*
he come-up.PST to we.DAT and tell.PS each person.DAT *0
“He came up to us and told each person *0”

(b) A part of a sentential object omitted (task “fill in the gaps”, the verb *govorit'/skazat'*, the gap after *im*, the verb infinitive was omitted in the answer):

*...ja rasserdilas' i skazala im, chto nado *0 tih.*
...I get-angry.PST and tell.PST they.DAT that need *0 quietly
“...I got angry and told them that they must *0 quiet”

Finally, stimuli in the “correction” exercise left without correction take 21%. The two kinds of errors here are: (a) an incorrect sentence is judged as correct, and (b) a sentence was corrected but it still remains incorrect.

(b) Incorrect sentence rewritten and remains incorrect (verb *pokazat'*, an incorrect imperfective INF was replaced by a perfective INF, but an object type still remained incorrect):

*Pokazhite, pozhalujsta, eshho raz *reshit'* *jetu zadachu.*
show.IMP please more time *solve this task
“Please show one more time *to solve this task”

Several stimuli caused similar errors in the informants of different language proficiency levels. Regardless of the level, the informants tended to produce identical erroneous answers. This means that some types of errors like ignoring an overall meaning of a sentence or its pragmatics or forming incorrect collocations are typical of any level of RSL interlanguage.

Discussion

The results show that the most differences are seen in infrequent object types (PP and SUB, DOPR, GEN) and in EM answers. Some types of objects tend to be used with different frequencies by speakers of different groups, and some types of objects tend to retain the same frequency, as shown

in Results. It means that there is a level-grounded tendency to use core (accusative) object types with different frequency: the informants are more likely to use more nouns and fewer pronouns in low proficiency level, and the distribution of nouns vs. pronouns in high proficiency levels gets closer to the L1 speakers' one. Non-accusative, peripheral object types, like infinitives, do not depend on the language proficiency level, regardless of their frequency.

According to [Cherepovskaia et al. 2021], accusative is one of the first cases to be acquired in RSL, after nominative and locative. RSL speakers of the same language proficiency level tend to produce correct case forms in accusative more often than in genitive, dative, and instrumental. Our results confirm these findings at large. DON phrases show some frequency variation between levels. A1/2 level RSL speakers tend to use fewer accusative objects with the non-action verbs *lubit* 'to love' (emotion), *ponimat* 'to understand' (mental), and *umet* 'can, to know how' (modal). All other verbs govern DON at the same frequency rate in the production of the informants of all language proficiency levels. This means that nominal accusative is a "stable" form overall, well-acquired already at the low language proficiency level.

As for the infinitive objects, their tendency to be used frequently even at the low proficiency levels proves the similarity of the processes of the first and second language acquisition. Infinitives as basic verbs forms are essential both for monolingual children and adults learning a second language. An Optional Infinitive stage is a well-described phenomenon of children's language acquisition [Bar-Shalom & Snyder, 1996]. Russian children, going through the protomorphology stage, are known to use mostly infinitive and imperative verb forms [Gagarina, 2003], while inflection is acquired later. Root infinitives are typical both for creole languages [Wakabayashi, 2021] and second language learners' individual interlanguages [De Lisser, 2021]. Our data confirms that RSL learners prefer infinitives to verbal nouns (i.e., *reshat* 'to decide' to *reshenie* 'a decision'), meaning that verbal semantics is most likely to be expressed via an infinitive.

Still the most differences between the levels stems not from the distribution of direct object types, but results from the rate of EM answers produced. RSL learners, when producing grammatically and semantically correct sentences, mostly use the same object types with the same frequency as RFL speakers.

Conclusion

The aim of this research was to examine direct object acquisition by adult L2 Russian learners. This study has shown that both linguistic (verb argument structure) and extralinguistic (students' level of proficiency) factors play an important role.

Linguistic factors are verb government and frequency of direct object types. The verbs that show the least variability (*moch'*, *prodolzhat'*, *otvechat'*) have fewer object types than the most variable ones (*govorit'*, *l'ubit'*). Verbs that have 5–6 object types show more differences between L1 and L2 groups than verbs with 3–4 object types.

As for the relation between language proficiency and direct object acquisition, this study has found that generally there is some correlation. While, as it was predicted, the groups that mostly demonstrate statistically significant differences from the L1 speakers are L2 learners of A1/2 levels, the distribution of object types preferred by the B2/C1 level group demonstrates no statistically significant difference from that in the RFL group. Still, particular details of the use of object types are not the same in B2/C1 and RFL. For example, non-native speakers "guess" the predicted object type less successfully, make agreement errors, and sometimes produce semantically incorrect answers.

The second major finding was that object types used by low proficiency level speakers are not always the most common or frequent in standard Russian. The less frequent object types in standard Russian, e.g., prepositional and adverbial phrases, are used by A1/2 level speakers at the lowest rate possible (2–4%), as has been predicted. As for the preferred types, objectless (zero object) and EM

phrases are almost as frequent in their speech as the most common object types (nominal accusative phrases and infinitives).

Infinitive objects have special meaning for the low proficiency speakers. They are widely used in general. An infinitive is a salient verb form for the beginners. It is generally the first verb form to be introduced and learned, so it is quickly acquired and easily produced when necessary.

Finally, the distribution of direct object types appeared to be only partly affected by proficiency level. For instance, A1/2 level students produced all types of objects. However, several types of objects, namely prepositional phrases, were found only in the “correct the sentence” task, where the informants had to agree or disagree with the objects already given. No such types were found in the answers directly produced by the informants of this level. It seems possible that these results are due to the fact that low language proficiency level speakers tend to avoid syntactically complicated structures.

So, it may be stated that L2 learners of any level are familiar with different direct object types. Even if they were not strictly taught to use some constructions with some transitive verbs, they turned out to be able to produce them by association with those they already know.

This study explored and described one aspect of an interlanguage, that is being developed in L2 acquirers. The analysis of direct object L2 acquisition fills in one of the gaps in the representation of a generalized L2 Russian system. This contributes to the theoretical field of SLA. The data revealed in this study can be used practically. Providing that L2 acquirers’ interlanguage being a self-supporting system, it may be recommended for the teachers to pay attention to the possible and impossible object types of characteristic for each verb, teaching also those that are theoretically acceptable but infrequent, and let input do the rest.

References

- Artoni D., Magnani M.** Acquiring case marking in Russian as a second language. An exploratory study on subject and object. *Grammatical development in second languages: Exploring the boundaries of Processability Theory*. EUROS LA Monograph Series, 2015, pp. 177–193.
- Bar-Shalom E., Snyder W.** Optional Infinitives in Russian and Their Implications for the Pro-Drop Debate. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Indiana Meeting*, 1996.
- Brać I., Magić S. D.** The role of verb valency in Croatian and Russian learning at B1 level. *J-FLTAL*, 2014, p. 111.
- Cherepovskaya N., Slioussar N., Denissenko A.** Acquisition of the nominal case system in Russian as a second language. *Second Language Research*, 2021, vol. 38, no. 3, pp. 555–580.
- De Lisser T. N., Durrleman S., Rizzi L., Shlonsky U.** Root infinitives in Jamaican Creole. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2021, vol. 39, no. 1, pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.5705>
- Dragoy O., Bastiaanse R.** Verb production and word order in Russian agrammatic speakers. *Aphasiology*, 2010, vol. 24, no. 1, pp. 28–55.
- Gagarina N.** The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children. In: D. Bittner, W. Dressler, M. Kilani-Schoch (Eds.). *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2003, pp. 131–170. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110899832.131>
- Haspelmath M.** Ditransitive Constructions: The Verb ‘Give’. In: Dryer M. S., Haspelmath M. (Eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/105> (accessed: 22.07.2022).
- IBM Corp. *IBM SPSS Statistics for Windows*, Version 27.0. Armonk, NY: IBM Corp., 2020.
- Janssen B., Meir N.** Production, comprehension and repetition of accusative case by monolingual Russian and bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew-speaking children. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2019, vol. 9, no. 4–5, pp. 736–765.

- Kempe V., MacWhinney B.** The acquisition of case marking by adult learners of Russian and German. *Studies in Second Language Acquisition*, 1998, vol. 20, no. 4, pp. 543–587. DOI: 10.1017/S0272263198004045
- Kempe V., MacWhinney B.** Processing of Morphological and Semantic Cues in Russian and German. *Language and Cognitive Processes*, 1999, vol. 14, no. 2, pp. 129–171. DOI: 10.1080/016909699386329
- Ladinskaya N., Chrabszcz A., Lopukhina A.** Acquisition of Russian Nominal Case Inflections by Monolingual Children: A Psycholinguistic Approach. *Higher School of Economics Research Paper*, 2019, no. WP BRP 81/LNG/2019
- Ljashevskaja O. N., Sharov S. A.** *Chastotnyj slovar' sovremennoj russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)*. Moscow: Azbukovnik, 2009.
- Letuchij A. B.** Perehodnost'. In: *Materialy k Korpusnoj grammatike russkogo jazyka. Glagol. Chast' I*. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2016, pp. 213–267.
- Laufer B., Waldman T.** Verb-Noun Collocations in Second Language Writing: A Corpus Analysis of Learners' English. *Language Learning*, 2011, vol. 61, pp. 647–672.
- Montrul S.** Causatives and Transitivity in L2 English. *Language Learning*, 2001, vol. 51, pp. 51–106. DOI: 10.1111/1467-9922.00148
- Müller S.** *Grammatical theory: From transformational grammar to constraint-based approaches*. Second revised and extended edition. Textbooks in Language Sciences 1. Berlin: Language Science Press, 2018.
- Nuss S.** Morphology acquisition research meets instruction of L2 Russian: A contextualized literature review. In: *Morphology acquisition research meets instruction of L2 Russian*, 2022, pp. 15–35.
- Peirce G.** Representational and Processing Constraints on the Acquisition of Case and Gender by Heritage and L2 Learners of Russian: A Corpus Study. *Heritage Language Journal*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 95–115. DOI: 10.46538/hlj.15.1.5
- Selinker L.** INTERLANGUAGE. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 1972, vol. 10, no. 1–4, pp. 209–232. DOI: 10.1515/iral.1972.10.1-4.209
- Siewierska A.** Alignment of Verbal Person Marking. In: Dryer M. S., Haspelmath M. (Eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <https://wals.info/chapter/100> (accessed: 15.09.2023)
- Taraban R., Kempe V.** Gender processing in native and nonnative Russian speakers. *Applied Psycholinguistics*, 1999, vol. 20, no. 1, pp. 119–148. DOI: 10.1017/S0142716499001046
- The Russian National Corpus (ruscorpora.ru)*. 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru/en/>
- Tkachenko E., Chernigovskaya T.** Input frequencies in processing of verbal morphology in L1 and L2: Evidence from Russian. In: *Russian in contrast: Lexicon. Oslo Studies in Language*, 2010, vol. 2, no. 2, pp. 281–318.
- Wakabayashi S.** A principle of economy in derivation in L2 grammar: Do everything in narrow syntax. *Second Language Research*, 2021, vol. 37, no. 4, pp. 521–545. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267658319879969>
- Zhao Q., Jiang J.** Verb valency in interlanguage: An extension to valency theory and new perspective on L2 learning. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 2020, vol. 56, no. 2, pp. 339–363.

Информация об авторах

Кашлева Ксения Константиновна, кандидат филологических наук, доцент

Краснощекова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник

Information about the Authors

Kseniiia K. Kashleva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Sofia V. Krasnoshchekova, Candidate of Sciences (Philology), Researcher

*Статья поступила в редакцию 08.10.2024;
одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 27.12.2024*

*The article was submitted 08.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 27.12.2024*

Научная статья

УДК 8'374

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-145-149

Рецензия на книгу:

de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names.

Paterna, Valencia: La Imprenta CG, 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057

Ирина Анатольевна Мартыненко

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы (РУДН)

Москва, Россия

irineta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>

Аннотация

Словарь испанских топонимов Луиса де Оруэты встает в один ряд с известными на сегодняшний день справочными изданиями по топонимии Испании и не имеет аналогов в современной испаноязычной топономастической лексикографии с точки зрения классификации содержащегося материала. Это результат многолетнего труда автора, научного сотрудника Национальной библиотеки Испании, разносторонне образованного исследователя. В англоязычном Словаре в алфавитном порядке представлено около 5 000 наиболее употребительных географических наименований, составляющих основу испанского топонимического пласта. В каждой статье приводятся сведения, отражающие все известные на данный момент версии этимологии названия, а также указывается провинция, к которой оно относится. Словарь предназначен для широкого круга читателей, главным образом, специалистов в области испанского языка.

Ключевые слова

топоним, словарь, Испания, этимология, Луис де Оруэта

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст». Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00702/>.

Для цитирования

Мартыненко И. А. Рецензия на книгу: de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG, 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057 // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 145–149. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-145-149

**Book Review: de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names.
Paterna, Valencia: La Imprenta CG. 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057**

Irina A. Martynenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
RUDN University
Moscow, Russian Federation

irineta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>

Abstract

A Dictionary of Spanish Place Names by Luis de Orueta ranks among the currently known reference publications on the toponymy of Spain and has no analogues in modern Spanish-language toponomastic lexicography in terms of the classification of the material contained. This is the result of many years of work by the author, a broadly educated researcher of the National Library of Spain. The English-language Dictionary presents 5,000 of the most commonly used alphabetically organized geographical names, which form the basis of the Spanish toponymic layer. Each article provides information reflecting all currently known versions of the etymology of a name, and indicates the province to which it belongs. The dictionary is intended for a wide range of readers, mainly specialists in the field of the Spanish language.

Keywords

toponym, dictionary, Spain, etymology, Luis de Orueta

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00702, Linguistic features of national identity: Latin American text. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)). URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00702/>.

For citation

Martynenko I. A. Book Review: de Orueta L. A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG. 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 145–149. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-145-149

За свою историю Иберийский полуостров испытал все лингвистические влияния, возможные в Средиземноморском регионе. В сфере топонимики до и после периодов кельтского, готского и германского присутствия все известные в этой области тенденции накладывались на иберийскую семантическую топооснову. Поэтому современный топонимикон Испании представляет собой мозаичное наслаждение различных эпох, народов и цивилизаций [Корнева, 2016. С. 150].

Так, по подсчетам специалистов, на сегодняшний день из 58 основных современных ойконимов на территории Испании – 37 латинского происхождения, 11 – арабского и 10 – иного [Сударь, 2004. С. 18]. Поэтому в стране имели место различные номинативные тенденции и, по мнению автора рецензируемого словаря, «часто значение топонима варьируется от описательного до антропонимического. При этом такие семантические вариации кажутся взаимоисключающими, и, вместе с тем, оба варианта могут быть приемлемыми, в зависимости от года номинации» [de Orueta, 2022, обложка; перевод наш].

Изданный впервые в 1992 г. словарь испанских топонимов Луиса де Оруэты представляет собой подборку из более чем 5000 испанских топонимов Пиренейского полуострова, представленных в алфавитном порядке, с указанием на английском языке их этимологического значения и перечислением известных альтернатив в случаях, когда конкретная этимология не может быть установлена.

Определяющим критерием для отбора имен, по признанию автора, стал масштаб населенного пункта: из почти 200 000 топонимов, перечисленных в Почтовом словаре Испании [Diccionario Geográfico Postal de España, 1942], указанном в библиографии, было выбрано все-

го пять тысяч. Включены все названия, обозначенные как *ciudad* (город) или *villa* (поселок), но перечень ими не ограничивается: в словарь вошло некоторое количество названий небольших деревень, крупных рек и гор.

С исторической точки зрения на Пиренейском полуострове, в частности в Испании, топонимисты выделяют следующие большие группы топонимов: докельтский (иберийский), кельтский, древнеримский, германский, арабский, современный испанский (или кастильский) [Сударь, 2004. С. 75–76].

Если принять во внимание, что территория Испании включает и острова, то выделяются также в качестве отдельной страты и гуанческие (или канарские) топонимы. К тому же мы заметили тенденцию включения в современный испанский пласт не только кастильских, но и каталонских, валенсийских, галисийских, баских и т. д. топонимов. Наше мнение о том, что целесообразно рассмотрение топонимических единиц из языков автономных сообществ как составных частей современного топонимического корпуса Испании не кастильского происхождения [Мартыненко, 2023. С. 103], не является одноким, что подтверждает содержание словаря Л. де Оруэты, который приводит подобные языковые единицы и смело толкует их (см. таблицу).

Словарная статья **Isaba** [de Orueta, 2022. С. 138]

Англ.	Русск. (перевод наш)
Isaba Navarra	Исаба Наварра
1. ‘New town which has fir wood’ from Basque <i>iza</i> ‘firwood’ and <i>barri</i> ‘new’. 2. ‘The field of spruce-trees’ from Basque <i>izai</i> ‘spruce’, ‘silver-tree’ and article <i>-a</i>	1. «Новый город, в котором есть еловый лес» от баскского <i>iza</i> «еловый лес» и <i>barri</i> «новый». 2. «Поле елей» от баскского <i>izai</i> «ель», «серебряное дерево» и артикла <i>-a</i>

Как можно видеть в приведенном примере, для облегчения географической идентификации каждое название сопровождается ссылкой на провинцию, к которой оно относится.

Редкие попытки свести воедино результаты этимологических и лексикографических исследований по топонимии Испании ранее предпринимались¹.

Разрозненность данных, создание топонимических словарей, в основном, по автономным сообществам², возможно, были связаны со сложностью установления с высокой степенью вероятности единой для всех этимологии отдельных испанских топономинаций.

Главная ценность этого издания 2022 г. заключается в аккумулированной информации по всем автономным сообществам и провинциям Испании и четкой структуре, без классификации единиц по семантическим категориям, как, к примеру, в «Топонимическом атласе Испании» Х. Х. Гарсия Санчеса [García Sánchez, 2007].

Вместо этого предлагается следующая классификация топонимических единиц [de Orueta, 2022. Р. 6]:

а) «Очевидный» тип

Топонимы, требующие только перевода. Примером топоединицы из этой категории на испанском языке может быть *Casablanca* – исп. «белый дом».

Однако, несмотря на прозрачность этимологии, Л. де Оруэта призывает исследователей к скрупулезности в этимологических исследованиях, так как поверхностный анализ наиме-

¹ См., напр., Ballester E.N. Breve diccionario de topónimos españoles. Madrid, 1997. 231 p.

² См., напр., Makki M.A. Introducción para el estudio de los topónimos de origen árabe en España. 1996. 142 p.; Menéndez Pidal R. Toponimia prerrománica hispana. Madrid, 1968. 312 p.; Enam M.A. Toponimia arábigo-española. Sevilla, 1976. 44 p.; Moralejo Lasso A. Toponimia gallega leonesa. Santiago de Compostela, 1987. 382 p.; Ballester E.N. De Caesaraugusta a Zaragoza: la toponimia española, un testimonio de la historia/ Romero F.G., García B.H. (eds) De Homero a Virgilio: el asombroso mundo del griego y el latín. Madrid, 2009. pp. 165–181. и др.

нования может ввести в заблуждение (*Matamoros*. Вместо очевидного «убийцы мавров», его правильной этимологией является «подземное зернохранилище» от арабского *matmrah*).

б) «Исторический» тип

Это географические названия, которые произошли от языков, на которых больше не говорят в Испании, в основном арабского, латинского, немецкого, греческого и иврита. Они имеют исторические корни, которые можно определить. Так обстоит дело с Сарагосой/ *Zaragoza* и Памплоной/ *Pamplona*, названными так в честь римских императоров Гая Юлия Цезаря и Помпей Гнея Великого. Автор отмечает, что с течением времени исторические названия, как правило, претерпевают изменения, и не всегда их можно с уверенностью толковать.

в) «Неясный» тип

Имена, происхождение которых невозможно связать ни с одним современным или классическим языком. Такие названия часто относят к доримским, и они являются предметом повторяющихся споров этимологов. К этой категории Л. де Оруэта относит, например, название столицы Испании [de Orueta, 2022. С. 157].

Рецензируемый словарь дает возможность отличить большую часть названий с «очевидным», «прозрачным» значением от тех, которые можно отнести к «неясным», или «неопределенным». Характерной положительной особенностью настоящей работы является сохранение и перечисление всех имеющихся сегодня вариантов этимологии последних. Автор меж тем выражает надежду на то, что новые глубокие лингвистические исследования, а не расширение числа альтернатив, снизят уровень неопределенности.

Английский язык изложения расширяет аудиторию пользователей издания и дает представление о необычайном историческом, культурологическом и лингвистическом богатстве испанского топономастикона.

Список литературы

- Корнева В. В.** Традиции и новации в испанской топонимике (рец. на кн.: Garcia Sanchez J. J. *Átlas toponímico de España*. Madrid: ARCO / LIBROS, S.L., 2007. 407 p.) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 150–152.
- Мартыненко И. А.** Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система: дис. д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2023. 428 с.
- Сударь Г. С.** Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования. АКД. М.: МГУ, 2004. 19 с.
- de Orueta L.** A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG, 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057
- Diccionario Geográfico Postal de España.** 2 vol. Madrid: S. Calleja, 1942.
- García Sánchez J. J.** Átlas toponímico de España. Madrid: ARCO / LIBROS, S.L., 2007. 407 p.

References

- de Orueta L.** A Dictionary of Spanish Place Names. Paterna, Valencia: La Imprenta CG, 2022. 298 p. DOI: 10.17613/gjra-t057
- Diccionario Geográfico Postal de España.** 2 vol. Madrid: S. Calleja, 1942.
- García Sánchez J. J.** Átlas toponímico de España. Madrid: ARCO / LIBROS, S.L., 2007, 407 p.
- Korneva V. V.** Traditions and Innovations in Spanish Toponymy (review of the book: Garcia Sanchez J. J. *Atlas toponímico de España*. Madrid: ARCO / LIBROS, S. L., 2007. 407 p.). *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, no. 2, pp. 150–152. (in Russ.)

Martynenko I. A. Hispanic toponymy of the world as a geolinguistic system. Diss... Doctor of Philology. Moscow, RUDN University Publ., 2023, 428 p. (in Russ.)

Sudar G. S. Toponymy of Spain as an Object of Linguistic and Cultural Research. PhD thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2004, 19 p.

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Мартыненко, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
SPIN-code: 4270-4217
ResearcherID: AAK-6228-2021
AuthorID: 57214894791

Information about the Author

Irina A. Martynenko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher
SPIN-code: 4270-4217
ResearcherID: AAK-6228-2021
AuthorID: 57214894791

*Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 24.01.2025*

*The article was submitted 28.12.2024;
approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 24.01.2025*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-150-155

Терминологическая основа науки о языке

Мария Кирилловна Тимофеева

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия

Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

mtimof@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

Аннотация

Современная лингвистика – результат продолжающегося расширения предмета и методологии науки о языке, растущих взаимосвязей с быстро развивающимися когнитивными и компьютерными науками. Эти процессы неизбежно влияют на терминологию, увеличивая общее количество терминов, используемых в лингвистике, повышая нестабильность и вариативность значений многих из них. В таких обстоятельствах чрезвычайно актуальной становится задача сведения воедино и систематизации терминологии науки о языке. Обсуждаемый в данной статье капитальный труд С. В. Лесникова «Метаязык лингвистики» – важная веха на этом пути. В качестве материала были использованы лингвистические источники с 1755 по 2021 г. (словари, справочники, энциклопедии, глоссарии и др.), а также публикации в одном из основных отечественных лингвистических журналов «Вопросы языкоznания» за 1952–2021 гг. В предлагаемой обзорной статье анализируются структура, принципы организации, функциональные возможности, некоторые перспективы развития и использования сформированной металингвистической терминологической базы.

Ключевые слова

терминология, словари, информационный поиск, дефиниции, метаязык, гипертекстовый тезаурус, систематизация знаний

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИМ СО РАН, проект № FWNF-2022-0012.

Для цитирования

Тимофеева М. К. Терминологическая основа науки о языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 150–155. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-150-155

The Terminological Basis for the Science of Language

Mariya K. Timofeeva

Sobolev Institute of Mathematics SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

mtimof@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

Abstract

Modern linguistics is the result of the ongoing processes of the subject and linguistic research methodology expansion, growing interrelations with rapidly developing cognitive and computer sciences. These processes inevitably affect terminology, increasing the total number of terms used in linguistics, raising instability and semantic variability of many of them. In such circumstances, the task of putting together and systematizing the terminology of the science of language becomes extremely urgent. The substantial work by S. V. Lesnikov 'The Metalanguage of Linguistics', discussed in the paper, is an important milestone on this path. The work is based on the material that include linguistic sources from 1755 to 2021 (vocabularies, manuals, encyclopedias, glossaries, etc.), as well as publications in one of the main Russian linguistic journals "Voprosy Jazykoznanija" for 1952–2021. The proposed review article analyzes the structure, principles of organization, functionality, and some prospects for the development and use of the created metalinguistic terminological base.

Keywords

terminology, dictionaries, information retrieval, definitions, meta-language, hypertextual thesaurus, knowledge systematization

Funding

The research was conducted within the framework of the state contract of the Sobolev Institute of Mathematics project no. FWNF-2022-0015

For citation

Timofeeva M. K. The Terminological Basis for the Science of Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 150–155. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-150-155

Лингвистика имеет очень длинную историю, в частности, богатую историю взаимодействий с другими областями знания. Среди относительно близких к нам по времени значимых поворотов этой истории, послуживших стимулом к интенсивному развитию языкоznания, безусловно, относится формирование структуралистского направления в первой половине XX в. С этим этапом связана тенденция к поиску границ науки о языке и ее отмежевание от других дисциплин, в сферу интересов которых также входят язык и коммуникация. Во второй половине того же века произошло, можно сказать, противоположное значимое изменение: началось расширение границ науки о языке, интерес к проблематике, находящейся на стыке лингвистики и других дисциплин, прежде всего на стыке с такими актуальными и быстро развивающимися областями, как когнитивные и компьютерные науки. Этот процесс расширения границ лингвистики А. Е. Кибрик подытожил в одном из сформулированных им постулатов науки о языке: «Постулат О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ: все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 2012. С. 20].

Живой интерес лингвистов к разным аспектам языка и коммуникации, открытость к познанию ранее не изучавшегося в этой области, не могли не сказаться на терминологии, используемой в науке о языке: растет вариативность понимания терминов, их общее количество, в том числе – за счет перехода в лингвистику терминологии других дисциплин. Важность проблемы уточнения и систематизации терминологии впервые в полной мере была осознана Фердинандом де Соссюром. Т. де Мауро приводит цитату из его письма, написанного в 1894 г. Антуану Мейе: «... нет ни одного термина в лингвистике, которому я мог бы придать хоть какой-то

смысл» [Мауро, 2000. С. 105]. Эта ситуация в значительной степени была преодолена самим Ф. де Соссюром, вклад которого в уточнение и систематизацию лингвистической терминологии трудно переоценить. Однако происшедшие с той поры изменения в науке о языке вновь сделали задачу подытоживания метаязыкового опыта крайне актуальной. Двухтомное издание С. В. Лесникова «Метаязык лингвистики» – значимый шаг в этом направлении.

Терминология научной области – это не просто система слов специального назначения. Развитие терминологии, при его рассмотрении в диахроническом плане, демонстрирует ход исследовательской мысли, стремящейся к большей четкости и созданию надежной опоры для продвижения дальше. Переинтерпретируя слова Людвига Витгенштейна, которыми он завершает свой «Логико-философский трактат», можно сказать, что научные понятия и отражающие их термины подобны неким невидимым ступеням: тот, кто их понял, «в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как он взберется по ней наверх). Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир» [Витгенштейн, 1958. 6.54]. Действительно, термины – это аналоги ступеней, создаваемых исследователем на пути познания интересующего его объекта. Чем они прочнее, чем яснее терминология, тем вероятнее, что, поднявшись, удастся увидеть нечто новое, ранее не познанное, – то, для чего потребуются новые термины и теории. Однако, «поднявшись наверх» и приобретя новое знание, обычно нужно пересмотреть уже имевшееся ранее, в том числе терминологию.

В связи с этим примечательно, что в предисловии к монографии С. В. Лесникова, написанном Н. Л. Сухачевым, приведена в качестве эпиграфа еще одна цитата из сочинения Ф. де Соссюра, которая побуждает задуматься о достаточности того спектра задач, который традиционно связывают с терминоведением: «... в языке все является историей, следовательно, он является объектом исторического анализа, а не абстрактного, он состоит из фактов, а не из законов...» [Сухачев, 2021. С. 5]. Неразрывность метаязыка и предметного языка, характерная для всех естественных языков (в отличие от языков математики), неизбежно приводит к тому, что терминологические процессы, происходящие в языке, являются одним из аспектов исторического изменения этого языка. История языка неразрывно связана с историей мысли об этом языке, основу которой составляет терминология. Обобщающее издание С. В. Лесникова, отражающее разные этапы развития терминосистемы лингвистики, открывает возможность диахронического исследования терминологии, предоставляет материал для исторического терминоведения.

Данное издание предоставляет материал и для других исследований. Некоторые из них намечены ниже.

Как видно по названиям томов, собственно словарь – *гизаурус* (гипертекстовый тезаурус) – представлен во втором томе [Лесников, 2021. Т. 2]. Первый том [Лесников, 2021. Т. 1] посвящен теоретическим вопросам и систематизации областей знания, связанных с изучением терминологии.

Содержание самого гизауруса представляет собой как бы «вершину айсберга» в основе которого лежит разработанная автором информационно-поисковая система (ИПС). О принципах алгоритмической организации ИПС сказано в первом томе. Процедура формирования гизауруса автоматизирована и также описана в первом томе. Для отбора вокабул (словарных статей), включаемых в гизаурус, использовались введенные автором весовые характеристики, учитывающие частотность и сочетаемость термина, а также авторитетность источника информации о нем. На основе разработанной методики было отобрано более 26 000 вокабул. Лексикон построен по гнездовому принципу и в словарную статью определяемого термина включены производные термины и терминологизмы, что увеличивает общее количество рассмотренных понятий примерно до 28 000 [Лесников, 2021. Т. 2. С. 4]. Помимо двухтомной печатной версии, гизаурус имеет более полную электронную версию, содержащую около 2 000 000 терминов и терминологизмов [Лесников, 2021. Т. 1. С. 239].

Гизаурус представляет систему понятий метаязыка лингвистики практически за весь исторический период, примыкающий к современным научным исследованиям (с 1750 по 2021 г.), и охватывает именно науку языке, а не только собственно лингвистику. Поэтому можно сказать, что метаязык лингвистики дан в широком историческом и содержательном контексте. Для составления гизауруса было оцифровано несколько тысяч словарей русского языка, а также все номера наиболее авторитетного для данной области отечественного журнала «Вопросы языкоznания» за 1952–2020 гг. Полный перечень источников гизауруса представлен в первом томе, там же приведены их реферативно-аннотированные описания и количественные характеристики.

Важное место среди обсуждаемых теоретических вопросов занимают разделы, посвященные понятию метаязыка: истории его изучения, возможным определениям, свойствам, функциям. Столь же пристальное внимание уделено понятию тезауруса, истории тезаурусного подхода к описанию лексики, определению и типологии тезаурусов, их конкретным реализациям.

Разработанная при составлении гизауруса методика приписывания весов терминам и ранжирования источников представляет интерес не только как средство отбора включаемой в тезаурус терминологии. Такая информация может быть полезна в области компьютерной лингвистики, например, в задачах классификации, автоматического реферирования, информационного поиска.

В первом, теоретическом, томе можно почерпнуть много полезной информации, помимо собственно «словарной темы». Здесь представлены и проиллюстрированы посредством схем (инфографики) знания о многих аспектах науки о языке. О широте охвата тематики можно судить по следующему, далеко не полному перечню представленных средствами инфографики областей: основные разделы языкоznания, генеалогическая схема развития систем письма, функции языка, типы коммуникации, методы исследования, лингвистическая компетенция, невербальные средства общения, виды фреймов, пирамида уровней знаков, языки описания внешней и внутренней реальности, русский язык и его система, методы и приемы развития детской речи, типы фонологических оппозиций, модификации звуков, фонема, фонетико-метрическая терминология, аудирование, сложные предложения, сложносочиненные предложения, классификация лексики, основные типы словарей, письменные исторические источники... Имеются инфограммы, схематизирующие определенные аспекты понятийных представлений известных мыслителей: Платона, Аврелия Августина, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Реформатского, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. В. фон Лейбница, Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Г. Фреге... Общее количество приведенных инфограмм – 195.

Широкий исторический и содержательный контекст, в котором рассматривается метаязык лингвистики, делает гизаурус ценным источником информации при изучении конкретных областей науки о языке, здесь, по сути, предоставляются обзорные сведения об интересующих читателя вопросах, причем не только в языкоznании и не только в современности. В итоге доступная информация многократно превышает то, что обычно можно найти в терминологических словарях.

В частности, среди оцифрованных терминологических источников гизауруса представлена «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1775 г.). Можно найти также термины других авторов того времени, например, вряд ли в современном терминологическом словаре встретится приведенный в гизаурусе термин *еллипсис*, предшественник современного термина *эллипсис*: термин *еллипсисъ* использовал Н. Г. Курганов в своей работе «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. СПб, 1769 (с 1777 г. известной под названием «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка»), <https://www.prilib.ru/item/362192>).

Анализ столь отдаленной по времени терминологии охватывает и термины смежных наук о языке, например, пользователь гизауруса встретит вряд ли знакомый современному термин *едуктивное умозаключение* – один из шести типов умозаключений (трансдукция, индукция, дедукция, продукция, субдукция, едукция), введенных в XIX в. Санкт-Петербургским логиком

Л. В. Рудковским. В едуктивном умозаключении вывод уже предопределен смыслом посылки, в большей или меньшей степени имплицитно заключен в ней. При этом термины *продукция* и *субдукция*, использовавшиеся тем же автором, в гизаурусе отсутствуют. Этот небольшой пример иллюстрирует тот факт, что отбор лексики, включаемой в гизаурус, на основе числовых метрик, с одной стороны, и полнота представляемых в словаре терминологических подсистем, с другой стороны, – в определенном отношении несовместимые принципы. При отборе слов на основе метрических весов отклонения от полноты представления терминологических подсистем неизбежны, однако эти отклонения представляют самостоятельный интерес, так как они позволяют реконструировать актуальную «картину мира» современного исследователя, работающего в области науки о языке. Не все исторически существовавшие терминологические подсистемы вошли в эту «картину мира» в их исходном состоянии.

Аналогично отражение современных систем понятий в отечественной терминологии может иметь свою специфику, сказывающуюся на частотных характеристиках, и это тоже можно проследить по гизаурусу. Например, в определениях термина *прагматика*, приведенных в гизаурусе, явным образом назван один из разделов прагматики – теория речевых актов. Остальные разделы этой области в самом определении термина *прагматика* не упомянуты, их можно только частично выявить в приведенных далее терминологических сочетаниях. Вместе с тем современная прагматика, содержит, как минимум, четыре традиционных раздела: импликатуры, пресуппозиции, речевые акты, дейксис. Эти разделы представлены уже в исторически первом, и до сих пор авторитетном, учебнике прагматики С. Левинсона [Levinson, 1983]. Термины, соответствующие перечисленным разделам, представлены в гизаурусе, но в их толкованиях не указана связь с областью прагматики. Лишь для прагматических переменных, или индексов, используемых в логических исследованиях, например в работах Ричарда Монтегю, эта связь понятна из самого терминологического сочетания, при этом, однако, содержательная связь между термином *индекс* и его лингвистическим аналогом *дейксис* не отражена. Не отражены и термины, именующие многочисленные направления современной прагматики, приводимые, например, в специализированном тезаурусе [Петрякова, 2014], составленном на основе анализа зарубежных словарей и энциклопедий по лингвистической прагматике. Вместе с тем та часть терминологического аппарата современной прагматики, которая представлена в гизаурусе, отражает реальную ситуацию в отечественных исследованиях по прагматике, в которых нередко на первый план выдвигается именно теория речевых актов.

Таким образом, сравнительный анализ данных гизауруса (отобранных на основе числовых характеристик терминов и источников) и терминологических подсистем, выявленных на основе других источников, позволяет реконструировать реальную (а не идеальную) «картину мира» лингвиста-исследователя. Анализ таких «картин мира» в диахроническом и синхроническом аспектах представляется полезным при изучении вопросов, относящихся к области истории и методологии лингвистики.

В заключение надо отметить, что весь внутренний потенциал гизауруса можно будет в полной мере оценить и использовать при появлении общедоступной электронной версии, которая обладает существенными преимуществами по сравнению с бумажной версией, позволяя осуществлять расширенный информационный поиск и перемещаться по гипертекстовым ссылкам.

Список литературы

- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат / пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравовым, Д. Лахути. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с.
- Кибrik А. Е.** Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: Универсальное, типовое и специфичное в языке. Изд. 5-е, доп. М.: КомКнига, 2012. 352 с.
- Лесников С. В.** Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы / науч. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. 512 с.

- Лесников С. В.** Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 2: Лексикон терминосистемы / отв. ред. член-корр. РАН С. А. Мызников; науч. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. 1024 с.
- Мауро Т. де.** Введение в семантику / пер. с итальянского Б. П. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.
- Петрякова М. С.** Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина Pragmatics ‘лингвистическая прагматика’ // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 142–151.
- Рутковский Л. В.** Основные типы умозаключений / Избранные тр. русских логиков XIX в. М., 1956. С. 268.
- Сухачев Н. Л.** Концептуализация в науках о языке. В кн.: Лесников С. В. Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы / науч. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–9.
- Levinson S.** Pragmatics (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge University Press, 1983. 438 p.

References

- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus; Translated from German and checked with authorised English translation by I. Dobronravov, D. Lahuti. Moscow, Izd-wo foreign. lit., 1958. 133 p. (in Russ.)
- Kibrick A. E.** Essays on general and applied issues of linguistics: Universal, typical and specific in language. Ed. 5th, supplement. Moscow, KomKniga, 2012. 352 p. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Meta-language of linguistics: In 2 vol. Vol. 1: Problems of systematisation of the terminosystem; Nauch. ed. N. L. Sukhachev. SPb.: Nestor-Istoria, 2021. 512 p. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Meta-language of linguistics: In 2 vol. Vol. 2: Lexicon of the Terminosystem; Ed. by S. A. Myznikov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; ed. by N. L. Sukhachev. Saint Petersburg, Nestor-History, 2021. 1024 p. (in Russ.)
- Mauro T. de.** Introduction to Semantics; Translated from Italian by B. P. Narumov. P. Narumov. Moscow, House of Intellectual Book, 2000. 240 p. (in Russ.)
- Petryakova M. S.** Thesaurus-network modelling of the semantic field of the term Pragmatics ‘linguistic pragmatics’. *Vestnik. Chuvash State Pedagogical University named after I. Yakovlev*, 2014, № 4 (84), pp. 142–151. (in Russ.)
- Rutkovsky L. V.** Basic types of inferences. In: *Selected works of Russian logicians of the XIX century*. Moscow, 1956. 268 p. (in Russ.)
- Sukhachev N. L.** Conceptualisation in the sciences of language. In: *Lesnikov S. V. Meta-language of linguistics: In 2 vol. Vol. 1: Problems of systematisation of the terminosystem*; Nauch. ed. N. L. Sukhachev. Saint Petersburg, Nestor-Istoria, 2021. P. 5–9. (in Russ.)
- Levinson S.** Pragmatics (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge University Press, 1983. 438 p.

Информация об авторе

Тимофеева Мария Кирилловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор

Information about the Author

Mariya K. Timofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Professor

Статья поступила в редакцию 10.09.2024;
одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 18.10.2024

The article was submitted 10.09.2024;
approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 18.10.2024

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Финансирование

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Funding

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
 Список источников
 References
 List of Dictionaries
 List of Sources
 Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Янышин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует представлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редакторской сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обусловливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпуса можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследе-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно гармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присыпаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru